

The background of the cover features a dark, atmospheric scene. In the foreground, a figure in a dark, hooded robe holds an open book that glows with a bright blue light. In the background, a large, ornate building with multiple domes and arches, resembling a cathedral or a fortress, is partially obscured by mist and smoke. The overall color palette is dark, with shades of blue, grey, and black.

КРЫЛЬЯ НЕТОПЫРЯ

ЧАСТЬ I
СОН РАЗУМА

ПАВЕЛ БЕЛЯЕВ

Павел Юрьевич Беляев

Крылья нетопыря.

Часть I. Сон разума

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67830011

П. Ю. Беляев. Крылья нетопыря. Часть I. Сон разума: Издательство

«Союз писателей»; Новокузнецк; 2022

ISBN 978-5-00143-659-1

Аннотация

Неспокоен мир Горний. Неспокойны живущие в нём создания. Все преследуют свои интересы, устанавливают собственные правила, потакают личным амбициям. Большие силы подвластны некоторым, а как с ними управиться? Как применить на благо? И что есть благо? Своё оно для каждого. И это опасно, очень опасно.

Вот и сейчас в Храмовых скалах собрался святой Синод, чтобы судить преступника. Пленника, обвиняемого в жутких вещах. Но что-то не так с этим человеком, что-то явно не в порядке. Не ведёт он себя так, как полагается обречённому на пытки и верную смерть. Словно он вовсе не подневольный узник, а хозяин положения. Кто же он, этот Азарь? Без титулов, прозвищ, второго имени по отцу, просто Азарь, а для кого-то учитель, для иных убийца или нарушитель всех мыслимых и немыслимых правил, законов, предписаний.

Содержание

Часть I. Сон разума	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	37
Глава 4	55
Глава 5	83
Глава 6	109
Глава 7	118
Глава 8	128
Глава 9	145
Глава 10	176
Глава 11	189
Глава 12	202
Конец ознакомительного фрагмента.	209

Павел Беляев
Крылья нетопыря.
Часть I. Сон разума

© Беляев П. Ю., текст, 2022

© Издательство «Союз писателей», издание, 2022

* * *

Часть I. Сон разума

*Нас создали никем, чтобы мы могли быть кем
угодно.*

Лао-Цзы

Глава 1

Посреди Велигорского океана грозно вздымались Храмовые скалы – величайший храм мира Горнего, который был вытесан прямо в теле исполинского горного хребта, что простирался на многие вёрсты с севера на юг. Огромные галереи, потрясающие воображение молельни и залы, даже кельи монахов – всё находилось прямо внутри скалы. Многие века солёные волны лизали неприступные стены этого храма, этой крепости, величайшего оплота истинной веры.

Ежегодно сюда стекались миллионы паломников почти со всего известного мира. Сотни самых разных кораблей от простых и незатейливых галер и ладей до величественных многопалубных фрегатов, оснащённых по последнему слову мореходства. Прихожане всех мастей и сословий стремились сюда, как к величайшему благу, чтобы прикоснуться к святым мощам отцов-основателей церкви, причаститься или исповедаться самым святым и непогрешимым людям Горне-

го. Сюда же стекались все пожертвования и церковные десятины. Поистине, неисчислимы богатства Храмовых скал позволяли независимо от правителей строить церкви и приходы везде, где это сочтёт нужным Великий Синод.

Именно здесь, среди многочисленных часовен, келий монахов, церквей, церквушек и главного храма, стояла высшая духовная семинария Храмовых скал, выпускавшая, помимо многочисленных теософов и членов высшего духовенства, величайших воинов Горнего – рытников. Овеянные благодатью самого Создателя – единого и неделимого Господа, получившие самые обширные и передовые знания своего времени в алхимии, математике, начертательной геометрии, теософии, зоологии, демонологии и во многом другом, перечисление чего заняло бы слишком много времени; рытники являли собой страшнейшее оружие Храма против язычников и еретиков. Они были способны выстоять перед любым проявлением тьмы, а если надо, то и с самим чёртом.

– И доколе вечно и неприступно стоять Великому Храму, дотоле нерушим буде свет истинной веры, – с придыханием произнёс уграстый отрок в холстине и, поцеловав, спрятал за шиворот маленький крест, заключённый в круг, – символ религии Храмовых скал.

– Эй, ну ты идёшь? – донеслось справа.

Отрок нервно передёрнул плечами и со всех ног припустил к пристани.

С самого утра пристань гудела от нахлынувшего людского

потока. Сегодня здесь собрались едва ли не все Храмовые скалы от степенных отцов-настоятелей до забитых семинаристов. И тщетно наставники пытались загнать молодёжь в душные ученические кельи, ведь сегодня на их глазах должно было случиться невероятное – прибытие настоящего ересиарха! Уже несколько десятилетий о них не было ни слуху ни духу, и казалось, что вся эта гниль, отравляющая души ложными учениями, давно изведена на корню, а вот поди ж ты: в самом центре стольного Лихобора рытникам удалось поймать одного из них. Да по слухам очень могущественного и опасного.

Больше всего ересиарха ждали семинаристы-первокурсники, которых ещё совсем недавно оторвали от родительской юбки и бросили в пучину послушания и учёбы. Их жизнь сделалась такой же серой, подёрнутой мхом и плесенью, как стены Храмовых скал. И немудрено, что именно им больше всего хотелось увидеть его – их ужас и ночной кошмар, воплощение всех потаённых страхов, порождение дедера, вся суть существования которого сводилась к тому, чтобы отвратить слабых духом от света единственно верной религии. Словом, ересиарха.

Погода как нельзя лучше соответствовала прибытию чистого зла. Ещё с полуночи молнии то и дело били в купол главного храма. Штормовой ветер срывал с голов шапки и мурمولки, завывал в трубах и стучал оконными ставнями. А ближе к полудню заморосил затяжной противный дождь.

Наконец, на горизонте появился драккар. Все как один за-
таили дыхание. Никто не издал ни звука, пока морская по-
судина с хрустом не ударилась о пологий каменный берег,
и на землю не ступили четверо в балахонах с островерхими
капюшонами – рытники.

– Как ты думаешь, какой он? – шептала маленькая вес-
нушчатая девчушка на ухо своей подруге.

– Конечно, он очень уродлив и страшен. Должно быть, у
него горб, а всё лицо изъедено оспинами.

– Как у пастора Леопольда? – переспросила «веснушка».

– Ещё хуже, – шёпотом ответила подруга. – А ещё у него
деревянная нога, и он обязательно будет сквернословить.

– Ужас какой...

Наконец, на пристани показался сам ересиарх. Это был
высокий мужчина с задумчивыми голубыми глазами и ру-
сыми волосами до плеч. Среди монахинь прокатился вздох,
и началось волнение. Мужчина держался прямо и с инте-
ресом рассматривал причудливую архитектуру Храмовых
скал. Как только он покинул сходни и ступил на берег, его
тотчас окружили рытники и повели к главному храму.

Ересиарх шёл медленно, заложив руки за спину, как на
прогулке. Он, несомненно, чувствовал всеобщее внимание,
хотя его взгляд был сосредоточен на каменных балюстрадах
и высоких резных порталах. В какой-то момент ересиарх
остановился так резко, что идущий сзади рытник врезался в
него. Человек поднял с земли шапку и с улыбкой протянул её

побелевшему от страха дьячку. Перепуганный служка опрометью бросился прочь.

Ересиарх криво усмехнулся.

...Его привели в просторное каменное помещение с низкими арочными потолками. У дальней стены пылал жаром небольшой горн, рядом стол с наводящими ужас инструментами. В центре помещения полукругом за столом сидело двенадцать священнослужителей. Они что-то сосредоточенно писали на листах первоклассного пергамента. Кроме того, здесь были клетки, кандалы, стулья с шипами и лезвиями, различные машины, дробящие кости, саркофаг в виде женщины с лезвиями, направленными вовнутрь. И ещё много другого пыточного реквизита.

У всего этого добра трудились наряженные в чёрные маски и кожаные фартуки спекуляторы, или, как их называли в Храмовых скалах, палачи и подпалачики.

Рытники толкнули ересиарха ближе к священникам и безмолвно удалились.

Русоволосый пленник ещё долго молча наблюдал, как судьи марают пергамент. Наконец, один из них, видимо главный, поднял голову и заговорил.

– Что ж, полагаю, в нашей ситуации желать здоровья было бы излишним.

– Полагаю, это никогда не было бы излишним, – тихо, но уверенно отозвался пленник.

Все священники как по команде оторвались от пергамен-

та и усталились на него. Переглянулись. Главный вновь заговорил.

– В таком случае, желаю вам здоровья.

– И вы здравствуйте, – почтительно кивнул пленник.

Его собеседник побагровел.

– Вы имеете честь предстать перед святым Синодом и держать ответ за свои злодеяния, в коих вы можете признаться, что существенно облегчит вашу участь, либо можете не признаваться. Но в подобном случае мы будем вынуждены отдать вас этим почтенным господам.

Ересиарх оглянулся и приветственно кивнул палачам. Самый маленький из них ответил лязгом раскалённых клещей.

– Представьтесь, пожалуйста, – жёстко произнёс священник.

– После вас, – вновь почтительно кивнул узник. – Или Священный Синод нынче пренебрегает этикетом?

Все снова переглянулись.

– В самом деле, Священный Синод вынужден просить извинения.

– Извинения приняты.

– Да что ты себе позволяешь, холоп! Смерд! – взорвался, сидевший с краю, священник.

Главный наградил его тяжёлым взглядом, и тот осёкся.

– За это мы вынуждены просить прощения тоже.

Человек кивнул, мол, извинения приняты.

– Итак, вы имеете честь предстать перед Священным Си-

нодом Храмовых скал. Это значит, что вас будет судить по грехам вашим высший и непогрешимый суд Горнего. Вам будет предоставлен защитник – адвокат дедера, преподобный отец Илия, вы уже с ним знакомы, – и голос Синода указал на священника, что мгновение назад назвал узника холопом.

Пленник с кривой улыбкой кивнул ему.

– Меня зовут преподобный отец Элестар, справа от меня... – И началось представление оставшихся десяти членов Синода. Как только звучало имя каждого из них, невольник кланялся персонально. – Итак, мы представились, теперь ваша очередь – назовитесь.

– Азарь.

Преподобные отцы переглянулись в который раз.

– Азарь? – осторожно начал Элестар. – Просто Азарь? Без титулов, прозвищ, второго имени по отцу, просто Азарь?

– Да, просто Азарь. И если вы не возражаете, я присяду.

У адвоката дедера Илии отвисла челюсть.

– Извольте, чего уж там, – развёл руками Элестар.

Азарь сел в кресло с механизмом для дробления костей и закинул ногу на ногу.

– Удобно? – не удержался адвокат дедера Илия.

– Вполне сойдёт. Продолжайте, – разрешил Азарь.

– Нет, что он себе позволяет? – вполголоса возмутился третий, его имени Азарь не запомнил.

– Пусть покуражится, – прошептал Элестар. Видимо,

предполагалось, что узник этого не услышит. – Ему итак недолго осталось. Это напускное, от страха. Итак, – продолжал он уже в полный голос, – Азарь, знаете ли вы, в чём вас обвиняют?

– Полагаю, вы просветите меня.

– Святейший Захария, просветите милостивого государя, – Элестар не смог удержаться от ехидства.

С места встал сухой и жилистый монах – третий слева от Элестара. Он манерно потёр переносицу, оттопырив мизинец, и пискляво начал:

– Вы обвиняетесь в розысках и чтении запрещённых текстов, апокрифических пересказов саптиентии, языческих и чернокнижных списках, в сношениях с ведьмами и колдунами, а именно: ведьмой и прорицательницей Хелен Рыжей, сожжённым наемни колдуном и кобником Хагеном из Катхаир на Сетх Кноик, звездочётом Агапеном из Лунгли...

– Звездочёта не знаю, – перебил его Азарь. Потом устроился поудобнее и кивнул: – Извините, продолжайте.

– Может, его хоть на крючке вздёрнем? – взмолился адвокат дедера Илия на ухо Элестару.

– Успеется. Он своё получит, – почти не размыкая губ, выдавил голос Синода.

Святейший Захария продолжал перечисление порочных связей и прегрешений Азаря. Среди прочего там значилось осквернение могил, алхимические опыты, торговля запрещёнными предметами разных языческих культов и незакон-

ных сект Храмовой веры. До кучи приплели введение высокородных барышень во искушение, отвращение отроков несмышлёных от церкви и гадание по звёздам.

– А также стояние во время мессы спиной к алтарю, – закончил Захария и сложил костлявые руки на груди. – Признаёте ли свою вину в оных злодеяниях?

– Признаю.

– Что, простите? – переспросил Элестар.

Азарь обернулся к подпалачикам и попросил их прикрыть горн заслонкой, а то, в самом деле, ничего не слышно. А потом твёрдо и веско обронил: «*Признаю*». Это слово гулом прокатилось под каменными сводами, и темница на какое-то время погрузилась в тишину.

– Признаться, – ошарашенно потёр переносицу голос Синода Элестар, – на моём веку еретик впервые так легко сознался. Тем более такого ранга, как вы, Азарь. Что ж, что я могу сказать? Я... я... Завтра вас сожгут, не хотите покаяться?

– Покаяться? – Азарь зло усмехнулся. – Перед вами?

– Перед Господом, – жёстко произнёс адвокат дедера Илия.

– Господом? – всполошился ересиарх. – Бог ты мой! Где же он? – он вертел головой из стороны в сторону, точно и в самом деле надеялся увидеть Бога.

– Прекратите паясничать! – не выдержал Элестар и хлопнул по столу. В тот же миг палач и подпалачики угости-

ли Азаря несколькими звонкими оплеухами и приковали к креслу. По первой же команде они готовы были раздробить конечности ересиарха.

Азарь расхохотался.

Какое-то время Священный Синод недоумённо наблюдал за истерично смеющимся пленником, а потом Азарь резко стал серьёзным.

– Покаяться? – произнёс он совсем другим голосом: хриплым, надломленным. – А мне не в чём каяться. Что книжки читал, какие вы запретили? Подумайте, какое лиходейство! Вы сами-то их читали? Читали, вижу по глазам... Не все, но вот вы, например, преподобный Элестар, точно читали. Почему вам можно, а мне нет?

– Я главенствую в Синоде. И я достаточно высок духовно, чтобы читать оные трактаты без опаски для здравомыслия.

– Я рад, что попал к вам, – вдруг заявил Азарь, – в кой-то веке удалось поговорить с образованными людьми, а то всё больше два слова связать не могут да так и норовят в зубах поковыряться. А вы не допускали мысли, что, может быть, и я не столь низок духовно, чтобы мне угрожали эти книжки?

– Это же элементарно, – Элестар уже взял себя в руки и говорил прежним размеренным тоном, – насколько я знаю, вы не кончали высшую семинарию Храмовых скал и не дослужились до моего ранга.

Азарь усмехнулся.

– Золотые слова, преподобный, золотые слова – насколько

вы знаете. Может, вы знаете не всё?

– Так поведайте нам. Для того мы здесь и собрались. Кто же вы на самом деле, Азарь?

– Я лишь тот, кто я есть. Но я начало и конец, я есть царь, я есть раб. Я подсудный невольник, чья незавидная доля – судить всех и каждого.

– Он безумец, – заключил преподобный Илия. – Или бесноватый.

– Ладно, каяться вы не хотите – ваше право, – произнёс Элестар и осенил себя священным знамением. – Но с вашей стороны было бы очень любезно выдать нам ваших сообщников, поставщиков вредной литературы и, может, даже других ересиархов.

– Разумеется.

Азарь вновь был краток. Он надолго замолчал, разглядывая, как в щели меж заслонок горна бушует пламя. Все ждали его слов.

– Что ж, – заговорил он снова, не отрываясь от горна, – вас никогда не занимала этимология названия нашего мира – Горний? Это от слова «гора» или «горн»? Высок ли наш мир, так же крут и прекрасен, как горы? Или его пекло способно согнуть даже сталь? Или древние, подыскивая название миру, отталкивались от понятия «горницы»? Или же наоборот – «горница» пошла от Горнего? Горний – верхний?

– Вы это сейчас к чему? – нахмурился сбитый с толку Элестар.

– Просто размышляю, – пожал плечами Азарь. – Как-то раньше об этом не задумывался, а тут пришло в голову... А что? Ах, да! Вернёмся к нашим баранам. Я расскажу всё и великодушно сдам вам всех. Но только при условии, что меня будут отменно кормить всё это время и не станут пытаться.

– Да что он себе позволяет? – взревел Илия и дал знак спекуляторам.

Палач начал медленно поворачивать вентиль на кресле. Лицо Азаря мигом покраснело, а на лбу набухли вены.

– Мне есть что вам рассказать, – жёстко произнёс ересиарх, глядя прямо в переносицу адвоката дедера. – Но мы будем говорить только на моих условиях или не будем говорить вообще.

– Сейчас ты у нас не так запоешь! – фыркнул Илия и дал палачам отмашку приступить к делу.

Азарь плюнул в его сторону и обмяк.

Палачи озадаченно развели руками.

– Мы не успели начать.

– Что? – взревел Илия. – Какие мы, однако, нежные! Привести в чувства!

Палачи бросились поливать Азаря водой и натирать различными снадобьями, каковыми обычно пользовались, когда хотели помучить жертву дольше, чтобы она оставалась в сознании и продолжала испытывать мучения. Тщетно. Пульс прощупывался, но ересиарх ни на что не реагировал. Позвали рытников. Те провели обряд, использовали все свои силы

и немалые знания, но даже у них ничего не вышло.

В конце концов рытник Гааталия заключил:

– Он жив, – после этих слов члены Священного Синода переглянулись, а Гааталия продолжал: – Проблема в том, что у нас лишь его тело, а душа может быть где угодно.

Адвокат дедера Илия грязно выругался.

Глава 2

Азарь пришёл в себя поздно ночью. Он очнулся в холодной келье с узким окном-бойницей, лёжа на полу. За исключением двух торчащих из стены штырей, келья пустовала. На таких штырях в Храмовых скалах спали монахи. Они просто обхватывали пруты руками и висли на них. Штыри направлялись под небольшим углом вниз, и спящие монахи потихоньку соскальзывали. Как только носки касались каменного пола, монах просыпался и принимался за свои повседневные обязанности.

Азарь попытался встать, но резкая боль пронзила его запястья и лодыжки. Постепенно шаг за шагом она захватывала всё новые части тела – живот, спину и так добралась до лица. Ересиарх осторожно ощупал его и понял, что левая щека распухла так, что едва позволяет открывать глаз. Вероятно, его пытались привести в чувства всеми доступными способами.

Азарь усмехнулся и тут же со стоном поморщился.

Он пролежал на спине, раскинув руки в стороны, довольно долго. Потом замок с обратной стороны двери тихо скрипнул, и в келью проник тусклый свет каганца. Вошёл мужчина с обезображенным лицом – это был Гааталия. Но Азарь знал его и под другим именем – Горислав. За его плечами небрежно покоился серый островерхий капюшон. Человек

неслышно подошёл к Азарю и сел пред ним на колени.

– Учитель, – тихо произнёс он, – как вы?

– Превосходно! – терпя ужасную боль, узник бросил все силы и всю волю, чтобы сесть перед рытником елико возможно легко. – Надеюсь, ты принёс мне хорошие вести?

Гааталия кивнул и полез за пазуху.

– У меня есть кое-что для вас, но сначала возьмите вот это. – И он протянул ересиарху, которого назвал учителем, небольшой мешочек.

– Что это?

– Эта трава снимет вашу боль.

– Боль у нас в голове, – улыбнулся Азарь, – на самом деле её нет.

– И всё-таки.

Азарь одобрительно закрыл глаза и принял мешочек.

– Будь благословен, друг мой. Так что ты мне скажешь хорошего?

Мужчина в одеждах рытника быстро встал и рысью метнулся к двери. Выглянув, он простоял там некоторое время, а потом притворил её и вернулся к Азарю.

– Учитель, уверен, вас это заинтересует. Некоторое время назад с материка привезли мальчика. Здесь таких называют тихими омутами, потому что за их, на первый взгляд, ангельской и невинной внешностью скрываются страшные силы.

– Что это за силы? – быстро спросил Азарь.

– У всех по-разному. Кто-то способен видеть будущее, для

кого-то все ваши тайные помыслы не составляют секрета, но таких, как этот в Храмовых скалах, боятся больше всего – они умеют туманить людям разум и внушать различные поступки.

– И много у вас таких детей?

– Не больше десятка, – чуть подумав, ответил рытник. – И большинству из них недолго осталось. Но этот самый сильный из всех.

– Почему недолго осталось?

– Учёные мужи Храма пытаются выяснить природу их врождённых способностей и не стесняются в средствах. К тому же некоторые из духовенства уверены, что при помощи этих детей они смогут выйти на чертей и сокрушить их.

– При чём здесь вообще черти? – поморщился Азарь.

– А обычно таких детей черти и забирают, – развёл руками рытник. – Те, что находятся в Храме – капля в море в сравнении с тем, сколько их обучается в неведомых чертогах бесов. Ну, я думаю, вам ясно, для чего черти их используют.

– Догадываюсь, – хмыкнул Азарь. – Я должен встретиться с этим мальчиком немедленно.

– Ваше желание – закон, – рытник смиренно закрыл глаза и метнулся к двери. Там он остановился и прислушался. Потом велел Азарю подождать и вышел.

Пока его не было, ересиарх быстро выудил из-за пазухи подарок своего ученика и бросил в рот две щепотки чудодейственной травы, остальное тотчас спрятал обратно. Эф-

фект не заставил себя ждать – боль прошла, Азарь вдруг стал лучше различать звуки и видеть в темноте. Мысли прояснились. И когда рытник вернулся, уже совсем здоровый и полный сил ересиарх упорно пытался расшатать штырь в стене.

– Как прикажете, учитель? Вести его сюда или вас к нему?

Азарь задумался.

– Пожалуй, я прогуляюсь.

Гааталия поклонился и жестом пригласил ересиарха следовать за ним. Они пошли по душным, пропитанным гарью и плесенью коридорам. То и дело на голову капала влага, соскальзывающая со сталактитов. Пламя факела, которым рытник освещал дорогу, выхватывало из темноты подземелья грубые, наспех выдолбленные стены.

Чтобы добраться до темницы несчастного талантливой мальчика, мужчинам пришлось спуститься на три яруса вниз. Там единственным освещением служили покрытые копотью каганцы, а в темницах не было ни их, ни окон, там царил мрак.

– Это здесь, – вымолвил Гааталия и осветил дубовую арочную дверь, обитую по краям железом.

– Жди тут, я сам.

– Но это опасно!

Азарь смерил ученика высокомерным взглядом.

– Забываешься!

– Простите, учитель! – Гааталия поспешно поклонился.

Азарь забрал факел и вошёл в темницу, оставив рытника

в крошечной тьме.

Келья была вчетверо меньше, чем «покои» Азаря. В углу на склизком, покрытом изморозью полу, свернувшись калачиком, спал босоногий юнец в безрукавке и рваных штанах. Внезапно он вздрогнул и, потирая глаза, уставился на пришельца.

– Что, уже снова надо идти *туда*?

– Нет, – покрутил ересиарх головой и сел рядом с мальчиком. – Я не один из твоих мучителей, я пришёл забрать тебя отсюда.

– Забрать? – мальчишка распахнул глаза. – Правда, забрать? Туда, где тепло и больше не будет комнаты с огромной печью?

– Да, именно туда, – подтвердил Азарь. – Где будет тёплая постель, нормальная еда, и где тебя больше никто не тронет.

– Кто же вы, господин? Вы – мой отец?

Азарь замешкался, но только на миг. Потом тихо сказал.

– Да, я твой отец. Тебя украли совсем юным, мы даже не успели дать тебе имя. Как тебя нарекли здесь – в Храмовых скалах?

– Алишером, папа. Ты правда заберёшь меня?

– Конечно, даже не смей сомневаться, – мужчина погладил Алишера по голове так, как будто это и вправду его сын. – Только не сейчас, когда придёт время. Скоро, очень скоро, мальчик мой. Но ты должен набраться терпения и дожидаться меня. Ты ведь мужчина, ты всё выдержишь, правда?

– Правда, папочка.

– Молодец, и мы всегда будем вместе. Ты очень нужен мне, Алишер, и я умру, но увезу тебя отсюда. Ты веришь мне?

– Да, папочка. Почему ты так долго не приходил? – мальчишка зарыдал и бросился «отцу» на грудь.

– Я искал тебя. Я очень долго тебя искал...

После Алишера они посетили ещё четыре темницы с тихими омутами. В первой Азарь нашёл девчушку. Она была вся измазана сажей и с опалёнными волосами, а походила больше на скелет, обтянутый кожей, чем на живого человека. Девочка хотела поднять руку, чтобы прикрыть глаза от тусклого света факела, который казался ей ярче всего на свете, но от слабости не смогла пошевелить и пальцем.

Ересиарх вставил факел в ушки на стене и пристально осмотрел девчонку. Как заправский знахарь, он ощупал тонкие ручонки, заглянул в рот и вгляделся в зрачки. Потом Азарь нервно почесал затылок и несколько раз прошёлся из угла в угол. Остановившись, мужчина пристально и грустно посмотрел на ребёнка.

– Жаль, – тихо произнёс он. – Очень жаль.

Девчушка вряд ли успела вникнуть в смысл его слов прежде, чем руки Азаря зажали ей рот и нос. Девчонка вся изогнулась и вцепилась в запястья своего убийцы. Откуда только взялись силы – Азарю стоило немалых трудов завершить начатое. Но, несмотря на неожиданное сопротивление,

скоро всё было кончено.

Когда Азарь вышел, ему преградил дорогу побледневший Гааталия. Он явно не ожидал, что ересиарх начнёт убивать тихих омутов, но не задал ни единого вопроса и смиренно повёл учителя к следующему ребёнку.

Это был отрок. Уже не мальчишка, но ещё не мужчина, существо со взглядом затравленного зверька и повадками шакала.

– Я рад, что среди этой гнили встретил такого, как ты, – пристально глядя на отрока, произнёс Азарь. – Ты хочешь отомстить своим мучителям, и я предоставлю тебе такую возможность. Но взамен ты прослужишь мне ровно год. Безропотно, как раб, а потом будешь свободен на все четыре стороны.

– Если выживу? – паренёк взглянул на ересиарха исподлобья и забился в угол. – Ты кажешься мне страшнее, чем местные палачи.

– Ты можешь читать мысли?

– Нет, но я знаю, чего ждать от людей. Я думал, что повидал достаточно ужаса в Храмовых скалах, но так страшно, как сейчас, мне ещё не было.

– Что ж, – Азарь безразлично пожал плечами и направил факел на собеседника, – год ужаснейшего страха и свобода, или ужасы поменьше, но до бесконечности, пока местные спекуляторы не замучают тебя насмерть.

– Если я действительно могу выбирать, то лучше останусь.

– Ну и дурак, – фыркнул Азарь. – Надеюсь, не нужно говорить, что если проболтаешься...

– Я ведь сказал, что боюсь тебя куда больше.

– Ну, хоть так...

Азарь направился к выходу. Уже на самом пороге он ненадолго замер, а потом оглянулся.

– Думаешь, ты несвободен, потому что вокруг тебя каменные стены, а путь к свободе заперт дверью и стражами? Если бы этого не было, ты всё равно оставался бы в темнице собственных страхов. Страх – это единственное, что может нас ограничить. Убей его, и ни одна стена тебя не удержит.

– Тебе легко говорить. Даже здесь ты ходишь, как у себя дома. Ты не видел того, что видел я.

– Как и ты того, что видел я, – тихо произнёс Азарь. – Я пришёл, чтобы дать тебе выбор – так и дрожать затравленным зверьком в зловонной клоаке или научиться быть хозяином даже в стане врага. Подумай об этом, а я, может быть, вернусь.

Перед четвёртой темницей Гааталия остановился и произнёс:

– Здесь находится *оно*. Посветите?

Азарь взял факел. Гааталия выудил из-за пазухи мел и принялся чертить им вокруг двери символы на старинном наречии яфегов, тех первых, что двадцать четыре столетия назад основали Саахад.

– Жрецы очень его боятся, – между тем продолжал рыт-

ник, – поэтому постоянно держат в состоянии сна.

Очертив дверь по периметру древними знаками, Гааталия сложил руки на груди в жесте молящегося, склонил голову и закрыл глаза. Его губы чуть заметно подрагивали. Внезапно символы засветились, сдвинулись на три пальца по часовой стрелке, и дверь еле слышно отворилась. Рытник забрал у Азаря факел и жестом пригласил в темницу.

Помещение было настолько тесным, что двое с трудом там помещались. На ровной каменной стене висел распятый мужчина. Азарь никак не мог уловить, что же в незнакомце ему не нравится, но почему-то образ человека вызывал у него отвращение.

– Я потратил уйму времени и бессонных ночей, чтобы понять, в чём его секрет, – тихо вымолвил Гааталия. – Сложнее всего было разбираться, удерживая его в этом же состоянии. Взгляните, учитель.

Рытник подошёл к мужчине и положил ладонь ему на затылок. Через мгновение черты лица распятого стали тоньше и приятнее. Кости и общее строение тела уменьшилось, а половые органы из мужских стали женскими.

У Азаря отвисла челюсть.

– Но мне кажется, это не его истинный облик, – гордый произведённым эффектом, сказал рытник и снова прикоснулся к затылку уже незнакомки.

Тело распятого снова подверглось изменению. Грудь осталась женской, а вот лицо приняло черты одновременно муж-

ского и женского организма. Гениталии тоже проявились обоих видов.

Ересиарх осторожно, точно боясь, что видение рассыплется, прикоснулся к лицу существа.

– Не может быть, – поражённо протянул он. – Кто бы мог подумать...

– Вы что его знаете? – изумился Гааталия.

– Я не думал, что такие, как он, ещё существуют... Андрогин.

Азарь рассматривал существо с ног до головы, словно увидел величайшее из чудес.

– Есть легенда, – продолжал Азарь, – что первые люди были андрогинами, а мы произошли от них. Они соединяли в себе черты женщины и мужчины, поэтому каждый из них мог стать родителем. Андрогинны были почти так же сильны, как боги, и в один прекрасный день возжелали сесть на их место. Богам это, разумеется, не понравилось, и они разделили андрогинов на две половины – мужчину и женщину. А потом ещё и разбросали половинки по Горнему, чтобы труднее было соединиться. Так появились нынешние люди. Отсюда и наше постоянное желание найти вторую половину. Чтобы снова обрести себя и стать полноценным.

– А это правда?

Азарь лукаво посмотрел на ученика.

– Конечно, нет, что за вздор? Это всего лишь легенда. Ну а по части их силы... посмотрим.

– Привести его в чувство?

– Нет, не стоит. В другой раз.

Рытник кивнул.

– И вот ещё что... Я даже не знаю, как сказать...

– Да говори уже как есть, – хмыкнул ересиарх.

Гааталия покраснел.

– Вставьте ему палец *туда*...

– Прямо туда?

– Да.

– Во влагалище?

– Да! – рытник покраснел ещё больше.

Азарь прыснул и подчинился храмовнику. Гааталия в который раз произвёл какие-то манипуляции с затылком адрогина, и тут же палец Азаря стиснули мелкие, но крепкие зубы. От неожиданности и боли ересиарх вскрикнул и отдернул руку.

– Чтоб тебя, Горислав! Не мог предупредить? Никто не слышал?

– Нет.

– Невероятно! – шёпотом воскликнул Азарь. – Зубы! Ну, надо же... Превосходно. Его мы однозначно забираем. Всё-таки не зря я сюда пришёл! – Азарь обернулся и положил руку на плечо храмовнику. – Ты отлично поработал, мой мальчик, и скоро я вызволю тебя отсюда.

– Скорее бы.

– Всему своё время. Что ж, – задумчиво произнёс Азарь, –

сегодня был удачный день. Идём отсюда, мой друг.

На обратном пути ересиарх вдруг остановился и прислушался. Гааталия тоже замер. Откуда-то доносился голос, вдохновенно читавший «Луэнсио» Мореля Геннора.

– Чёрт возьми, кто это? – удивился ересиарх.

– Один из наших заключённых, – пожал плечами рытник. – Нетопырь по имени Фаул.

– Нетопырь, читающий наизусть Мореля Геннора? – изумился Азарь. – Горик, завтра ночью ты просто обязан меня с ним познакомить!

Рытник смиренно поклонился.

Тюремщик и заключённый продолжили путь. Факел мало-помалу начинал гаснуть, и пришлось ускорить шаг. Мрак вокруг мужчин сгущался всё больше.

– Учитель, – прошептал рытник, – я должен вас предупредить: завтра вам уже никто не позволит уйти из себя, как вы это сделали сегодня. Я почти уверен, что Синод созовёт всех рытников Храмовых скал, чтобы они удержали ваше сознание в вашей же голове.

– Хм, – Азарь задумчиво почесал затылок и остановился. – Это логично. Расскажи мне, как всё будет.

– Мы встанем по периметру пыточной и образуем круг силы. Вдобавок всё помещение будет усыпано святыми символами.

– Хм, хорошо, что ты предупредил меня. Хм, однако... Постарайся завтра быть как можно ближе к Элестару.

– Я понял, учитель.

Когда они вошли в темницу Азаря, ересиарх попросил сделать нечто странное, но рытник не стал задавать вопросов. Если учитель просит, значит, так надо; захочет – объяснит всё сам. Азарь попросил его аккуратно вырезать из каменной породы, которая служила в келье всем от пола до стен, небольшой куб.

Рытник наморщил лоб и сел на одно колено. Сжав ладонь в кулак, он выставил вперёд указательный палец, из которого тотчас ударил тонкий белый луч. От пола потянулся тонкий сизый дымок.

Рытник вырезал в каменном полу куб. После того, как Гааталия извлёк куб, Азарь потребовал разрезать его пополам горизонтально. После чего обе части были возвращены на место. Гааталии пришлось несколько потрудиться, чтобы проёмы между вырезанными камнями не бросались в глаза.

Азарь поблагодарил ученика и отпустил.

Магия чудодейственной травы рытника начала таять как раз, когда за спиной Азаря хлопнул затвор, и ересиарх остался в одиночестве. Не думая о возможных последствиях, он бросил в рот ещё щепотку, какое-то время подождал, пока трава начнёт действовать, и снова принялся за штырь. Пока руки были заняты физической работой, мысли Азаря поглотил грядущий допрос.

Мало-помалу штырь начал поддаваться. Но вдруг ширкнул замок, и распахнулась дверь. На пороге стояли два рыт-

ника, обоих Азарь видел впервые.

– Идём, – пробасил тот, что вошёл первым.

Азарь молча покинул темницу и проследовал за цепными псами Храма до самой пыточной, которая, оказывается, находилась пятью ярусами выше. Перед её дверью ересиарх на миг замер и затаил дыхание, словно готовился войти в клетку с тиграми. Он неосознанно потирал шрам между указательным и большим пальцем левой руки в виде буквы V. Мгновение прошло, и ересиарх переступил порог.

По периметру всей пыточной, надвинув островерхие капюшоны на лица, стояли рытники. На полу между дробящим стулом, на котором вчера сидел Азарь, и столом Синода была начерчена классическая пятилучевая пентаграмма в круге из неизвестных Азарю символов. Похожие знаки покрывали и стены пыточной, а на сводчатом потолке за ночь успели начертить ещё несколько пентаграмм посложнее.

Азарь распахнул руки и воскликнул:

– Доброго утречка, господа! Элестар! Илия! Не смотри на меня так, негодяй, я знаю все твои мысли, – называя их, ересиарх кланялся персонально. – И ещё десять мужиков, которых я не запомнил... Ах, да! Ты, кажется, Захария! И вы, друзья! – он обращался к спекуляторам и рытникам. – Здравствуйте все! Как спалось?

– Вероятно, не так хорошо, как вам, – хмуро произнёс Элестар, не отрывая взгляда от исписанного каракулями пергамента. – Как вы, вероятно, заметили, сегодня наша компа-

ния пополнилась.

– Это было трудно не заметить, – хмыкнул Азарь и удобнее устроился в уже знакомом кресле. – И сама кельюшечка вроде как-то изменилась внешне, не могу вот только понять в чём же... Кто-то из вас выщипал брови? А! Наверное, всё дело в этих символах, – Азарь поднял вверх палец и очертил им круг. А потом жёстко добавил: – И в пентаграммах. Если мне не изменяет память, за их использование полагается сожжение даже без суда. Или я что-то путаю?

– Вы, Азарь, ничего не путаете, – Элестар, наконец, оторвался от пергамента и устало взглянул на подсудимого. – Действительно, за них сжигают. Но рытникам в особых случаях допускается к ним прибегать.

– Неужели такая честь из-за меня? – картинно удивился Азарь.

– Всё для вас, сударь.

– Вы, право, льстите мне, милостивые государи. Вчера я удостоился аудиенции с самим Священным Синодом Храмовых скал, сегодня к нему добавилась армия рытников и запрещённая магия, что будет завтра, преподобный? Я увижу небесное воинство?

– Дай бог никто из нас не увидит небесное воинство, – при этих словах Элестар осенил себя священным знаменiem.

Азарь повернулся всем телом к ближайшему рытнику и произнёс:

– А вам самим, ребята, не тошно?

Но за рытника ответил Илия.

– Интересно, отчего им должно быть тошно?

Азарь наклонил голову и какое-то время молчал.

– Когда-то рытники, – с издёвкой начал он, – сошлись в битве с лучшими воинами лютичей и победили. Не то чтобы я восхищался тем, что вы уничтожили целый народ... Но это, как минимум, делало честь вашему воинскому умению. А теперь, – ересиарх вдруг замолчал и, указывая пальцем, пересчитал рытников, – сорок лучших воинов мира стерегут одного меня. И смех и грех, право слово.

– Мы были обязаны почтить такого знатного гостя, – съязвил Илия.

– Довольно! – слегка повысил голос Элестар. – Мне надоел этот балаган. Мы все прекрасно понимаем, для чего сегодня здесь рытники. И можете не сомневаться, Азарь, они не позволят вам ускользнуть.

– Ну, как вам сказать, – ересиарх скорчил рожу и повертел перед лицом пятернёй. – Знаете, я ведь как в той сказке – колобок. И от бабушки ушёл, и от дедушки, и от тебя, серый волк, уйду.

– Я знаю и более древний вариант этой сказки, – Элестар сложил ладони в замок и вздохнул. – Там каждый зверь откусывал от колобка по кусочку.

– А так и было, – жёстко произнёс узник, глядя в переносицу преподобного. – Каждый на моём пути откусывал по куску от моей души.

– Но колобка в итоге съели. Хотя в вашей сказке, хоть в моей. Что же с вашей душой?

– Ничего. Бездна. И когда вы думаете, что смотрите на меня, на самом деле вы смотрите в неё. Но берегитесь, она тоже смотрит на вас. Она постоянно растёт и всё время учится, на что вы явно не способны.

– Отчего же? – не выдержал Илия. – Вчера мы извлекли урок, и, как видите, сегодня с нами рытники. К слову, они и появились-то благодаря нашей тяге к знаниям. Да-да, представьте себе, они были венцом нашей исследовательской деятельности. Мы изучали древние манускрипты, алхимию, человеческую природу, анатомию, проводили сложнейшие опыты...

– Словом, – перебил его Азарь, – вы делали всё то, за что меня теперь судите.

– Так, мне всё это надоело! – Элестар хлопнул ладонью по столу и привстал. – Скажите, Азарь, вы нас тут всех за идиотов держите?

– Нет.

– Врёт, – вдруг бесстрастно произнёс рытник справа.

– А, так они ещё будут удостоверять мою правдивость?

– И это тоже, – кивнул голос Синода. – Предположим, я этого не слышал. Так какого же рожна вы тянете время, хотя ещё вчера обещали всё нам рассказать?

– Ну, – Азарь развёл руками, – при этом за столь важные для вас сведения я просил сущую безделицу – не причинять

мне боли и хорошо кормить, а вы сделали ровно наоборот. И я даже не знаю теперь, можно ли вам доверять, милостивые государи.

– И теперь врёт, – напомнил о себе рытник.

Азарь косо посмотрел на него и продолжил.

– Но, как жест доброй воли, я мог бы рассказать вам кое-что интересное до того, как вы удовлетворите мои очень скромные желания, – как и в первый день, ересиарх обернулся к горну и долго наблюдал за танцем пламени. Все ждали. – Итак, пожалуй, я начну с самого для вас интересно-го... Вероятно, вам уже сообщили, что сегодня ночью от удущья скончался один из ваших тихих омутов. Скончалась, поскольку это была девочка. Да... Я убил её из жалости, потому что мне было больно смотреть, до чего вы довели ребёнка. Можете поверить, я её хорошенько осмотрел, ничем нельзя было помочь.

После этого заявления преподобные члены Синода бросились нервно переговариваться меж собой.

– Как вы понимаете, без посторонней помощи мне это не удалось бы. Так вот, почему-то мне кажется, что вы не слишком захотите, чтобы рытники услышали то, что я собираюсь вам сказать далее... Вчера вы, преподобный Элестар, да, кажется, вы спрашивали меня о других ересиархах. Ну так нет ничего проще, один из них – мой помощник и ученик здесь – в Храмовых скалах. Более того, он в этой самой келье и очень недалеко от вас, преподобный.

– Он не врёт, – бесстрастно подтвердил рытник.

Адвокат дедера Илия стиснул зубы, сдерживая ругательство.

Глава 3

– Милостивые государи, – Элестар обратился к рытникам, – оставьте нас.

Рытники один за другим безмолвно удалились. Азарь следил за этим с кривой ухмылкой победителя. Когда последний рытник закрыл за собой дверь, преподобный отец Элестар сложил ладони в замок и дал отмашку палачам уйти тоже. После чего кивнул ересиарху.

– Продолжайте, Азарь. Мы все вас внимательно слушаем. Азарь обвёл Синод взглядом. Все сидели точно на иголках. Ересиарх остановил свой взор на преподобном адвокате дедера Илии.

– Прости, мой друг, – глядя тому прямо в глаза, бархатым голосом произнёс пленник.

Все посмотрели на Илию, тот чуть не подпрыгнул.

– Да вы что с ума посходили? Да вы кому верите? Верните сюда рытников! Или хотя бы спекуляторов! Да у меня и возможности-то не было!

– А чего ты так всполошился, Илия? – желчно произнёс Захария.

– Что? – ещё сильнее рассвирепел адвокат дедера. – Ты тут на что сейчас намекаешь? О, я знаю, почему ты так ухватился за эту возможность убрать меня! Это потому, что я знаю о тебе и парочке монахинь...

– Господа! – повысил тон Элестар. – Вы в своём уме? Не при этом же. – И жестом указал в сторону Азаря, который тут же поклонился. – Я призываю вас всех к порядку. А вы, Азарь, готовы поклясться об этом на сапти... Ах, ну да, вы же еретик и поклянётесь на чём угодно... Вы предлагаете поверить вам на слово, что наш брат преподобный отец Илия тоже ересиарх?

Азарь потянулся и произнёс:

– Во-первых, вы уже поверили, что один из ваших братьев – мой ученик. Ну, рытник бы не дал соврать. Почему вы, собственно, всех и выслали. Мне непонятно одно.

И Азарь замолчал до тех пор, пока седьмой из Синода не спросил.

– Что же?

– Почему вы ничему не учитесь? Хотя только что уверяли меня в обратном.

– К чему вы клоните? – напряжённо спросил Элестар.

– Мы столько времени провели вместе, но вы так до сих пор и не поняли, что когда я собираюсь о чём-то рассказать, о чём-то важном, то захожу издалека и говорю много. Это ведь так очевидно, почему до сих пор никто из вас этого не заметил?

– Ближе к делу, сударь, – выдавил красный Илия.

– Как прикажете говорить, если вы всё время перебиваете?

– Хорошо, Азарь, – твёрдо произнёс Элестар. – Мы не бу-

дем вас перебивать и не скажем ни слова, пока вы сами не дадите знать, что это всё.

Азарь кивнул и снова надолго повернулся к огню.

– Я хочу, чтобы вы знали, милостивые государи, что я стараюсь уважать вас. Всех вас, ныне присутствующих в этой пыточной, хотя вы все, конечно же, преступники. Преступники, упивающиеся своей мнимой безнаказанностью. Я говорю мнимой, потому что я пришёл сюда судить вас. Я говорю вам в лицо, что вы в моих руках, что я пришёл воздать вам по заслугам, а вы продолжаете верить в моё безумие и упиваться вашей иллюзорной властью надо мной. А знаете почему? – Азарь встал и вразвалочку подошёл к столу с инструментами. Взял клещи и несколько раз клацнул ими перед своими глазами. – Потому что вас больше. Это стадный инстинкт всех разбойников. У кого из вас достанет храбрости сейчас остаться со мной один на один в этой пыточной? – ересиарх обвёл всех взглядом.

Синод молчал. Большинство скрупулёзно что-то записывало. Выдержали взгляд Азаря только двое – адвокат дедера Илия и голос Синода Элестар.

– На самом деле, это интересная вещь. Я бы даже посоветовал нынешним правителям искать так разбойников и негодяев. Это ведь дедерски просто и проверяется единым махом – если смелость человека уменьшается прямо пропорционально уменьшению количества его единомышленников, вероятность подлости с его стороны возрастает. Вы хотите

возразить мне, Элестар?

– Ваша логика мне кажется весьма интересной, но... достаточно спорной. По-вашему выходит, что если толпа разбойников нападёт в лесу на толпу крестьян, победят те, кого больше? И страх разбойников будет возрастать по мере уменьшения их количества, а страх крестьян будет уменьшаться по мере того, как крестьяне умирают?

– Хороший пример, – улыбнулся Азарь и сел в «свое» дробящее кресло. – Конечно, тут много нюансов, но если мы возведём эти две толпы в некий абсолют, то что мы получим? – Азарь поднял правую руку ладонью вверх. – Первая толпа – разбойники. В разбойники редко попадают хорошие воины, поскольку тех обычно ценят в княжеских или боярских дружинах. Следовательно, на большую дорогу попадают эдакие недовоины либо вообще не воины. Ратной выучкой они взять не могут, и мы это все понимаем, поскольку лично мне почти не известно случаев, когда бы разбойники нападали на дружину, хотя бояре обычно возят с собой приличные суммы. Пятьдесят разбойников могут напасть на десять дружинников, но никогда десять разбойников не нападут на пятьдесят витязей. Ребята с большого тракта умны и осторожны, хоть людская молва и зовёт их лихими. Эта лихость проявляется обычно на тех, кто слабее. И это разумно с их образом жизни, иначе бы они истребили сами себя, как явление.

– Теперь возьмём вторую толпу, – продолжал ересиарх.

Он вытянул левую руку ладонью вверх и на миг перевёл дыхание. — Здесь у нас крестьяне или кметы. Вся их жизнь — это работа. По сути, это упражнения для их мускул, которые они выполняют целыми днями. То есть, когда разбойник ещё спит — кмет трудится, сиречь тренируется. Когда разбойник гуляет в трактире, просаживая награбленное — кмет тренируется. Когда разбойник выслеживает новую добычу... Я думаю, общее направление мысли ясно. Кроме того, нельзя забывать о нашей любимой мужской забаве всех неревских народов — о кулачном бое. То есть наш бедный крестьянин имеет превосходную мышечную форму, навык самых разных поединков и чувство собственной правоты. Это вообще, на самом деле, великая вещь — чувство собственной правоты. Вдумайтесь! Перед тем как пойти на кого-то войной, каждый князь вбивает в голову своим подданным и дружине, что враг был не прав, а у него — у князя, который идёт на чужую землю убивать чужой народ, есть право и даже моральная обязанность вторгнуться с дружиной. Это делать совершенно необходимо, потому что чувство собственной НЕправоты порождает груз ответственности и чувство вины. Когда мозг воина подавлен этими двумя эмоциями, его боеспособность существенно падает. Он не может всецело отдаться сражению, и часть его мыслей и энергии поглощена этими эмоциями. Но! Если воин уверен, что поступает по правде, даже если на самом деле это не так, он будет отдаваться этому делу всецело. Он — хороший, он лучше их, его врагов, тех, с кем

воюет. Это даёт ему ещё и чувство собственного превосходства над ними, делает врага, в некотором роде, даже не совсем человеком – тварью, которую можно и нужно истреблять. У разбойников нет этого чувства, у них как раз наоборот – чувство собственной НЕправоты. И кроме того что им приходится сражаться с сильным противником, который изодня в день таскает плуг по полю или ворочает мешки с мукой, который на любом празднике молотит кулаками направо и налево, так ещё бедному лиходею приходится тратить силы, чтобы побороть в себе чувство этой самой неправоты. То есть разбойник оказывается вдвойне в невыгодной позиции. Поэтому он и должен проиграть.

– Но почему тогда в большинстве случаев всё случается совсем наоборот? – желчно заметил Илия.

– А вот здесь самое интересное! – улыбнулся Азарь. – Мы с вами уже поняли, что если взять, условно, пять разбойников и пять крестьян и столкнуть их нос к носу, скорее всего, крестьяне закопают разбойников и не заметят. И наши лиходеи с большой дороги это прекрасно понимают. Поэтому в дело вступает тактика. Ну, это закон войны, – развёл руками ересиарх, – закон любого противостояния: где нельзя задавить противника в лоб, начинаешь думать. Мы с вами знаем, что в любом воинском и боевом формировании всегда используется тактика. Даже у лютичей она была. Никто и никогда не сможет её повторить, но тем не менее. И чем выше выучка воина, тем она продуманнее и интереснее. Но

мы с вами помним, что в разбойники идут недовоины, поэтому их тактика проста, как тарганский шиллинг. Первое – это подавить волю противника к сопротивлению. Достигается двумя путями. Конечно, это численное либо оружейное преимущество – всегда. И менее очевидное – эффект внезапности. Грубо говоря, застать врасплох. Сбить с толку. Назовите мне хоть один случай налёта, где бы пришёл к купцу атаман и сказал: «Сегодня я заявлюсь сюда с парой своих товарищей и разнесу тебя к чертям, вычищу все твои закрома и изнасилую всех женщин». Хоть один?

Все молчали.

– Конечно, не назовёте, так могут поступить только воины и князья. Разбойник устроит засаду, нападёт сзади и вонзит нож в спину. Он постарается устранить в первые мгновения неразберихи как можно больше противников, чтобы к моменту, когда жертва разберётся и будет готова дать отпор, мы уже имели соотношение не пять разбойников к пяти кметам, а пять разбойников к одному-двум кметам. Дальше в дело вступают угрозы, пытки и всё в таком духе. Если к моменту, когда жертва поняла что к чему, соотношение будет обратным – пять кметов на два-три разбойника, или крестьяне по-прежнему будут стоять насмерть за своё добро и покажут решимость идти до конца – в большинстве случаев разбойники бегут.

– Всё равно мне это кажется достаточно спорным, – развёл руками Элестар. – Сейчас вы, Азарь, как-то уж слишком

издалека зашли... И давайте ближе к делу. Я уже даже не помню, с чего всё началось.

Азарь улыбнулся.

– Мы можем спорить и разбирать частности довольно долго, но с общей тактикой разбойников вы согласны? Согласны, что всё выглядит примерно так?

Синод покивал.

– Здорово! – воскликнул ересиарх. – Я действительно очень рад. А теперь вернёмся к нашим баранам. Взять даже отдельный сегодняшний день. Что мы видим? Один заключённый в пыточной, где сама по себе атмосфера, ну, прямо скажем, угнетает. И узник здесь один, а против него – лучшие воины мира, палачи и подпалачики, целый Священный Синод. – Азарь развёл руки в стороны. – Магия! То есть понимаете? Это же демонстрация численного и оружейного превосходства в чистом виде! Далее, эффект внезапности – кто бы мог подумать, что сегодня вы выведете против меня сорок лучших воинов мира и всю мощь начертательной магии? Признаюсь, это поразило моё воображение. Вы нанесли по мне удар, вы меня разоружили, лишили единственного рычага давления на вас – возможности улизнуть из собственного тела. Но я не сдался, я не принял оборонительную позицию, а пошёл в атаку. Поэтому вы испугались, и отступили, и выпустили инициативу. Никто никогда не вёл с вами себя так, как я. Поэтому вы не знаете, как реагировать, вас этому никто не научил. Поэтому вам страшно. Вы сбиты

с толку. Но вы вынуждены считаться с моими желаниями, поскольку понимаете, что я пойду до конца. А ещё вы чувствуете во мне это самое волшебное чувство – чувство собственной правоты. Которого у вас нет, потому что для поддержания величия вашей религии вы вынуждены делать то, что она осуждает.

Повисло молчание. Члены Синода в большинстве своём смотрели на ересиарха и не могли вымолвить ни слова. Адвокат дедера Илия гневно испепелял его взглядом. Жирный боров, похожий больше на слободского дурачка, чем на главу высочайшей организации Горнего, что-то сосредоточенно писал на пергаменте перед собой.

– Вы правы, что сбили нас с толку своим поведением, – вдруг тихо произнёс Элестар. – Сам по себе это прелюбопытнейший случай, и мне доставит истинное удовольствие записать его в анналы Храмовых скал. Но вы ведь не могли быть достаточно уверены, что мы поведём себя именно так, а не вздёрнем вас тут же за дерзость. Всё это было очень рискованно. И напротив, ваше искреннее желание сотрудничать, быть может, могло бы сохранить вам жизнь.

– Лучше умереть стоя, чем жить на коленях, – пожал плечами ересиарх.

Азарь поднялся и встал в центр пентаграммы. Сев на колени, он попытался локтем стереть одну из граней луча, но не вышло.

– Да, – задумчиво протянул ересиарх. – А перед Илией я

извинился за то, что хотел сказать далее: что подобный идиот никогда бы не стал ни моим учеником, ни помощником. Прости, Илия, прости, мой друг. – Азарь поднял голову и усмехнулся.

У всех членов Синода, без исключения, отвисла челюсть. – Знаете, Азарь, – медленно произнёс Элестар, – вы, конечно, всё это время вели себя вызывающе и нагло, но я мог уважать вас за ваш ум и фантастическую честность. И, конечно, за смелость... Но после того как вы опустились до подобного, мне уже труднее это делать, да и не хочется.

– Да и не надо, – пожал плечами Азарь. – Господа, вам нужен мой ученик? Вот он. – И указал пальцем на Элестара. Поднялся ропот. Все начали переглядываться.

– Ну, вспомните! Он, вроде бы, мой главный противник здесь. По крайней мере, активнее всех пытается противостоять мне в наших словесных баталиях. Но что мы видим по факту? – Азарь принялся загибать пальцы. – Когда Илия в порыве гнева хочет вздёрнуть меня на крюке, Элестар его останавливает. Именно он высылает всех ненужных мне людей по первому моему слову. В своих речах Элестар не пытается вывести меня на чистую воду, не выбивает признания, а наоборот, помогает донести до вас мои мысли. Затыкает вам рот, когда нужно дать мне слово, наводящими вопросами наталкивает меня на те моменты, которые я хотел бы обсудить с вами, но забыл. Прости, Элестар, но мы – ересиархи друг друга не ценим. А вот теперь он точно прикажет убить меня.

Возможно, так и случилось бы, но внезапно дверь распахнулась, и в пыточную вбежал рытник. Бежал он так быстро, что островерхий капюшон слетел с его головы, обнажив лысый скуластый череп. Рытник распростёрся ниц перед Синодом и доложил.

– Преподобные отцы, не взыщите за дерзость, но стряслось невероятное!

– Так, этого, – Элестар махнул на Азаря, – в темницу быстро.

Ввалилось ещё двое рытников, они подхватили ересиарха под руки, и вскоре он был снова у себя в келье. Кажется, воздух здесь стал ещё более сырым, от замшелых стен несло изморозью. Небо за окном клубилось тёмными тучами. Азарь подошёл к окну и вдохнул морской воздух. Потом он с закрытыми глазами сполз по стене и устало сел, прислонившись спиной к холодным сырým камням. Ересиарх зажмурился и до боли стиснул зубы. Поднёс к губам левый кулак и поцеловал свой шрам в виде буквы V. По лицу пробежала судорога.

С каждым ударом сердца мрак сгушался всё сильнее. Океан за окном шумно колотился в утёсы. Надрывно кричали чайки.

Внезапно Азарь поднялся и принялся остервенело расшатывать штырь. Он давил на него из стороны в сторону, тащил на себя, то тянул вверх, то наваливался всем телом. С терпеливостью безумного он всю ночь боролся с проклятой

полосой железа и без сил упал под утро.

Утром ему принесли жаркое и полный ковш пива.

Весь день Азаря никто не трогал. Ни допросов, ни даже каких-то звуков за дверью, ни, разумеется, казни – ничего, будто о нём все забыли. Несколько раз он замечал монахинь, которые пытались заглянуть в его окно. Они убегали, как только замечали, что Азарь за ними наблюдает. Однажды кто-то пытался забросить в темницу камень, но он ударился о ребро торца и упал вниз. Хулиган тотчас убежал.

В перерывах между расшатыванием штыря из стены Азарь подолгу следил за горизонтом. Щурил взгляд, всматриваясь в тёмную даль, где бушующий океан встречался с сумрачным небом. Со стороны могло бы показаться, что он кого-то ждёт, но каждый раз, убедившись, что горизонт чист, ересиарх с облегчением возвращался к своему занятию.

Когда на Храмовые скалы спустилась ночь, скрипнул затвор и открылась дверь. Внутри вошёл низкорослый рытник. Он отбросил капюшон, открыв квадратное скуластое лицо.

– Наш общий друг Гааталия, – тихо произнёс рытник, – просил, чтобы я отвёл тебя к нетопырю. Как по мне, то идея так себе, но вам, ребята, виднее. Идём?

Азарь замешкался и пристально посмотрел на рытника. Тот терпеливо ждал, ни одна мышца на лице храмовника не дрогнула. Азарь кивнул и последовал за ним. Перед дверью темницы нетопыря ересиарх забрал факел у рытника и попросил того подождать снаружи.

Азарь вошёл.

Существо спало вниз головой, вися на таких же штырях, как и в келье ересиарха. Нетопырь кутался в огромные кожистые крылья, как в плащ. Его лицо напоминало человеческое, но всё же было тёмно-серым с носом летучей мыши и треугольными ушами на макушке. Как только Азарь попытался подойти ближе, нетопырь открыл глаза и ступил на пол. Зашипел.

– Всё хорошо, – ересиарх выставил вперёд руки, – я не собираюсь причинять тебе вред.

– Ты кто такой? – ощерился нетопырь. – Жрец?

– Жрец? – усмехнулся Азарь. – Я по-твоему похож на жреца Храмовых скал?

– Не похож... Но и на рытника тоже. А другие бы сюда не вошли.

– Ну, я не храмовник. Я, скорее, их враг.

– Что-то я не слышал, чтобы Храмовые скалы кто-то брал на приступ, – угрожающе произнёс нетопырь, медленно расправляя крылья.

Азарь поразился их размеру.

– Как тебя зовут? – с улыбкой спросил Азарь.

– Фаул.

– Знаешь, Фаул, ты можешь мне верить или нет, но я пришёл, чтобы забрать тебя отсюда. Не надоело ещё гнить в этих стенах?

Нетопырь подозрительно посмотрел на ересиарха и сделал

два шага назад.

– Что тебе нужно?

– Мне нужен ты.

– Я это понял, что тебе нужно от меня?

– Я хочу сделать тебя богом.

– Что? – переспросил нетопырь и наклонился к странному человеку.

– Ты не ослышался – я хочу сделать из тебя бога. Настоящего, способного на великие чудеса. Не мага, не волшебника, а бога. Все они, – Азарь указал за спину, – склонятся перед тобой или будут вынуждены хотя бы признать, иначе умрут. Все рытники мира не выстоят перед твоей мощью.

– Ты безумец!

– Может, и безумец. Но если конченный сумасшедший по ночам разгуливает в Храмовых скалах, как у себя дома, а разумный нетопырь висит на жёрдочке в темнице, то тут одно из двух – или мир перевернулся, или безумец не совсем уж без ума.

– Это что, какая-то проверка? – нетопырь топтался на месте, не зная, что ему делать, и только бестолково шевелил крыльями.

– Что ещё, кроме «Луэнсио» Мореля Геннора, ты читал? – в свою очередь спросил Азарь.

– Много чего. «Распад» Жосена де Герольи, «Страсти» Ярыги Мельника, «Трактат о сути вещей» Лугина Заозёрного... Какая разница? Ты из Храма? Ты на что-то меня про-

веряешь?

Азарь потёр лоб.

– М-да, – глубокомысленно протянул он. – Вроде литературу хорошую читаешь, а такой тупой... Если бы я был жрецом и мне понадобилось как-то тебя испытать, я бы отвёл тебя в пыточную и раскалил клещи. Или они что, когда-то пользовались другими методами?

– Не помню.

– Вот и я не помню. Коли ты читал «Трактат о сути вещей», то тебе известно, что Лугин считает, будто назначение человека – это посредничество между двумя мирами: миром идей и миром вещей. Он уверен, что все вещи, которыми когда-либо владел человек или те, что только будут созданы, уже существуют в мире идей. Всё, что ты видел в жизни – столы, копья, телеги, горшки; всё, что мастера выдумывают каждый день – уже есть в мире идей. Вещи томятся в этом мире, ожидая своего воплощения в нашем Горнем мире. А суть и цель жизни человечества, как раз воплощение этих вещей. Человек – лишь мост между двумя мирами. Но кроме вещей он приводит в этот мир ещё и идеи. И по Лугину, почти каждое понятие может быть идеей. Даже такое фундаментальное, как Бог. Слышал выражение, что человек создал Бога по своему образу и подобию?

– Нет. Но это явно сказал какой-то богохульник, переиначив слова из саптиентии.

– Ты и саптиентию читал? – удивился Азарь. – Я думал,

нетопыри – безбожники.

– Так и есть. Но я образованный безбожник.

– Это тоже сказал Лугин. Собственно, за эту фразу его и приговорили заочно к колесованию и назначили награду за живого. Так вот, мы с ним считаем, что человек, действительно, в силах создать бога. И на его роль я выбрал тебя.

– Ты правда знаешь Лугина Заозёрного? – спросил Фаул, сделав шаг чуть вперёд.

– Считаю меня его любимым учеником, – улыбнулся Азарь. – Хочешь, и тебя с ним познакомлю?

Нетопырь долго смотрел на протянутую ему руку, словно видел подобное впервые. А потом пожал её так, точно шагнул в пропасть.

– Я с тобой, странный человек.

Обратно рытник повёл Азаря другим путём, объяснив тем, что так будет безопаснее. Спустя какое-то время, они вышли в широкие коридоры, облицованные чёрным ониксом. По углам стояли витые канделябры, под потолком пылали факелы, а вдоль стен светились каганцы.

– Безопаснее, значит, – хмыкнул ересиарх и вопросительно посмотрел на воина Храма.

Тот приложил указательный палец к губам и бесшумно проследовал вперёд.

Мужчины прошли несколько таких коридоров, потом поднялись в просторные галереи со сводчатыми потолками. Из больших открытых окон веяло морозом и запахом океана.

Рытник уверенно шагал впереди, нимало не заботясь о том, следует за ним ересиарх или нет. Азарь в свою очередь напрягал зрение, на всякий случай запоминая дорогу. Кругом не было ни души, Храмовые скалы точно вымерли. Наверное, рытник вёл, полагаясь на своё сверхъестественное чутьё, но Азаря почему-то неотступно преследовала мысль, что всех убрали отсюда намеренно.

Коридоры сменялись галереями, галереи коридорами, и по всем даже самым смелым подсчётам ересиарха, пора бы уже вернуться к келье, разве что рытник вёл через весь Храм.

За одним из поворотов Азарь и таинственный приятель Гааталии столкнулись с Элестаром. В ответ на ошалевший взгляд голоса Синода Азарь нагло улыбнулся и, сложив руки на груди, прислонился плечом к стене. Но потом случилось то, чего ересиарх уж никак не мог ожидать – рытник отвесил преподобному звонкую оплеуху и скрутил, как последнего разбойника.

В этот момент, как по заказу, из-за другого угла появилось ещё трое храмовников, которые оторопело уставились на невиданную картину.

Рытник вытянул руку раскрытой ладонью вперёд, и Азарь почувствовал, как его ноги отрываются от каменного пола.

– Зовите рытников, – прорычал таинственный друг Гааталии, – у нас измена!

Потом всё пошло быстро. Точно из-под земли выросло ещё пятеро воинов в остроконечных капюшонах и скрутили

Азаря и Элестара. Набежали храмовники всех рангов и словий. Элестара утащили в одну сторону, Азаря в другую. Не успев оглянуться, ересиарх оказался в своих «покоях».

Как только дверь захлопнулась, Азарь тотчас припал к ней ухом. Тщетно – рытники удалились, не издав и звука. Потом узник бросился к окну и выглянул наружу. На улице суетливо бегали огоньки факелов. Их было немного – не больше десятка.

Потом всё стихло. Азарь долго следил за тем осколком двора Храма, что был ему доступен через окно, но больше ничего не происходило. Поэтому ересиарх задумчиво потёр бороду и лёг на холодный каменный пол.

Глава 4

Три дня Азаря никто не трогал. Всё это время он предавался только трём занятиям – или задумчиво ходил из стороны в сторону, заложив руки за спину, или боролся с треклятым железным штырём, либо подолгу вглядывался в окно то высматривая, что происходит во дворе, то неотрывно следя за горизонтом.

На четвёртый день штырь поддался и медленно пошёл из стены наружу. В это время по закону подлости ширкнул замок, и дверь кельи шумно распахнулась. Вошёл Илия. Азарь встретил его, вися на штырях, как прилежный монах. Рытники внесли бочку, на которую вальяжно сел адвокат деде-ра. Высокий рытник начертал на полу загадочный символ и вышел.

Илия заговорил лишь, когда дверь за ним закрылась.

– Я пришёл сделать тебе предложение, которое бывает только раз в жизни.

Азарь сполз со штырей и сел, подтянув колени к груди.

– Видишь ли, друг мой, – между тем продолжал Илия, – я в корне не согласен с той политикой, которая нынче ведётся в Храмовых скалах касательно сектантов и еретиков. Я считаю, что для поддержания должного уровня веры у мирян, вы нам необходимы. И какая удача познакомиться с таким человеком, как ты.

Илия сделал паузу, но так и не дождался ответа Азаря и продолжил.

– Храмовые скалы периодически будут оплачивать некоторые твои начинания, так же негласно, разумеется, мы сможем оказывать тебе и иную поддержку по согласованию с высшим духовенством Храмовых скал. Взамен ты будешь держать нас в курсе всех важных еретических течений и их замыслов. Плюс, время от времени ты будешь создавать небольшие сектишки из тех, кого не жалко для показательных казней, чтобы каждый мог узреть, куда приводит мыслеблудие и своеволие. Чтобы каждый паршивый кметишка боялся даже к заутреней опоздать, понимаешь?

– Понимаю, – кивнул ересиарх, – я должен готовить людей вам на убой.

– Ну, – адвокат дедера развёл руками, – лес рубят, щепки летят. Видишь ли, мы тут души спасаем, а не тела. И если для спасения миллионов душ необходимо принести в жертву пару сотен – что ж, так тому и быть.

Илия встал и заходил кругами по келье.

– Видишь ли, Азарь, человек так устроен, что не может долго жить в комфорте, так он начинает лениться и тупеть. Именно поэтому даже наше высшее духовенство живёт скуднее, чем последний крепостной в Таргани. Ничто так не расслабляет, как комфорт. То же самое касается и веры. Многие годы о ересиархах никто и не вспоминал. Наши лазутчики и рытники знали своё дело. Даже тихие омуты – чёртовы

выкормыши, ты наверняка о них слыхал, не портили картину. Даже они! Те, кого лично лукавый учил смущать речами сердца людей, не могли создать тенденцию... Гм, тенденция, это...

– Я знаю, что это, – перебил его Азарь. – Не отвлекайся.

– Твоя наглость просто поразительна, – фыркнул Илия. – Однажды ты расскажешь мне, как ты такой оборзевший ещё жив по сию пору.

– Обязательно.

– Ну, вот, – развёл руками адвокат дедера, – и тут вдруг появляешься ты – неизвестно кто, с явно чужим именем, и начинаешь собирать вокруг себя колдунов, отщепенцев, замучлённых, всех тех, кто остался на обочине жизни.

– Когда-нибудь это должно было случиться. Не я, так другой.

– Дело не в этом, многие делали это и до тебя, но их не называли ересиархом.

– Так прозвали меня вы – храмовники. Все остальные зовут меня Азарь.

– Не важно, кто кого как называет! Важно другое – мы пропустили твоё появление, мимо нас прошло целое становление ересиарха! Мы разленились в отсутствии сильного врага, понимаешь? Мы проглядели тебя, вот что страшно!

– Действительно, какой ужас, – съязвил Азарь.

– Ладно. Что ты скажешь о моём щедром предложении?

– Я должен подумать.

Илия желчно улыбнулся и спрятал руки в рукавах.

– Подумай. Полагаю, то, что Гааталия находится у меня, должно помочь тебе принять правильное решение.

– Гааталия? – переспросил Азарь, ни одна мышца на его лице не дрогнула. – Кто это?

– Полноте, сударь мой ересиарх, это же твой ручной рытник. Или ты думал, что мы тут все настолько тупые, что поверим, будто Элестар лично помогал тебе убить девочку тихого омута, и даже не поговорим с рытником, который охранял тебя в ту ночь? Лично мне прекрасно известно, что Элестар не имеет к этому никакого отношения.

– А, – протянул Азарь и почесал затылок, – так вот, в чём дело. Тот рытник, с которым мы *случайно* столкнулись с Элестаром в коридорах, как ты там выразился? ... Это «твой ручной рытник»? Что ж, полагаю, теперь я должен обращаться к тебе не иначе, как преподобный отец Илия? А как ты заставил Синод выбрать тебя на место Элестара?

Илия снисходительно улыбнулся.

– Они сами приняли такое решение.

– Ну-да, ну-да, – Азарь задумчиво потёр подбородок. – А ты, Илия, молодец – вовремя подсуетился.

– Вот видишь, сударь мой ересиарх, мы с тобой *уже* отличная команда.

После этих слов Илия развернулся и молча покинул келью.

Азарь стиснул зубы и до хруста сжал кулаки.

Новый голос Синода поступил умнее своего предшественника – он приставил к заключённому ересиарху двух рытников, чтобы охранять, и ещё двоих, чтобы они негласно следили за теми двоими. Сам же он, не пытаясь скрыть торжествующего вида, поднялся на четыре яруса выше в небольшую залу со сводчатыми, исписанными фресками потолка, отделанную золотом и янтарём, с высокими стрельчатыми окнами. Там его уже ожидало трое мужчин с остроконечными капюшонами за спиной – отцы-настоятели рытников.

Илия сел за ореховый стол, обитый сероватым сукном, и, сложив руки в замок, оглядел отцов-настоятелей тяжёлым взглядом.

– Чем порадуете, государи? – жёстко произнёс преподобный.

– Мы пока не можем точно сказать, сколько их, но думается – пара сотен тысяч, – седой бородатый рытник расстелил перед Илией карту Велигорского океана. – Они движутся неправильным строем вот с этих направлений. С юго-запада идут основные силы. Но наибольшую опасность, по нашему мнению, представляет как раз самая малочисленная группировка – вот здесь, на юго-востоке. Они чем-то защищены, чем-то новым, наш взор никак не может пробиться за этот занавес. И скорее всего, именно там находится нечто, на что враг очень сильно надеется.

– Что это может быть? – бесстрастно спросил Илия.

– Всё, что угодно, – развёл руками рытник, и остальные

закивали.

Потом продолжил говорить тот, что слева.

– Это может быть новое чудовище или какие-то осадные машины. Прикажете выслать туда лодки-разведчики?

– Разумеется! – фыркнул Илия. – Не понимаю, почему вы этого ещё не сделали. Сколько мы можем выслать драккаров?

– Восемьсот, может, тысячу.

Илия нервно застучал пальцами по столешнице.

– Ладно... Дать им бой на воде мы не можем, придётся ждать здесь. Чёртов ересиарх много успел вызнать о нас. И даже когда у нас наименьшее число кораблей... Интересно, сколько лет Гааталия перед ним отчитывается?

– Простите, преподобный отец, – почтительно спросил правый рытник, – но какое это имеет значение сейчас? Наверняка, всё самое важное Азарь уже знает. И для этого не нужно так уж много времени.

– Не нужно, – согласился Илия. – Но видите ли, какое дело... Если ересиарх узнал о нас всё, скажем, два года назад, то это одно, а если десять, то это совершенно другое... Важно то, сколько времени он потратил на подготовку, насколько продуман его план. И это вы, государи мои, вытрясете мне из Гааталии не позднее, чем к ужину. Это первое. Второе – всех рытников, что сейчас находятся в Храмовых скалах, в полную готовность. Всех до единого.

– Даже тех, что охраняют ересиарха?

– Даже их, – кивнул Илия. – Вместо них поставить обычных монахов, владеющих боевым исихазмом. И найдите мне самого лучшего соглядатая, чтобы за ними следил. Он должен быть таким, что даже если Азарю удастся уйти от наших монахов, то соглядатай должен остаться его второй тенью и информировать нас о каждом его шаге своевременно. Это второе. И третье... Усилить охрану тихих омутов. Уж больно ими интересовался наш подопечный.

Илия встал и, заложив руки за спину, подошёл к окну.

– Уже одно то, что на Храмовые скалы осмелились напасть – наносит вред нашему величию. Мы должны показать всем, *насколько* это глупое решение. Помните: доколе вечно и неприступно стоять Великому Храму, дотоле нерушим будет свет истинной веры. Небеса смотрят на нас, государи, не подведите. Ступайте.

Отцы-настоятели рытников вышли.

Илия тяжело вернулся в кресло и задумчиво потёр лоб.

Рив

На корме двухпалубной галеры стоял человек. Его соломенные волосы, стриженные под горшок, остервенело трепал солёный ветер. Над головой рокотало хмурое небо. Человек закатал левый рукав грубой холщовой рубахи и обвёл угольком фигурку чёрной рыси на изготовке к прыжку, что была выколота на предплечье. Потом он втянул полной гру-

дью воздух, точно впервые за долгое время оказался на воле, и положил правую ладонь на оголовок укороченного неревского меча с дугообразным огнивом.

Шумели волны, в уключинах скрипели вёсла. За вёслами сидели широкоплечие одноногие и одноглазые создания – дивии люди. Они пели во весь голос матерные частушки и завывали не в такт. У руля сидел коренастый, похожий на человека, но весь белый с ног до головы, чуд. Он плакал, понуро опустив голову.

Впереди щетинились куполами Храмовые скалы. С каждой морской верстой, что они приближались, человек на корме всё крепче сжимал оголовок меча.

– Эй, рив, – окликнул его рулевой, – на черта тебе всё это надо, из тебя вышел бы неплохой кормчий.

Стародум бросил на него короткий взгляд и снова обернулся в сторону Храма.

– Налечь на вёсла, – вместо ответа жёстко произнёс он хриплым надломленным голосом.

Галера прибавила ходу, а следом и целая флотилия из галер, драккаров, ладей, лодчонок и плотов. Вокруг кораблей плыли, то показываясь над водой, то вновь скрываясь в пучине, диковинные рыбы размером с амбар и раскраской, как у Тигарьских тигров, ящероподобные существа со змеиной шеей, шестилапые мохнатые твари, похожие на пауков, что были способны ходить по воде так же, как по суше, и зелёные монстры из саахадских лесов, что с виду походили на брев-

но, подёрнутое толстой коркой, но чья пасть раскрывалась так широко, что туда мог поместиться целый телёнок.

Рив вытянул вперёд кулак с большим пальцем, направленным вверх, и сравнил с ним размеры Храма. Святые скалы возвышались над пальцами уже на лишние две фаланги, чем нужно, значит, до Храма оставалось не более восьми морских вёрст.

– Начинаем, – прохрипел кормчий.

В тот же миг один из вёсельных соскочил с места и при помощи двух флагов принялся сигнализировать соседней ладье. Те, в свою очередь, драккару, и так ещё несколько кораблей, пока сигнал не дошёл до невероятных размеров плота. Сразу же после условного сигнала оттуда взмыло вверх десяток летучих змеев. Потом столько же с другого плота, второго, третьего. И вот уже целая туча крылатых ящеров неслась в сторону Храмовых скал. По пути змеи расправились с несколькими лодчонками.

Рив с улыбкой наблюдал, как столбы жидкого пламени проламывали разведывательные судёнышки, которые выслал Илия. Проплывая мимо горящих останков, кормчий с чёрной рысью на руке отбил картинный поклон и отдал приказ брать остров на приступ.

Ладьи и галеры ускорили ход. Однако на подходах к Храмовому острову флотилия остановилась – скалы были окружены плотной стеной из шаровых молний. Беловато-жёлтые сгустки энергии лихорадочно метались из стороны в сторо-

ну, точно рой разъярённых шершней.

– Всем смирно! – приказал рив. – Они реагируют на движение!

На кораблях все замерли и даже затаили дыхание.

– Зовите сюда чародея, – распорядился Стародум.

Спустя мгновение на палубе оказался старец. Согбенный и лысеющий он нервно перебирал чётки тонкими пальцами с воспалёнными суставами.

– Ну? – рив заткнул большие пальцы за кожаный пояс и, не отрывая взгляда от купола главного храма, произнёс: – Что будем делать, почтенный?

Старец молитвенно сложил руки на груди и принялся неразборчиво бубнить что-то себе под нос. Потом он резко выбросил руки вперёд, из груди колдуна в сторону шаровых молний ударил сноп алых искр. Все зажмурились, только рив, с прищуром закрывая лицо ладонью, пристально наблюдал.

Сияние на галере становилось всё ярче. Волны вздыбились, и в небо ударили узкие водяные столбы. Неведомая сила закручивала их по спирали вверх. Рив ощутил, как порывы всё усиливающегося ветра едва не выталкивают его за борт. А потом раздался тихий треск, и колдуна разорвало на мириады белых горящих пылинок.

Тотчас водяные столбы ринулись вниз, разламываясь в полёте, пробивая и круша флотилию Стародума.

– А старик нам поднаграл, – задумчиво произнёс рив.

Дивии люди за его спиной грязно выругались. Чуд смеялся.

– Выпустить голубей, – распорядился рив. – Всех.

Чуд перестал смеяться.

– Но ведь они нужны нам, чтобы вернуться домой.

Рив хмуро посмотрел на него.

Чуд заплакал.

Крылатая сизо-белая туча ринулась к Храмовым скалам. Шаровые молнии среагировали незамедлительно. Когда их рой сталкивался с птицами, мелькала короткая вспышка. Главное, после столкновения с живой плотью, молния испепеляла её без остатка, но и погибала сама. На досягаемую движущуюся цель одновременно реагировали десятки беловато-жёлтых шаров. Полторы тысячи сизарей ценой своей жизни расчистили от молний целый сектор.

– Налечь на вёсла! – выкрикнул Стародум. – Курс на брешь!

Лодки ринулись в образовавшийся проход. Самым крайним судам горько доставалось от молний, находившихся дальше того сектора, куда выпустили голубей. Но те, что были ближе к центру, благополучно миновали защитный кордон Храма.

Скоро из кораблей на сушу потянулся густой поток самых разных существ.

Рив вышел в числе последних. Он видел всё происходящее словно замедленным, а звуки доносились, как из боч-

ки. Дыхание перехватило. Рив ступал по каменистому берегу нетвёрдым шагом. Кругом кипела схватка. Храмовники сошлись с чудищами, которых привёл Стародум. Раздавались крики и лязг железа. Загорались и гасли белые всполохи храмовой магии. Над головой с глухим треском рвались шаровые молнии. Стародум наклонился и загрёб пригоршню мелкого острого камня, а потом медленно высыпал всё назад. В ушах стоял тихий противный звон. Но стоило риву повстречаться с широкоплечим дьячком, вооружённым кривой тарганской саблей, как силы и самообладание тотчас вернулись. Стародум рубанул наискось, обманным финтом ушёл в сторону и, припав на одно колено, пронзил храмовника снизу. И в тот же миг на него словно обрушился шум сечи и рёв чудовищ. Он ощутил себя здесь и сейчас, и время пошло своим чередом.

Рывок вперёд, удар мечом, один, другой, пережат и удар назад не глядя. Глухое падение мёртвого тела. Ворвавшись прямо в центр толпы стриженных под горшок послушников, рив очертил мечом широкую дугу, а потом раскрутил его так, что сталь почти перестала быть заметна под брызгами крови, падающими телами и взлетающими вверх конечностями.

– Пленных не брать! Никого не щадить! – ревел Стародум.

Тотчас его одобрительно подхватили одноногие и одноглазые разбойники дивии люди и весело ринулись громить высокие галереи.

Битва постепенно переползала на центральную площадь и растекалась по окрестным домам. С нескольких часовен, что стояли на рубеже пирса, дивии люди сбросили купола. Шустрые белые, как снег, чуды соорудили стенобитные орудия. И пока дивии люди безо всякого порядка крушили ими всё, что попадалось под руку, чуды принялись собирать камнемёты, самострелы и другие осадные машины.

В небе кружили летучие змеи. От их огня плавились скалы, в которых был вытесан Великий Храм.

– И доколе вечно и неприступно стоять Великому Храму, дотоле нерушим буде свет истинной веры, – прошептал уграстый послушник, с ужасом наблюдая, как под силой дедеровского огня вниз катится купол одной из семи башен главного храма. А через миг на него сзади набросилось мохнатое шестипалое существо и вонзило скорпионье жало прямо в темя.

Из башен и бойниц ритмично вырывались пучки света – это рытники сосредоточились на главной опасности: летучих змеях. Смертоносные лучи исходили из ладоней сторожевых псов Храмовых скал и разрывали бестий в клочья. При этом раздавался оглушительный треск, и змеи взрывались, разнося в крошево всё в радиусе пятнадцати локтей.

Спустя какое-то время, на храмовый остров прорвались чудовища ещё с трёх направлений. Небо вспыхнуло белым – это бестии, не щадя жизни, прорывались сквозь заслон из шаровых молний.

Армия рива осадила Храмовые скалы со всех сторон.

Пирс и прибрежные улочки, в которых в основном обитала чернь, были разграблены и разрушены до основания. Всюду пылали пожары. Но предместья от центральных площадей отделяла толстая стена детинца – именно там, за каменным кордоном, валом и сторожевыми башнями, находилось всё самое важное в Храмовых скалах, в том числе и сам главный храм, и казематы, в коих держали Азаря.

Дубовые ворота детинца были накрепко заперты, а у каждой бойницы сидел либо лучник, либо какой-нибудь рытник самых первых ступеней посвящения. Те, что были рангом выше, на сторожевых башнях пытались разобраться с летучими змеями.

Рив уверенно шёл вдоль кордонов. Всё происходящее его будто не касалось. Он спешил, почти бежал. Остановившись у небольшого квадратного творила, Стародум четырежды ударил в него оголовком меча, немного подождал, а потом отстукал нехитрый ритм. Творило открылось плашмя, и наружу показалась белёсая голова рябого монаха. Он смерил рива подозрительным взглядом и произнёс:

– Принёс мои деньги? А?

– Ты получишь сполна, – хрипло вымолвил Стародум. – Но не раньше, чем я окажусь у ворот детинца.

– Нет, рив, ты меня не проведёшь... Сначала покажи деньги.

Стародум гадко усмехнулся и сорвал с пояса объёмную кожаную колиту или кошелёк, как их называли в Храмовых

Скалах, бросил монаху. Тот с видом знатока потряс колиту против уха и скривил довольную мину.

Они шли узкими коридорами. Трижды встречались монахи, которых озадачил вид мрачного окровавленного рива. Трижды Стародум без особых хлопот расправлялся с храмовниками. Наконец, монах остановился и прошипел на ухо Стародуму:

– За этим поворотом лестница, она ведёт к воротам.

Рив снова гадко усмехнулся.

А потом, зажав монашку рот, несколько раз пырнул ножом в живот.

– Предательство – это грех.

Через мгновение меч Стародума уже свистел у самых ворот детинца.

Стычка длилась недолго. Застигнутые ударом в спину, монахи не сразу поняли, что делать. А когда разобрались, было поздно.

Мгновение спустя, сонмы чудовищ ринулись на святые площади в распахнутые ворота.

Рив долго стоял, лично наблюдая, как его армия прорывается в святая святых мира Горнего. Потом рива нашёл чуд, что был при нём рулевым, и они вместе ступили на скользкую от крови брусчатку центральной площади.

Здесь и там чудовища живьём обгладывали беснующихся от боли храмовников. Бились в агонии тела. Под ногами копошились отрубленные конечности, ноги то и дело вязли и

путались в чьих-то внутренностях. Смерд стоял такой, что даже у бывалого вояки помутилось бы в глазах.

– Скажи мне, рив, – хмуро произнёс чуд, – тебе не жалко всех этих людей?

– Нет.

– Никогда не понимал, почему люди так любят убивать себе подобных.

Стародум на мгновение остановился и с ехидной улыбкой посмотрел на чуда.

– Ну, мы же не звери.

Потом рив снова дрался.

Нет, не дрался – убивал. Стародум просто выкашивал храмовников, как бывалый хлебороб на уборочной. Мрачным жнецом он шёл от дома к дому, и холодный клинок не щадил никого от мала до велика. Он не мучил жертв, не испытывал ни малейшего удовольствия, просто хладнокровно делал своё дело с отсутствующим взглядом.

В одном из домиков рив остановился перевести дух и выпить воды. За окном творилось чёрт-те что. Белые всполохи храмовой магии выхватывали из мрака ночи картины из увечных тел, перекошенных болью и гневом лиц и уродливых фигур. Уродливы были все: чудовища и люди, дороги и дома – сами небеса вдруг стали отвратительны.

А потом что-то стряслось. Рив даже не сразу сообразил, что именно. Лишь спустя мгновение до него дошло – все, кого он мог видеть, разом умерли. Их никто не пронзал лу-

чами смерти, никто не бил железом, они все просто упали. Точно некто могущественный разом выдернул из всех стержень, на котором они держались.

Вдалеке со стороны главного храма неспешно маячили три фигуры с длинными золотистыми жезлами.

Рив до боли стиснул в руке серебряный кубок, из которого только что пил.

– Эй, чуд, конструкты сюда, быстро.

Белый повиновался. Он закрыл глаза и приложил пальцы к вискам.

Рив фыркнул.

– Куда к свиням. Без показухи никак.

Чуд открыл глаза.

– Когда я держу голову руками, она потом не так болит.

Рив пожал плечами и быстрым шагом направился прочь оттуда, в противоположную фигурам с жезлами сторону.

– Так вот для кого мы везли эти жестянки, – пытаюсь догнать двужильного рива, выдохнул чуд.

– Да. И нам нужно скорее убраться отсюда.

А в это время другой белёсый чуд, долговязый и худой, как ремень, быстро вёл за собой армию, с ног до головы закованную в броню. Рыцари шли странно – идеально ровным строем, чётким, отточенным шагом. В их движениях было нечто пугающее и отталкивающее, казалось противостественным. Сама скала дрожала и стонала под стальными сапогами.

Трое с жезлами повстречались с конструктами в половине версты от детинца. Стоило золотистому жезлу коснуться их предводителя, как чуд тут же повалился на брусчатку, как мешок. Но когда жезл ударился о доспехи, кроме гула, какой обычно исходит из пустой железной бочки, не случилось больше ничего. Рыцарь взмахнул мечом и разрубил храмовника напополам.

Стародум следил за ними из разрушенного дома, схоронившись под горами обломков и глиняных черепков. Рив улыбнулся.

– Никогда прежде не видел исторгателей душ, – произнёс кормчий.

Чуд сидел, привалившись спиной к стене, с закрытыми глазами.

– Ты и сейчас не особо на них глазеешь. Не подвёл Кузнец... Благодаря его конструктам, исторгатели больше не будут такой уж силой. Однако, пора и честь знать...

Рив не досмотрел, как конструкты расправились с исторгателями душ, и покинул своё укрытие. Он не видел, как со стороны главного храма показались рытники. В считанные мгновения они расстреляли всю армию железных созданий. Конструкты разорвало в клочья, но против ожидания в них не оказалось и следа живой плоти. Вместо этого из доспехов посыпались шестерёнки, кожаные ремни и пружины.

Рытники застыли и принялись переглядываться. Спустя миг шестерни вздрогнули и, понуждаемые неведомой силой,

покатились снова к доспехам.

Рив не видел, как отчаянно рытники жгли калёную сталь в надежде остановить восстановление конструкторов. Что-то они под действием храмовой магии плавились и растекались по каменистому полу, смешиваясь с кровью и слизью. Какие-то доспехи оставались без движения. Но иные успевали восстановиться и достать обоюдоострым мечом цепных псов Храма. Рытники расплавили около сотни доспехов и их внутренностей, но остальные конструкторы полностью собрались и, порубив всех храмовников, двинулись дальше.

Рив не видел и того, как механические доспехи разбредлись по улочкам и столкнулись с новыми отрядами рытников низших ступеней посвящения.

Стародуму было плевать, кто кого.

Он быстро шагал снова в сторону главного храма, то и дело наталкивался на кого-нибудь, рубил наотмашь не глядя и шёл дальше. В нескольких переулках его поджидали стайки вооружённых саблями монахов. Рив показывал старую ривскую фехтовальную школу, берущую своё начало от самих лютичей, и, переступив через трупы, продолжал путь.

Его окликнули.

Стародум остановился и спустя некоторое время повернулся на голос. Перед ним стоял монах. Лицо скрывал островерхий капюшон, а на шее висел медальон в виде креста, заключённого в круг, с обсидиановой сердцевиной.

Стародум до боли стиснул ручку меча.

– Вот и свиделись, рив, – произнёс жрец. – Здравствуй.
Рив презрительно плюнул.

– Ну-ну, полноте. Я прекрасно знаю твоё отношение ко мне, не нужно этих картинных жестов и нарочитости.

Жрец Храмовых скал пошёл кругом, точно пытаюсь зайти с тыла. Стародум в противоположную сторону, почти зеркально копируя походку жреца. Конец меча тихо звенел, волочась по брусчатке.

– Зачем это всё, рив? Вот это всё, – жрец развёл руки в стороны, – неужто только для того, чтоб мы встретились? А иначе зачем? Никто ведь не уйдёт отсюда живым.

Рив напал. Рубанул наискось, ушёл в пируэт и ткнул вперёд. Жрец, держа руки за спиной, играючи увернулся.

– Скажи, а ваш ересиарх знает, что ты пришёл сюда вовсе не для того, чтобы спасти его?

Стародум усмехнулся.

– Выходит, знает?

– Да ему плевать на это всё, – произнёс рив и снова напал. На этот раз атака длилась дольше, Стародум провёл красивую размашистую комбинацию и даже задел плечо жреца. Тот зарычал, но от повторного попадания снова ушёл. – Неужели ты ещё не понял, что это всё для отвода глаз? Думаешь, вы поймали Азаря? Блаженные глупцы... Он здесь потому, что *хочет* быть здесь. Я не знаю его планов и мне плевать, но тут у него точно какие-то дела.

Жрец рассмеялся и потёр лицо.

– Честно говоря, не думал, что ты вот так выложишь мне всё на самом деле.

– Я недолго общался с Азарем, но он всегда учил отвечать честно. Я лишь следую завету великого учителя, – иронично сказал рив.

Снова напал. На этот раз без всяких разговоров, он раскрутил меч так, что клинок превратился в смазанные стальные всполохи. Со звериной яростью Стародум нападал, прыгал, кувыркался, лез из кожи вон, чтобы достать жреца, но тот каждый раз в последний момент уходил из-под угла атаки.

– Видеть твоё удивление для меня удовольствие, – издевался жрец. – Неревские народы – просто кладёзь различных боевых стилей. И это при том, что у вас никогда не было школ боевых искусств, как, например, у Шонь Рю. К примеру, данная техника боя называется «свиля», я обучился ей в одной весюшке у озера Крах, не припомню, как называется. Удивительно, что даже такой мастер, как ты, не знает боевой традиции своего племени до конца.

Рив стоял напротив жреца и тяжело дышал.

– Свиля, значит?

– Свиля.

– Ладно.

Стародум потянулся за голенище своего сапога с ботфортами и достал оттуда небольшой бурдюк, заткнутый чопиком. Зубами откупорил и залпом выпил содержимое бурдю-

ка.

– Неужели, это знаменитый отвар из мухоморов, который превращал лютичей в непобедимых убийц?

Вместо ответа рив рванул вперёд и снова раскрутил меч. Их поединок больше напоминал танец, чем столкновение двух противоборствующих начал. Рив рубил со всех доступных ему направлений, пронзал воздух тычками, прыгал, кувыркался. Он передавал меч из руки в руку и резко менял направление удара, чтобы сбить противника с толку. Жрец кружился на расстоянии удара от него. Точно так же храмовник то пригибался к земле, то подпрыгивал, а то и просто отходил в сторону. Но при этом его руки по-прежнему покоились за спиной.

Рив не останавливался. Улыбка, наконец, сошла с лица жреца, а вскоре он был вынужден подключить руки, балансируя ими для лучшей координации всего тела. Со временем движения храмовника становились более резкими, ривский клинок проходил всё ближе.

В какой-то момент жрец пропустил очередной выпад мимо себя и поймал руку Стародума в залом. Используя рычаг, храмовник нырнул риву под мышку и вырвал руку из сустава. А потом вонзил риву в спину его же меч по самое огниво.

Со звериной быстротой Стародум развернулся к жрецу прямо с мечом в спине и, поймав за правую руку, укусил. Потом силы покинули его. Обессилевшие пальцы выпустили храмовника, и рив завалился на бок. Он кашлял и захлёбы-

вался собственной кровью, но улыбался.

– Вы ривы, как были животными, так и остались, – брезгливо осматривая укус, фыркнул жрец. – Укусил? Молодец! Не сдался! Напоследок хоть тяпнул. Ну а что с того? Через минуту ты умрёшь, а я смогу доложить руководству, чтобы дознались о цели пребывания ересиарха в Храмовых скалах. Своей честностью ты сослужил мне отличную службу.

Рив улыбался.

– Вся твоя атака не имела никакого смысла. Всех твоих сообщников скоро перебьют, а ересиарха завтра сожгут у позорного столба. Ты пришёл отомстить за свою русалку? Как тебе вообще могло прийти в голову, что ты сможешь победить меня! Жреца Храмовых скал! Не тебе – недоумку бросать мне вызов!

– И тем не менее, ты со мной дрался.

Рив по-прежнему улыбался и казался счастливее всех смертных.

Жрец брезгливо плюнул и поспешил в сторону главного храма. Он старался не обращать внимания на происходящую вокруг сутолоку, избегая прямых столкновений и драк, чтобы скорее донести Синоду слова рива относительно того, что Азарь сам хотел находиться здесь. Наверняка, это в корне меняло дело.

– А там, глядишь, и место в Синоде дадут, – вслух произнёс жрец и на секунду мечтательно посмотрел на небо.

Белый луч рытника расчертил небо, озарив округу как

днём, что отрезвило храмовника, и жрец прибавил шаг. Снова белая вспышка, и у жреца на миг потемнело в глазах. В ушах звенело. Храмовник мотнул головой и пошёл, но ноги сделались как будто ватными. Каждое движение давалось всё труднее.

Кругом суетились и бежали люди. Их преследовали чудовища. Над головой рвались молнии, туда-сюда сновали безжалостные крылатые твари. По скользкой от крови брусчатке невозможно было идти.

Худой отрок в холщовом рубище врезался в жреца и сбил его с ног. Не разбираясь, что к чему, мальчишка тут же поднялся и опрометью бросился прочь. Ему вслед похрюкивая, неслись три рогатых, поросших густой чёрной шерстью шуликуна. Бежали так быстро, что из-под их мощных копыт сыпали искры.

Жрец тщетно пытался встать. Перед глазами всё плыло. Сияясь подняться, он случайно взглянул на свою руку. Укус рива. Глубокий. Позеленевшие края раны и уже образовавшийся гной. В памяти воскрес образ Стародума, который пьёт из бурдюка загадочную жидкость.

Жрец в отчаянии заревел. Бросив оставшиеся силы, он через трупы и быющиеся в агонии конечности пополз к главному храму, бормоча лишь одно слово: «*Противоядие!*»

Но его никто не слышал. А спустя несколько мгновений его втоптали в грязь и мясо сотни босых и обутых ног, лап и копыт. Погибая под ударами бегущих ног, захлёбываясь в

крови и ошмётках чьих-то тел, он всё тянул руку к Храму и повторял: *«Противоядие! Противо-ядие...»*

А потом затих.

Прямо над ним существа, в чьём облике было равно и от человеческого, и от крыланьего, свирепо кидались в бой, имея лишь одно оружие – зубы и когти; только то, чем наградила их природа.

Принуждённые к рукопашной, священники не желали уступать врагу ни в чём. Даже в злобе и свирепости. У многих в руках тускло блестели длинные кинжалы и стилеты с круглыми гардами. Они не были воинами, вовсе нет. Но безрассудная, слепая вера способна творить чудеса. Когда смертельно раненный протоиерей заносит клинок для последнего удара, не замечая, что его собственная требуха волочится следом. Когда сорвавшийся вниз от неловкой атаки дьяк успевает вогнать железный прут в глаз морской твари прежде, чем захлебнуться в собственной крови. Когда кривая монашка выбегает наружу и обыкновенным половником до полусмерти избивает хоть и раненого, но ещё вполне опасного нетопыря. Всё это исключительно благодаря слепой фанатичной вере.

И если бы кто-то, способный удержаться в стороне в подобную бурю, смог бы пробраться на вершины Храмовых скал, беспрестанно атакуемые с воздуха летучими бестиями, ему бы удалось узреть подлинные чудеса.

Он смог бы разглядеть чудовищную тушу летучего змея,

с диким рёвом несущуюся прямо к невысокому кряжистому монаху, чьё лицо скрывал широкий островерхий капюшон. И то, как потом крылатый ящер разбивает голову о незримую преграду между ним и человеком. Как этот же священнослужитель мгновенно срывается с места, чтобы подать руку сорвавшемуся товарищу, и с нечеловеческой проворностью спасает его из объятий бездны.

А ниже по полуоткрытым галереям и сводчатым балконам, подпёртым резными каменными колоннами главного храма, густой цепью тянулись огоньки факелов. То спешили вниз дьяки и подьячие, чтобы стать на пути у тварей, идущих к Храму из глубин морских, кои без числа всё ползли и ползли по сырому каменистому берегу. Их атаку прикрывали рытники, что посылали белые лучи смерти, крошащие даже скалы. Камень плавился и дымился в том месте, где убийственный свет прикасался к земле, ревели поражённые чудовища и падали навеки уродливыми зловонными тушами.

Падали один за другим, но из бушующих глубин тут же показывались новые. Ужасные, неведомые доселе ни одному живому бестии, с тремя рядами зубов, с гигантскими плавниками, похожими на крылья, острыми настолько, что могли валить деревья. Рядом шли похожие на брёвна болотного цвета с длинными пастями, способными распахнуться шириной в человеческий рост; уродцы медленно ползли к исполинским каменным постройкам, волоча за собой огромный шипастый хвост. Тут же за ними выползали гигантские кра-

бы, на спинах которых грозно восседали, жаждущие поживы, хищные водоросли. И все шли к одному единственному месту – главному храму.

Воздух над Храмовыми скалами насквозь пропитался тошнотворным зловонием, с коим не мог справиться даже порывистый штормовой ветер. Туман окончательно скрыл Храмовый остров от неусыпного ока небес.

Рив запрокинул голову назад. Хмурое небо бугрилось хищными тёмными облаками. А далеко, где тёмная морская гладь легонько, точно тайком, прикасалась к небесному краю, разгоралась яркая алая полоска, озаряя всё вокруг багрово-оранжевым светом.

Рива трясло. Он чувствовал, как мерзкий холод медленно ползёт от ног к голове, с каждым мгновением заставляя всё дольше замирать сердце. Стало трудно дышать. По щеке прокатилась слеза, но он всё ещё улыбался. Стародум вновь повернулся в сторону рассвета, чтобы напоследок увидеть, как на горизонте разгорается божественное пламя, так непохожее на огни брэнного мира.

Со стороны рассвета по морю безмятежно шли две девушки. Невысокие с русыми волосами, они держались за руки и тихонько напевали грустный мотив без слов. Ветер стих не до конца, и временами шумные порывы вздымали огромные волны, но ни один волосок на головах дев не встрепенулся. Белые полотняные рубахи до пят оставались сухими, хотя и волочились по бушующим волнам.

Когда прекрасные дивы добрались до Стародума, он ощутил прикосновение неясного тепла, будто солнце само приблизилось к нему. Одна из сестёр осторожно прикоснулась тонкой ручкой ко лбу рива и тонким мелодическим голосом пропела:

– Идём с нами.

– Я не могу, – выдохнул он. – Я не чувствую ног.

– Можешь, – ответила вторая. – Должен.

Девы подали ему руки и помогли встать. А потом повели вслед за собой по нестерпимо ревущему морю туда, где последними всполохами догорали утренние сумерки. Рив что-то рассказывал. Девы смеялись.

А над бренными останками Стародума склонились два хмурых чуда.

Глава 5

Когда чудовища рива вторглись на Храмовый остров, Азарь беспокойно спал в своей темнице. И, оказавшись вырванным из бредового забытья, ересиарх не сразу сообразил, что происходит. Некоторое время он просто лежал на спине и, тяжело дыша, прислушивался.

Потом он встал и медленно выглянул в окно. Перед ним Храмовые скалы обращались в руины. Как раз в этот момент чуды окончили сборку осадных машин и при помощи катапульт и механизированных таранов принялись разносить детинец. Баллисты и мортиры били стены домов и различных строений храмового культа, укладывая по несколько человек к ряду. В небе полыхало зарево от магии рытников и огня летучих змеев.

Азарь вцепился в решётку, как в спасительную жердь, и всматривался в разворачивающееся перед ним неслыханное действие. На глаза навернулись слёзы, но ересиарх быстро взял себя в руки. Потом он дерзко взглянул на небо и отпрянул от окна, точно оттолкнув от себя нечто скверное.

– Однако, времени мало, – чуть слышно произнёс Азарь.

Ересиарх вытянул из стены железный штырь и спрятал его за спиной под рубаху. Чтобы он не упал, Азарь подпоясался оторванным рукавом собственной рубахи. Поцеловав шрам на запястье в виде буквы V, он принялся колотить в дверь.

– Эй, вы там! Мне нужно срочно переговорить с преподобным Илией!

Азарь долго колотился в дверь, но в ответ раздавалось только гробовое молчание. И пока ересиарх не заявил, что это его чудовища, которые могут повернуть назад по первому слову Азаря, никто не ответил. Но стоило лишь упомянуть, что простой разговор с преподобным отцом может сохранить многие жизни и ценные сооружения, как пленник тотчас получил ответ, что новый голос Синода преподобный отец Илия будет немедленно об этом извещён.

Потянулись долгие минуты ожидания.

Всё это время Азарь из своего зарешёченного окна наблюдал за столкновением. Из него служители Храмовых скал казались крошечными, будто ненастоящие. Игрушечные люди сходились в бою с такими же игрушечными чудовищами и нелюдью, проливая самую настоящую кровь. Брусчатка под окном ересиарха пенилась и бурлила от неё. В большинстве своём кровь у людей и монстров была одинаковой.

Стены то и дело сотрясались от чудовищных раскатов не то грома, не то взрывов. В такие моменты с потолка сыпалась каменная крошка вперемешку с плесенью.

Несколько раз мимо окна пролетали ядра, пущенные камнемётами. Баллисты сыпали глиняными шарами с зажигательной жидкостью и копьями, издав далеко больше похожими на стрелу, но способные пробить каменную стену или уложить сразу несколько человек.

Наконец, дверь отворилась, и на пороге возник сухой жилистый монах в сером балахоне рытника. Азарь улыбнулся – он знал, что перед ним точно не рытник. После всего, что натворил внизу рив и иже с ним, самые сильные воины, скорее всего, отправились на передовую – защищать мирных обитателей Храма и саму Святыню. Это было логично и правильно, посему ересиарх не совсем понимал, для кого был устроен этот маскарад? Неужели Илия столь низко оценивал его умственные способности?

– По твоей милости, у преподобного отца нынче дел вдоволь, но он согласен тебя принять – выходи! И если бы он был чуть свободнее, – зло прошипел «рытник», когда Азарь проходил мимо него, – он сам бы пришёл спустить с тебя шкуру...

Их было трое – один пошёл спереди, двое сзади.

Рытники никогда не трогали Азаря, эти же то и дело подталкивали его вперёд и поносили на чём свет, призывая на голову ересиарха все беды этого мира и муки дедеровой кузницы.

Его вели душными коридорами, наполненными сегодня тошнотворным запахом серы. Азарь узнавал эту дорогу, как раз этим путём его провожали в пыточную. Где-то поблизости должна быть развилка в один из коридоров, которой вёл в подземелья к храмовым узникам. Взгляд цепко следил и выискивал мельчайшие риски и выступы в стенах, которые ересиарх взял себе за ориентир. И когда они вышли на развил-

ку, Азарь вдруг сел и выгнул спину горбом. На него налетел один из ряженных, не удержав равновесия, перекатился и полетел вперёд под ноги впереди идущему. Не вставая, ересиарх лягнул третьего в колено. Раздался хруст. Азарь выпрямился, а потом снова резко присел, обрушив на голову первого железный прут. Потом не глядя наотмашь рубанул назад, остерегаясь нападения монаха со сломанным коленом, и, уйдя вправо, прутом отбил руку второго ряженного.

Железяку ересиарх прихватил с собой из кельи, всё это время держал за спиной под одеждой. Чтобы прут не сваливался, ересиарх затянул завязки на портах так туго, как это вообще было возможно.

В месте, куда угодил кулак монаха, пошли трещины.

Не дожидаясь, пока ряженный снова замахнётся, Азарь вонзил ему штырь в челюсть снизу, пробив голову навывлет.

А мгновение спустя, точно железный таран, что-то врезалось в его спину и швырнуло вперёд. Перед глазами всё поплыло, а во рту возник привкус крови. Азарь захрипел и слепо, помогая себе левой рукой, отполз на несколько локтей, пока не упёрся в стену. В правой руке, скользя о камни, звенел штырь.

Всё ещё ничего не видя, Азарь изо всех сил ткнул железякой вперёд и почувствовал, как нечто необоримо сильное поймало прут и грянуло Азаря о противоположную стену.

Ересиарх выдохнул, в груди снова заболело.

Зрение постепенно возвращалось.

Узник видел, как к нему бежит разъярённый храмовник, правая нога которого то и дело выгибалась в другую сторону, а подол балахона насквозь пропитался и почернел от крови. Из-за повреждённой ноги «рытник» хромал и едва не падал, но всё равно двигался очень ловко. А силе его позавидовали бы все цирковые силачи Лихобора. Поэтому, когда псевдо-рытник схватил Азаря за руки, тому показалось, что его зажали огромными тисками.

Чтобы вырваться, ересиарх пнул его в сломанное колено. Храмовник взвыл и повалился набок, но хватку не разжал. Напротив, ряженный всё сильнее стягивал руки.

От недостатка воздуха мутилось в глазах.

Тогда Азарь, не мудрствуя лукаво, вцепился «рытнику» зубами в нос. Тот взвыл сильнее и на миг ослабил хватку. Этого вполне хватило, чтобы ересиарх высвободил руки и со всей силы надавил большими пальцами храмовнику на глаза. Каким бы сильным воином ни был охранник Азаря, но даже его проняло. Схватившись за лицо, он истошно заорал и стал биться в судорогах.

Ересиарх выскользнул, рукой пошарил на полу в поисках штыря, не нашёл и сорвал с себя пояс. Обмотав его вокруг шеи храмовника, Азарь ногами упёрся в его затылок и что есть мочи потянул руками на себя. «Рытник» захрипел и засучил ногами, окровавленными пальцами он пытался дотянуться до узника, но не успел. Лицо отекло и налилось кровью, глаза неестественно вылезли из орбит, храмовник издал

последний всхлип и замер.

Азарь вытер пот со лба и откинулся навзничь на стылый сырой пол каменных катакомб. Дышать было всё ещё больно, немилосердно болело в правом боку, а в ушах стоял противный звон.

Переведя дух, Азарь тяжело поднялся и, прижавшись спиной к стене, стал осторожно пробираться вперёд. Двумя руками наготове держал штырь. Скорее всего, все способные сражаться мужчины Храмовых скал сейчас были снаружи – отражали дерзкую атаку Безумного рива, но Азарь поставил на карту слишком много, чтобы попасться на такой мелкой неосторожности.

Храмовые скалы то и дело сотрясали неведомые силы, ересиарх мог только догадываться, какие заклятия и существа заставляли каменные стены ходить ходуном и валиться сверху целыми обломками. Даже в глухих и тёмных коридорах без окон слышался рёв, шум, крики и лязг железа. Грохот рушащихся стен, свист пращей и камнемётов.

Азарь успел пройти несколько пролётов, прежде чем ему встретились храмовники. Пробираясь осторожно, даже задерживая дыхание, он издали услышал топот бегущих. Ересиарх нырнул в нишу и занёс для удара стержень. Но ему повезло – монахи явно спешили, поэтому пробежали мимо, не заметив его. Ересиарх немного выждал, прежде чем продолжить идти.

Он всё так же жался спиной к холодной склизкой стене,

напряжённо вслушиваясь в темноту.

Следующие двое дьячков, коих Азарь повстречал, вынырнули словно из ниоткуда, будто ждали его. Оба были вооружены кривыми тарганскими саблями и одеты в старые затёртые бригантины. Напали оба сразу. Первый выпад Азарь отбил неловко, едва успев защититься. При этом ему пришлось развернуться и встать в неудобную позицию, отчего едва не упал. И тут же на него обрушили град свистящих ударов. Храмовники шли тараном, но в них чувствовалось отсутствие воинской выучки – дьяки действовали неслаженно, толкались и всячески друг другу мешали. И не диво, поскольку, в сущности, в Храмовых скалах были только одни профессиональные воины – рытники. Они исполняли роль охраны, прознатчиков и карающей длани Святой Церкви. Недаром в простонародье их нарекли цепными псами Храма.

Да, были ещё монахи, владеющие боевым исихазмом – старой и изжившей себя духовной практикой, вся суть которой сводилась к достижению выдающейся физической формы посредством дыхательных упражнений и ритмичным чтением особых молитв. Огромный минус исихазма в том, что наделяя адепта превосходной физической мощью и выносливостью, он, тем не менее, никак не влиял на боевые навыки монаха. Поэтому при столкновении исихазма и воинской выучки, верх брала техника.

Тем временем уйдя в резкий кувырок и перекат, Азарь су-

мел разорвать дистанцию и, наконец, принять удобное для боя положение. Он орудовал железным штырём, словно мечом. В его движениях угадывались уверенные, отточенные с детства приёмы, характерные скорее для ратника средней руки, нежели для простого работяги или, паче того, словоблуда – коими считались все еретики и распространители ложных учений. Поэтому Азарь просто забил своих противников, как скот.

Переодевшись в их рубище, ересиарх вооружился саблей и пошёл дальше.

Коридоры становились всё темнее. От запаха плесени начинало саднить в горле. Иногда Азарь останавливался и вспоминал весь их с Гааталией путь, чтобы ненароком не пропустить поворот или не свернуть слишком рано.

Когда мрак окончательно сгустился, на беглеца вдруг разом навалилось несколько человек. Кто-то принялся выворачивать ему запястье в попытках отобрать оружие. Кто-то скручивал левую руку, принуждая согнуться в три погибели. Кто-то от души напихал ему кулаком под дых и по бокам.

Его скрутили и повели обратно, наверное, снова в келью – дожидаться приговора священного Синода. Когда вышли на свет тусклых каганцев, Азарь смог примерно пересчитать своих врагов – один шёл спереди, видимо главный, который знал дорогу до кельи. Двое держали за руки и не давали разогнуться. Четвёртый шёл справа, приставив холодное лезвие сабли к шее ересиарха. Ещё сзади – двое или трое. Итого

около шести-семи храмовников.

Шли молча.

Храмовые скалы по-прежнему сотрясались от дедеровской бури, бушевавшей снаружи. Даже сюда – в глухие пещеры проникал шум сечи и рёв чудовищ. Раздавались взрывы и звуки обрушения стен.

Преодолевая боль, Азарь поднял голову и принялся обшаривать взглядом коридоры. Он щурился, когда сверху сыпалась каменная крошка, но продолжал смотреть. Несколько раз прямо на спину падали небольшие, но не менее ощутимые камни. Тогда Азарь шипел и призывал дедера. Иногда шатало так, что пол едва не уходил из-под ног.

– Убери ножик, зарежешь ненароком! – выпалил ересиарх в один из таких моментов.

– Одной сволочью меньше, – невозмутимо ответил монах и осенил себя священным знамением, – да простит меня Господь.

– Бойтесь народов, чей господь им всё прощает, – проворчал ересиарх и получил под дых.

Дальше шли снова в молчании.

Где-то поблизости прогремел взрыв такой силы, что у ересиарха зазвенело в ушах. Стены и пол заходили ходуном. Улучив момент, Азарь толкнул одного из тех, что держал его руки, на монаха с саблей. Оба повалились. Преодолевая чудовищную боль в левой руке, рискуя вырвать её из плеча и порвать связки, узник нырнул под мышку своему тюремщи-

ку и толкнул его назад. Только освободившись, Азарь сорвал со стены каганец и брызнул горящим маслом в тех, что были сзади. Храмовники заорали. Монахи схватились за лица и заметались по коридору.

В то же время ересиарх круто развернулся и хватил каганцем по голове храмовника спереди. Тот упал ничком и затих.

Справа напал монах с саблей. Азарь отбил его выпад тем же каганцем и поймал вооружённую руку. Используя её, как рычаг, ересиарх крутанул монаха вокруг него же по диагональной оси и грянул об пол, а потом добил пяткой в кадык. Ослабевшие пальцы выпустили саблю.

Оставалось трое – те, на кого Азарь вылил кипящее масло. Один из них выл, стоя на коленях. Он по-прежнему держался за лицо руками, по которым текла кровь вперемешку с маслом и гноем. Второй метался из стороны в сторону, пока с размаху не наткнулся лбом на стену и растянулся бездыханным на полу. Третий лежал, притулившись к стене, и тихонько стонал от боли. Всем троим Азарь отрубил головы.

Ересиарх перелил в свой каганец немного масла, засветил его и снова нырнул во тьму подземелий. В правой руке, как влитая, покоилась сабля, за пояс Азарь заткнул железный штырь из своей кельи. Чем ниже он спускался, тем более сырым и затхлым становился воздух. Низкий потолок неосвязаемо давил.

Первой ему попалась темница нетопыря. Дверь была заперта на механический замок, а держали её крепкие сталь-

ные петли. Азарь отложил до времени клинок, пристроил под дверью штырь и навалился на него. Дверь со скрипом чуть поднялась, но с петель не упала. Ересиарх поискал взглядом, что бы можно подложить под штырь, чтобы поднять выше точку опоры, но коридор пустовал. Чертыхнувшись, он вернулся на четыре яруса вверх, где всё ещё лежали убитые им храмовники.

Азарь несколько раз глубоко вздохнул и, схватив первого попавшегося за руки, поволол к темницам. Хоть вниз тащить куда сподручнее, чем вверх, Азарь всё равно весь вымок и устал. Пол под ногами ходил ходуном, осложняя дело ещё сильнее.

Наконец, монах оказался перед мощной дубовой дверью. Азарь постучал.

– Эй, нетопырь, ты там?

– Здесь.

– Я сейчас дверь подыму, помоги мне с той стороны, если ещё хочешь выйти отсюда живым.

Азарь просунул штырь под дверь, упёр его в монаха и навалился. Дверь медленно поползла вверх. Под ней появились чёрные когтистые пальцы, помогавшие поднять её. Ещё миг, ещё чуть-чуть, лицо Азаря налилось краской, на скулах затвердели желваки. Последнее усилие, и преграда снята с петель.

В проёме показалась ошалевшая рожа нетопыря.

– Ты идёшь? – поинтересовался Азарь.

– Иду, странный человек. – Нетопырь потрясённо оглянулся и указал пальцем на трясущуюся стену темницы: – Это твоих рук дело?

– Моих. Но лучше бы нам обсудить это уже не здесь.

Азарь отдал нетопырю со странным именем Фаул железный прут, а себе оставил саблю. Двинулись рысью на полусогнутых.

– За нами, кажется, погоня, – прохрипел нетопырь.

Притаились. Тишина, только слышно, как трепещет пламя в каганце.

– Верь мне, человеке.

– Тогда будем встречать, – прорычал Азарь.

Он убрал светильник в темницу нетопыря, после чего вместе с Фаулом водрузил дверь на место. Снизу и сбоку из-под едва приоткрытой двери сочился тусклый приятный свет. Человек и нетопырь скользнули в темноту и затаились. Азарь занёс саблю для удара.

Мгновения шли, но ничего не происходило. Ересиарх опустил руку и привалился спиной к стене. Всё было тихо. Азарь тщетно всматривался в крошечную тьму подземелий.

Внезапно раздался слабый скрежет когтей, и Азарь воспринял это, как сигнал к атаке. Рубанув наотмашь, он почувствовал сопротивление, какое случается, когда клинок вонзается в плоть. Стало быть, гости пожаловали.

Кто-то захрипел и повалился под ноги.

Раздался звук удара и треск ломающихся костей. На Аза-

ря вдруг пахнуло ветром, а мгновение спустя что-то пролетело мимо. Раздалась отборная брань и издевательский хохот нетопыря. Снова хруст костей. Кто-то попытался засветить факел, но чёрные когтистые пальцы вырвали его из рук и с размаху вбили прямо в рот стриженному под горшок служке.

Сгустился мрак.

– Что-то их многовато! – взревел нетопырь.

Азарь тут же открыл дверь, на миг ослепив храмовников. Но даже долей мгновения их замешательства хватило, чтобы втолкнуть троих в темницу нетопыря и тут же закрыть дверь.

Снова мрак, хруст костей, крик.

Кто-то упал рядом с ересиархом. Азарь на всякий случай несколько раз проткнул его саблей.

Свист металла, падение тела. Крик. Звон от удара железа о камень – храмовники тоже вооружены.

Азарь решительно не видел ничего – хоть глаз выколи. Зато нетопырь орудовал его штырём направо и налево. Крылан видел в темноте едва ли не лучше, чем днём, поэтому храмовники для него были сейчас чуть опаснее новорождённых тигрят, которые вроде и могут ранить, но если ты совсем уж не расторопен.

Распахнулась дверь, коридор осветился, и из темницы вывалились монахи. Азарь встретил их тусклым отблеском стали. Поединок длился недолго. Используя дверь, как щит, Азарь встал между ней и стеной, и по одному нанизал монашков на саблю, как на вертел.

– Закрой дверь! – взревел нетопырь. – Они же меня видят!
Азарь подчинился.

Кто-то то и дело валился ему под ноги. Ересиарх добивал, но ввязываться в драку не решался, чтобы не мешать нетопырю да и не подставляться самому.

Когда всё закончилось, и Азарь снова взял в руки каганец, весь пол был усеян трупами. Навскидку там лежало не меньше двадцати монахов. Почти всех уложил нетопырь.

– Однако не зря я тебя выпустил, – присвистнул ересиарх.

– Давненько я так не веселился! – ощерился Фаул. – Как будем пробиваться наверх? Нас там уже кто-то ждёт?

– А кто сказал, что мы будем пробиваться наверх?

Азарь иронично усмехнулся и быстрым шагом, небрежно переступая трупы, пошёл дальше – вниз.

Нетопырь следовал за ним. Азарь крался почти бесшумно, зато бестия то и дело задевала стены, факелы и каганцы крыльями да ещё и скребла пол жёсткими когтями на ногах.

У темницы мальчика с волчьим взглядом их ожидало шестеро. Вооружённые тарганскими саблями, бердышами, гизармами и полутораручными мечами. Закованные в кольчуги, иные в бахтерцы, кто-то в бригантины или кирасы. Увидев человека в монашеском одеянии с саблей и крылана со штырём наперевес, храмовники кинулись в бой.

– Дедерщина! – выругался Азарь, поднимая клинок для атаки.

– Не бойсь, человече, – взревел нетопырь, – рано нас хо-

ронить покуда! Отойди только подальше.

Азарь подчинился.

Фаул потянулся, как после долгого сна, расправил крылья, а потом взмахнул ими, и все каганцы и факелы разом потухли. Ересиарх сам едва удержался на ногах от невероятной силы ветра, которую поднимали крылья нетопыря.

Воцарилась тьма.

Тотчас раздался звон, послышалась ругань, хрипы, звуки падения. Удар железа по железу высек искры. Один, второй. Кто-то захрипел. Раздался звук льющейся жидкости. Взыл нетопырь. Глухие удары. Потом звонкие. Кто-то упал рядом с Азарем. Ересиарх уже привычно добил.

Потом всё стихло.

– Эй, нетопырь, ты жив?

– Жив, жив, человеке. Но не особенно цел.

Азарь нащупал рукой небольшой кинжал и ударом о саблю высек несколько искр, чтобы засветить каганец.

Нетопырь стоял, привалившись плечом к стене, и тяжело дышал. Его правая рука – или лапа? – сжимала левый бок, откуда пробивалась кровь. Азарь осмотрел рану – неглубокая, перевязать и можно идти дальше.

Оторвав лоскуты от балахонов мёртвых храмовников, Азарь наложил спутнику тугую повязку на живот и руку, по которой тоже успел пройти вражеский клинок. Если бы не особенное зрение нетопыря, обоим бы пришлось куда как непросто.

Дверь была заперта обычным висячим замком. Ересиарх обыскал защитников, но так и не нашёл при них ничего, хотя бы отдалённо напоминающее ключ. Попытался сломать замок, используя железный штырь, как рычаг, но тоже тщетно – очевидно, замок сработали великие кузнецы из превосходных сортов стали. Попытался даже нетопырь. Потом они навалились на штырь вдвоём – железяка согнулась, но замок так и не поддался. Тогда узники Храмовых скал – ересиарх Азарь и нетопырь Фаул – использовали глефы храмовников так же, как до этого Азарь свой прут у темницы крылана.

Уложив двух кирасиров в линию, беглецы просунули под дверь глефы и упёрли их в храмовников. Тяжёлая дубовая дверь со скрежетом подалась вверх и, сорвавшись с петель, безнадёжно повисла на замке.

Азарь с нетопырем вошли в темницу.

Мальчик щурился и прикрывал ладонью глаза. Едва ли он видел тех, кто к нему вошёл, но Азаря он узнал, даже не видя его. Узнал и забился в угол.

Ересиарх вручил нетопырю каганец и подошёл к отроку ближе. Сел на корточки.

– Ну, здравствуй, давно не виделись! – глядя в упор, медленно произнёс ересиарх. – Ты, верно, узнал меня?

– Тебя забудешь, – буркнул парень. – Я догадывался, кто снаружи разносит Храмовый остров.

– Стало быть, не дурак, – Азарь пошарил вокруг себя взглядом, а потом устало сел, сложив ногу на ногу. – Поэто-

му я повторяю своё предложение. Ты всего год боишься меня – и на свободу, или коротаешь остаток дней в этом дерьме. У тебя было время подумать, хочется верить, ты провёл его не зря.

Отрок никак не мог привыкнуть даже к тусклому свету масляного светильника. Он щурился, нервно тёр глаза. Вжился в угол так, будто тусклые лучи причиняют ему боль.

– Я подумал, страшный человек, – прошипел отрок. – Лучше умереть здесь, чем пройти с тобой даже часть пути, который ты себе наметил.

Азарь удручённо покрутил головой и встал. Когда они с нетопырем почти вышли из темницы, парень вновь заговорил.

– С другой стороны... Мы могли бы остановиться кое на чём ином.

Азарь медленно обернулся и пристально посмотрел на мальчишку, тихого омута.

– Я ведь говорил, что знаю, чего ждать от людей, – выпалил омут, нервно закрываясь от света. – По сему знаю, что тебе нужно в Храмовых скалах. Я знаю, чего ты ждёшь, находясь здесь.

Ересиарх медленно приблизился к нему и посмотрел сверху вниз. Однако не проронил ни слова. А тихий омут продолжал.

– Я помогу тебе завершить начатое, а ты оставишь меня снаружи.

– Там сейчас небезопасно, – жёстко произнёс Азарь.

– Это не должно тебя беспокоить, незнакомец.

Азарь сложил руки на груди.

– Хорошо. Чем ты, например, можешь мне помочь?

Отрок начал привыкать к свету. Он убрал руку и посмотрел на ересиарха.

– Например, – чуть насмешливо произнёс он, – например, за тобой очень давно тащится человек, который докладывает о каждом твоём шаге.

Азарь хлопнул себя по лбу.

Ну, конечно! Конечно, Илия не мог быть так глуп, чтобы оставить ересиарха на одних только псевдорытников, даром что владеющих боевым исихазмом. Выходит, все засады, встреченные им по пути – они ждали именно его. Кто знает, сколько их ещё поджидало на развилках храмовых подземелий? Не мог ведь соглядатай доподлинно знать, в какой из поворотов пойдёт узник. Или мог? Кто этих храмовников знает, на что они способны на самом деле?

Но тогда выходит, Илия существенно недооценил Азаря как бойца, выставив против него хоть и довольно сильных противников, но всё-таки не профессиональных воинов. По крайней мере, из тех, кто не привык сражаться в строю, да при том в тесном помещении. Здесь нужна была старшая дружина.

Или рытники.

– И ты знаешь, как от него избавиться? – осторожно спро-

сил Азарь.

– Я знаю, чего ждать от каждого из вас в той или иной ситуации.

Азарь задумчиво потёр подбородок.

– По рукам.

– Прекрасно! – выпалил отрок и резко встал. – Эй, нетопырь, подь поближе. Вот как мы поступим.

Трое – мужчина, нетопырь и отрок – приблизились друг к другу, образуя тесный круг, и некоторое время совещались.

План был прост, как тарганский шиллинг.

...Покидая темницу, Азарь поцеловал шрам на руке в виде буквы V и быстрым шагом направился за угол. Тихий омут следовал за ним одесную. Нетопырь сопровождал их до поворота, но потом свернул в противоположную сторону и растворился во мраке подземелий.

Масло в каганце Азаря заканчивалось. Не дожидаясь, пока оно иссякнет насовсем, ересиарх подпалил от него один из факелов, в достатке висевших на стенах, и вручил мальчишке.

Света стало больше.

Пламя выхватывало из мрака пещеры стены, вытесанные в скале всё более грубо. Чем ниже спускались путники, тем меньше качались стены. Звуков сечи снаружи уже никто не слышал. Пол дрожал едва заметно.

Азарь шёл как будто без цели, резко сменяя направление, иногда на совершенно противоположное – сбивал неведомо-

го соглядатая с толку. Иногда он нырял в тёмные ниши и обшаривал стены в поисках потайных ходов, чтобы окончательно запутать следы.

Правда, ничего подобного не нашлось.

В одном из коридоров случился обвал, и путникам пришлось развернуться.

Несмотря ни на что, Азарь старался петлять недалеко от того перекрёстка, откуда они вышли с мальчишкой, тихим омутом. Азарь не спрашивал, как его зовут. Что в его имени, если через несколько часов всё одно расставаться?

В душных подземельях тихого омута то и дело скручивали приступы жесточайшего кашля. Несколько раз ересиарх видел, как мальчишка отхаркивал кровью.

Наконец, раздался скрежет когтей. Беглецы притаились. Плавнo из темноты вышел нетопырь, он тащил за шиворот слабо отбивавшегося тощего монаха с налысо бритым черепом.

– Однако, нетопырь, – очень ценное приобретение, – хмыкнул Азарь.

Фаул остановился и встряхнул храмовника так, что на миг ересиарху почудилось, что у того оторвётся голова. Азарь, потирая кулаки, уже приблизился к храмовнику, как тот вдруг захрипел, засучил ногами, а потом обмяк.

– Чё это он? – обомлел нетопырь. – Я его пальцем не тронул.

– Очевидно, – медленно заговорил Азарь, прощупывая

пульс соглядателя, — что шпионов в Храмовых скалах учат быстро расставаться с жизнью на случай, если кто-то из них окажется схвачен неприятелем. — Азарь осмотрел его лицо, повертел голову из стороны в сторону, проверил реакцию зрачков. А потом отошёл, точно утратил весь интерес. — Ладно, главное, теперь некому докладывать Синоду о каждом нашем шаге. Ведь больше некому? — произнёс ересиарх с нажимом и посмотрел на отрока тихого омута.

— Некому, — развёл руками тот.

— Тогда нужно поскорее убраться отсюда, — заключил Азарь и быстро отправился вперёд.

Он шёл впереди, за ним справа — нетопырь, слева — тихий омут. Окольными путями, другой дорогой они возвращались назад. Очень помогал омут, отлично чувствующий направление по одному ему понятным приметам людей с поверхности.

По мере их приближения к более верхним ярусам, стены и пол тряслись всё ощутимее, начинал доноситься рёв чудовищ. Битва снаружи ещё кипела и не похоже было, чтобы собиралась заканчиваться.

«Ничего не понимаю, — подумал Азарь, — когда-то рытники на корню извели всех лютичей. По крайней мере, всех их взрослых, способных держать оружие мужчин и многих женщин и детей. Чего они ждут сейчас? Почему не сравняют всю тёмную армию Безумного рива с бульжниками мостовой?»

– Приготовьтесь, – тихо вымолвил Азарь. – Скоро будет ещё одна необходимая нам темница, наверняка её тоже охраняют. Ты останешься здесь, а нетопырь пойдёт со мной.

Тихий омут нервно облизал губы и покорно уселся в угол.

– Сидишь тихо, пока мы не вернёмся, – продолжал ересиарх. – Фаул, будь готов биться при свете. Скорее всего, наш следопыт уже известил братьев о нашей манере биться во тьме.

Фаул кивнул.

Они круто забежали за поворот и сразу же началась драка. Разумеется, их ждали. Десяток храмовников в бассинетах и кирасах, некоторые даже нацепили на голову топхельмы – ни дать ни взять рыцари. В руках были топоры и короткие одноручные мечи. Выучкой монахи тоже не могли похвастаться, зато, кажется, все владели боевым исихазмом.

Нетопырь вновь беспрепятственно задул всё освещение коридора, правда на этот раз такая нехитрая уловка пропала втуне. Едва ли храмовники видели, что происходит. Но, полагаясь на некое сверхъестественное чутьё, они с завидным постоянством отбивали выпады Азаря и Фаула и даже потихоньку начинали теснить их в другой коридор.

Ересиарх готов был поклясться, что двоих или троих он проткнул насквозь, но звука падения так и не раздалось. Храмовники так и лезли всем скопом. Азарь сам не видел, от кого отбивается, и большую часть времени просто пытался и отмахивался клинком, иногда попадая по железу или мяг-

кому человеческому телу.

Основной удар принял на себя нетопырь. Но и он явно не блистал воинским умением. В темноте, когда никто не видел, Фаул и впрямь был куда как хорош, но вот когда ему смогли ответить, крылан неловко пятился на волоске от смерти.

– Держись, нетопырь! – проорал Азарь и отбежал в сторону.

Там он снова при помощи искр засветил каганец, а от него факел и рванул вперёд.

– Пригнись! – выпалил ересиарх, и Фаул повиновался.

Широким размахом Азарь плеснул масло на храмовников и поджёг от факела. Первые пятеро вспыхнули, как сено. Раздался истошный визг, как будто резали свинью.

Однако храмовники не растерялись. Те, что были за горящими, просто прирезали своих товарищей и снова ринулись в бой. Только теперь Азарь, по крайней мере, мог видеть, что происходит, и хоть как-то реагировать.

Нетопырь дрался не только железным штырём, который дал Азарь, в ход шли когти и крылья. От одного удара перепончатого крыла человека отбрасывало на десять локтей. Другой бы после такого уже не встал, но исихазм делал своё дело, и монахи поднимались как ни в чём не бывало и бросались в бой.

Рухнул, как подкошенный, монах, весь изрешечённый колющими ударами. Как минимум семь из них были смертельны. Вот нетопырь разmozжил голову второго, грянув крылом

о стену. Третий полетел к двери темницы от исполинского удара другим крылом. Вот нетопырь сошёлся в тесном бою с храмовником, у которого был пробит череп, и кое-где просматривались мозги.

С каждым мгновением движения Азаря становились всё более медлительными. В какой-то миг он едва не выронил саблю и тут же получил в лицо эфесом. Ересиарха отбросило на несколько шагов назад. Перед глазами всё поплыло. Инстинктивно он выбросил клинок вперёд и насквозь пронзил врага. Однако, прежде чем упасть и замереть навеки, храмовник успел пройти мечом по груди Азаря.

Что-то тёплое и липкое растеклось под балахоном.

Кто-то упал рядом, Азарь прикончил его отмашным ударом сабли по горлу.

– Человеке, ты цел? – подоспел нетопырь и помог ересиарху сесть.

– Что остальные храмовники?

– Все готовы. Встать можешь?

– Пожалуй... А вот с дверью теперь, видимо, придётся повозиться.

Настала очередь нетопыря перевязывать спутника. Разорвав балахон Азаря, Фаул перевязал грудь ересиарха и помог тому встать. С дверью и впрямь пришлось повозиться, но беглецы взяли упорством – дверь поддалась и рухнула к их ногам. В проёме стоял угловатый перепуганный мальчуган. Он огромными глазами посмотрел на тех, кто только что

выломал его дверь, а потом бросился на шею ересиарху.

– Папа! Ты пришёл за мной?

– Конечно, Алишер, я ведь обещал. Разве могло быть иначе? – Азарь схватил мальчишку за руку и поволок к выходу из коридора, бросив по пути: – Подбери челюсть, нетопырь, уходим!

Фаул удивлённо тряхнул головой и ринулся следом.

Когда все трое добрались до тихого омута, оставленного ими в безопасном коридоре, они окончательно выбились из сил и остановились на пару мгновений – перевести дыхание. Отрок сидел в углу и ни на кого не обращал внимания. Он держал голову обеими руками и раскачивался взад-вперёд.

– Знаешь что, человеке? – упёршись руками в колени, произнёс нетопырь. Его грудь сильно взымалась, а крылья за спиной раскачивались в такт. – Я вот тут подумал... Если в Синоде знают о каждом твоём шаге...

– Знали, – поправил его Азарь, – до той поры, пока мы не поймали прознатчика.

– Это не меняет сути. Если в Синоде знали о каждом твоём шаге, стало быть, знают и то, что ты расправился со всеми засадами на своём пути. И знают, что ты схватил даже соглядатая...

– Следовательно, теперь они отправят за мной настоящих воинов!

Азарь и Фаул выразительно посмотрели друг на друга.

– Я чувствую рытников, – внезапно подал голос тихий

омут.

Глава 6

Посреди просторной залы с исписанными фресками сводчатыми потолками стоял ореховый стол, обитый серым сукном. За ним, сложив руки в замок, сидел приземистый широкоплечий мужчина лет сорока в простецком монашеском балахоне. Хмурый взгляд глубоко посаженных глаз переходил с одного на другого из троих пожилых, но всё ещё крепких мужчин в островерхих капюшонах.

Отцы-настоятели рытников держались прямо и, соблюдая достоинство, взгляд не отводили.

В очередной раз залу потрянуло, по потолку пробежала сеть трещин, а потом у самого камина упал кусок штукатурки.

– Как это понимать, милостивые государи? – прошипел человек за столом. – Какого дедера, – он поспешно осенил себя священным знамением, отцы-настоятели последовали его примеру, – там происходит? Почему всё это отрепье до сих пор не кормит червей? Где ваши хвалёные рытники?

– Отец Илия, – заговорил тот, что стоял в середине, – позволю себе заметить, что время для атаки выбрано преотличное. В том, конечно, смысле, что основные наши корабельные силы находятся в плаваниях, а большинство рытников разошлись по миру в праведной борьбе с тьмой. У нас нет достаточных ресурсов, чтобы отразить атаку *такого* войска.

Преподобный отец Илия, нынешний голос Синода, медленно встал и, заложив руки за спину, медленно прошёл к окну. Некоторое время он с прищуром всматривался вниз. Туда, где крошечные люди расставались с жизнью от лап, жал, хвостов, зубов, плавников и один только Бог знает, каких ещё орудий порождений тьмы. Он казался спокойным. Холодный взгляд ничуть не изменился, даже когда в сажени от него пролетело каменное ядро.

А потом Илия разразился криком.

– Не морочьте мне голову, у нас был и есть ресурс, способный в считанные минуты разгромить любую армию! Или вы забыли, что лютичей уничтожило всего сорок рытников? Сорок, милостивые государи, сорок человек обратили во прах величайшую армию Горнего! А сколько их находится в Храмовых скалах на данный момент?

– Семьдесят два, учитывая низшие ступени посвящения.

– Неужели из этих семидесяти двух нельзя найти нескольких, способных?

– Вы серьёзно предлагаете... – отцы-настоятели побледили все как один.

– Да! Я абсолютно серьёзно предлагаю вам провести обряд Ронаха, господа мои дорогие.

– Но вы представляете, сколько для этого потребуется жертв?

Илия в сердцах хлопнул по столу.

– Думай, с кем говоришь Евтифрон! Я не хуже тебя знаю

все тонкости обряда. Но вместо того, чтобы заниматься тут словоблудием, лучше подойди к окну и посмотри! Посмотри, посмотри, что происходит. Оглянись вокруг. Мы ежесекундно теряем лучших наших людей, а Безумный рив того и гляди сровняет с океаном все Храмовые скалы целиком. Поэтому дальнейшее обсуждение этого вопроса я буду считать изменой. И караться будет соответственно...

Евтифрон сжал кулаки в бессильной ярости.

– Скольким рытникам, по вашему мнению, будет достаточно пройти обряд, чтобы решить дело с армией рива? – продолжал Илия.

Отцы-настоятели некоторое время совещались меж собой. Потом вперёд вышел скуластый Саддок. За ним стоял Евтифрон, взгляд которого не сулил Илие ничего хорошего.

– Мы думаем, семерых будет вполне достаточно. Но только лишь для этих семерых нам потребуется примерно восемьдесят добровольцев.

– Не думаю, что в них возникнет нужда. Ваше дело подготовить обряд, добровольцы – уже моя головная боль. Ступайте, святые отцы, у вас не больше часа.

– Но позвольте, преподобный, – возмутился Евтифрон, – свитки предписывают готовиться к обряду семижды на дню все сорок сороков.

Илия удручённо покивал. Голос Синода вытянул руку в направлении окна и жёстко произнёс.

– Тогда я предлагаю вам, милостивые государи, выйти за

окно и продержаться все эти сорок сороков там. А Святейший Синод в это время сам займётся подготовкой, всё чинчинарём, не отступая от буквы свитков, как и положено.

— Мы всё поняли, преподобный отец, — Саддок положил ладонь на плечо своему товарищу и слегка сжал. — Через час мы будем готовы.

— Вот и славно, — жёстко произнёс Илия. — Ступайте, святые отцы.

Отцы-настоятели кротко поклонились и вышли.

Илия тяжело сел за стол и взялся за голову. Некоторое время он так сидел понурившись, мрачнее тучи. Но мгновения слабости прошли, голос Синода взял себя в руки и созвал подручных. Разговор с ними был краток. Спустя всего несколько мгновений семеро одесников преподобного отца разбежались по разным концам Храмовых скал.

И пока за окном царила дедерова кузница, а улицы пропитались болью и смертью, просторные коридоры главного храма сбросили своё оцепенение. Народ засуетился. Кто-то тащил вёдра с краской в заклинательный покой, кто-то стаскивал дрова и хворост. Спекуляторы выносили из пыточных железные столы с креплениями для рук и ног, клещи, пинцеты, зажимы. Туда же шли и с пустыми руками, в основном женщины. Их взгляды горели фанатичным огнём.

Ровно через час Илия оказался в заклинательном покое. Стены, пол и сводчатые потолки были исписаны символами настолько древними, что являлись ровесниками мира. Кро-

ме них всюду красовались пента- и гексаграммы, различные геометрические построения с идеально вычерченными хордами и биссектрисами. В центре вокруг маленькой пентаграммы были начерчены семь гексаграмм. В каждую из семи стало по рытнику. Все семеро были обнажены. Кругом стояли железные столы, решётки для медленного поджаривания людей, кресла с механизмами для дробления костей. У пылающего жаром очага топились спекуляторы. Присутствовал здесь и Священный Синод в полном составе, за исключением, конечно, Элестара, который теперь находился где-то в многочисленных темницах Храмовых скал.

Вошли отцы-настоятели рытников. Евтифрон держал в руках ритуальный кинжал, похожий на серп, только с заточкой на внешней стороне. Саддок держал под мышкой объёмный свиток пожелтевшего от времени пергамента, а Йегахонн – широкую золотую чашу.

– Начинаем, – обронил Илия.

Спекуляторы взяли за меха и принялись раздувать горн. Подпалачики разожгли под решётками каменный уголь. Саддок развернул свиток, а Евтифрон вышел из покоя, а спустя пару коротких мгновений вернулся. Он вёл за собой двенадцать монашек. Их глаза горели так, будто они достигли вершины своего существования.

Женщин раздели донага. Четырёх растянули на жаровнях, четырёх усадили в кресла, четырёх привязали к столам, а оставшихся просто связали и уложили на пол.

Саддок начал монотонно нараспев читать молитву на древнем умершем языке.

Стоявшие в пентаграммах рытники как по команде сели на одно колено. Подпалачики поддали жару. Глаза женщин расширились от ужаса, а рты разорвал леденящий душу крик. Монахини забились в тщетных попытках выбраться.

Одни спекуляторы осторожно поворачивали барашки костедробилен, а другие в это время по очереди принялись вырывать раскалёнными клещами ногти девушкам, что просто связанными лежали на полу. Потом тупыми, иззубренными скальпелями они принялись срезать с них кожу.

Саддок исступлённо читал.

Весь заклинательный покой насквозь пропитался болью. От стенаний пытуемых закладывало уши. А это были первые. Как только с этими девушками покончат, следом, так же по двенадцать приговорённых, сюда войдут ещё шестьдесят восемь служителей Храма. Каждый из них согласился прийти сюда сам. Добровольность – главное условие для успеха обряда Ронаха. Ритуальное мучительство позволяет высвободить много энергии, но стократно больше оно даёт, если истязают того, кто пошёл на это по собственной воле. И теперь ровно восемьдесят героев, что пожелали принести свою жизнь во имя спасения жизней их братьев и сестёр, ожидало своей участи.

Крики прекратились. Женщины были ещё живы, но сил даже на хрип ни у кого уже не оставалось. Тогда Евтифрон и

Йегахонон пошли от одной к другой по кругу. Первый отец-настоятель резко проводил кинжалом по горлу женщины, а второй собирал в чашу их последнюю кровь.

За отсутствием времени трупы девушек свалили один на другой в угол у горна.

Евтифрон завёл новую партию, чтобы подвергнуть всем тем же манипуляциям. У этих вера была куда крепче предыдущих. Поджариваясь на решётках, они славили Господа. С них заживо снимали кожу, а они молились. Их руки и ноги обращали в жидкое месиво, а они благодарили судьбу.

Священный Синод молился в голос. Илия сам поймал себя на том, что его продирает холодный пот и кровь стынет в жилах.

Саддок читал всё громче. Его глаза закатились, но язык сам продолжал выкрикивать слова заговора. Его голос витал под сводами, проникая всюду.

Илия уже сбился со счёта, какую партию привёл отец-настоятель. По вискам градом катился пот. Руки вцепились в кумачовый пояс.

Кому-то из Синода стало плохо, и он спиной сполз по стене и остался в таком положении. Но не ушёл. Устав совершенно чётко предписывал всем членам присутствовать при обряде.

Когда чаша наполнилась, и последняя капля крови последней жертвы упала в жертвенный сосуд, Йегахонон поднял чашу над головой и выкрикнул нечто нечленораздель-

ное.

Евтифрон полоснул себя кинжалом по запястью и вылил несколько капель своей крови в жертвенную. То же проделали остальные отцы-настоятели.

Рытники, закрыв глаза, приняли чашу и пустили её по кругу. Каждый делал глоток и передавал другому до тех пор, пока вся жертвенная кровь не иссякла. Отцы-настоятели принялись окуривать их дурно пахнущими травами, при этом бубня нечто себе под нос.

В это время спекуляторы забрасывали тела жертв прямо в горн. Подпалачики из последних сил налегали на меха, раздувая пламя, способное расплавить сталь так же легко, как плавится воск свечи. Потом рытников натёрли прахом их братьев и сестёр и нарядили в их обычные балахоны с островерхими капюшонами, но подпоясали теми верёвками, которыми связывали четвёртую категорию мучимых, с которых сдирали кожу. Потом воинов поставили на колени, и их обступил сам Священный Синод.

Илия вышел и произнёс речь, которая должна была вдохновить мужчин на подвиг и хоть как-то ободрить их – вынужденных идти в бой, черпая силы в муках своих братьев и сестёр.

Произнёс и тут же забыл.

– Вы знаете, что делать, братья мои, – глухо сказал кто-то из отцов-настоятелей.

Илия не видел кто. Он наблюдал за причудливым танцем

пламени.

Рытники бегом сорвались с места. Они не утруждали себя открыванием двери, просто разнесли её в щепки и покинули заклинительный покой.

К Илие сзади подошёл Евтифрон и похлопал по плечу.

– Все эти смерти будут на твоей совести, преподобный отец.

– Все эти смерти на совести того, кто привёл сюда этих чудовищ.

– Всё равно это ты, Илия, ты и твой Синод, – произнёс наставник рытников, глядя себе под ноги. – Вы привели сюда первое чудовище, остальные лишь пришли за ним.

И не дожидаясь ответа голоса Синода, отец-настоятель вышел. За ним один за другим стали уходить и остальные, принимавшие участие в обряде. Последними ушли спекуляторы. В покое предстояла нешуточная уборка, но из-за творимого здесь никто не войдёт под эти своды в ближайшие несколько дней, пока сам дух вынужденного зла не обратится прахом.

Илия остался один. Он подошёл к дробящему конечности креслу и сел в него. Положив голову на правый кулак, голос Синода крепко задумался.

Глава 7

– Как хорошо ты летаешь? – быстро спросил Азарь.

– Вполне неплохо, – пожал плечами Фаул.

– Сможешь при этом унести подальше мальчишку и мешок примерно того же веса?

– Да. Но не шибко далеко, до суши явно не дотяну.

– Жить захочешь, долетишь куда надо! – прошипел Азарь и обернулся к отроку. – Ты сказал, что тебе ведома причина моего пребывания в Храмовых скалах.

Тот кивнул.

– Значит, должен знать и про схрон с книгами.

– Я не знал, что там книги, но что вы с рытником организовали какой-то тайник, это я понял.

– Сможешь найти дорогу?

Парень кивнул.

– Бежим! И по возможности так, чтобы нас не достали цепные пёсики.

Рванули со всех ног. Фаул нёс на себе Алишера, чтобы не терять времени, поскольку замученный мальчишка едва ли смог бы бежать так быстро, как требовалось. Перед ним с факелом бежал Азарь. Тихий омут показывал дорогу.

Выбежав на перекрёсток, они остановились. Омут прислушался. Казалось, он погрузился глубоко в себя и о чём-то мучительно размышляет. Потом парень коротко бросил:

«Туда!» и резко свернул вправо. Бежали долго, пока отрок не выматерился и круто повернул обратно.

– Какого дедера? – возмутился нетопырь.

– Рытники, – коротко бросил тот. – Они тоже чувствуют нас и пытаются загнать в угол.

Они петляли, несколько раз меняли направления на противоположное. Мальчишка, тихий омут, как заправский беглец запутывал следы, по нескольку раз ныряя в один и тот же коридор, чтобы та нить, которая могла привести цепных псов Храма к ним, была как можно туже закручена.

На ходу беглецы то и дело падали, цеплялись и бились о стены с углами. Пол под ногами ходил ходуном, пуще обычного затрудняя бег. Иногда останавливались и подолгу стояли, не двигаясь с места. Тихий омут прислушивался к своим ощущениям, а остальные, затаив дыхание, ждали его команды.

Наконец, он привёл их в узкий каменный мешок с дверным проёмом, но отсутствующей дверью. В целом, это напоминало очередную темницу, только давно заброшенную за ненадобностью.

– Пришли, – заключил отрок.

– Ждите здесь, – приказал Азарь и, сгибаясь под низким потолком, нырнул в темницу.

Он осторожно положил горящий факел на пол и принялся руками ощупывать стены. Они представлялись шершавым, грубо вырубленным монолитом скальной породы. Ла-

дони крепко упирались в твёрдую скалу, как вдруг будто бы прошли насквозь.

Резко утратив опору, ересиарх подался вперёд и чуть не упал. В неглубокой нише, которая защищалась иллюзией, он нащупал кожаный мешок и вытянул на поверхность. Разложив его пошире, Азарь положил факел ближе и принялся перебирать книги. Наконец, отыскав нужную, – небольшую, в затёртом деревянном переплёте, написанную явно на бересте, – Азарь заткнул её за пояс под балахоном и ту же затянулся.

Когда он вышел к спутникам, то казался крайне задумчивым и даже печальным.

– Скажи мне, рытники идут по мою душу?

Парень кивнул.

– Они справедливо полагают тебя виновником нападения на Храм. Поэтому у них повеление поймать тебя живым или мёртвым. Конечно, лучше живым. И ничем иным отвлечь их от тебя, увы, не получится.

– Хорошо, – обронил Азарь. – Значит, быть по сему. Ты, – он ткнул указательным пальцем в отрока, – выведешь нетопыря с мальчишкой на поверхность. Выполнимо?

Тот кивнул.

– А ты, Фаул, как только окажетесь снаружи, расправишь свои крылья, возьмёшь этот мешок и Алишера и что есть мочи припустишь вон из Храмовых скал.

– Но как же...

Азарь жестом остановил его и продолжил.

– Полетишь на закат. Не спрашивай меня, сколько вам придётся пролететь, но ты должен выдержать. Ты обязан, слышишь? Невдалеке от берега за кольцом из кораблей армии рива будет стоять ладья с алыми парусами. Ты полетишь на неё и скажешь там, скажешь слово в слово: *«Дядюшка Глум просил кланяться, но он на отдыхе»*. Скажешь слово в слово, – повторил ересиарх, – иначе вас отправят на рею. И ещё.

Он приблизился к нетопырю почти вплотную и жёстко произнёс, глядя в глаза.

– Книги и мальчишку ты должен доставить туда в сохранности. И тогда я сделаю тебя тем, кем пообещал.

– Я понял тебя, человеке. Всё сделаю. Конечно, если сам крылья не сложу.

– Папа, но как же ты? – всхлипнул Алишер.

Азарь подошёл к нему и взъерошил мальчишке волосы.

– Рытникам нужен я, Шер, поэтому я уведу их подальше, чтобы дать вам время уйти. Но ты не пугайся, всё обойдётся. Поверь, одному мне сбежать отсюда будет проще, чем с вами со всеми на плечах. Мы встретимся с тобой дома, там, – Азарь тепло усмехнулся, – где будет тепло, вкусная еда и никакой большой печи. Тем более здесь остался ещё один человек, который сейчас нуждается в моей защите.

– Наш договор всё ещё в силе? – вмешался отрок.

Азарь перевёл на него взгляд.

– Я держу своё слово. Выведешь их и гуляй на все четыре стороны. Ну, пошли!

Азарь покрепче перехватил факел левой рукой, правой – саблю и бросился бежать. Нетопырь, мальчик и отрок кинулись в другую сторону.

Азарь петлял по душным коридорам, не чувствуя за собой никакой погони. Дыхание окончательно сбилось, и ересиарх едва не задыхался. Он шипел и кривился от каждого шага, словно малейшее движение причиняет ему невыразимую боль. То и дело правой рукой он поддерживал правый бок. Он спотыкался и падал.

Но упорно продолжал бежать вперёд. Потом идти. Потом волочиться, едва переставляя ногами. В какой-то миг сабля из оружия вдруг стала служить тростью, на которую опирался при ходьбе Азарь.

Он шёл и шёл тупо, без цели, потеряв чувство времени и направления. Азарю казалось, что вся его жизнь была сплошным миражом, а на самом деле он вот так бредёт вперёд целую вечность без начала и конца.

– Я лишь тот, кто я есть... Я альфа и омега... я... я подсудный невольник, чья незавидная доля судить всех и каждого... – сквозь зубы он повторял слова, когда-то сказанные им Священному Синоду. Казалось, это было так давно, словно в другой жизни.

Трое рытников ждали его за очередным поворотом, словно точно знали, что непременно он пройдёт именно здесь.

«Почему-то их всегда трое», – мелькнуло в голове.

У каждого на лицо был надвинут островерхий капюшон. Все трое прятали руки в рукавах противоположной руки. Стояли клином.

Средний вытянул руку раскрытой ладонью вперёд. Лёгкое, почти незаметное движение кистью, и незримая сила смела Азаря с ног и грянула спиной об пол. Где-то снаружи раздался глухой взрыв, стены задрожали, и вниз посыпалась штукатурка. Ересиарх не нашёл в себе сил, чтобы встать.

Его схватили за руки и поволокли. Эти были *настоящие* рытники, Азарь бы это понял, даже не пусти они в ход магию. Шли молча, действовали слаженно, отточенными движениями, цепные псы храмовой веры не нуждались в словесном общении, казалось, они действовали сейчас под действием некоего коллективного сознания, которое руководило всеми их действиями.

Его вернули обратно в келью, из которой некоторое время назад узник небезуспешно бежал. Просто ногами втолкнули внутрь и заперли дверь. Азарь не слышал никакого движения и готов был прозакласть свою руку, что на этот раз рытники остались стеречь его, чтобы не допустить второго побега.

Ересиарх лежал, закусив губу, и тяжело дышал. Глаза заливал пот. Несколько раз вздохнув, он встал на колени и немного отполз от двери. Пошарив руками по полу, он поддел пальцами вырезанную для него Гааталией каменную плиту, вытащил, а потом убрал вторую. Достал из-под бала-

хона книгу и быстро уложил в тайник, тут же прикрыв сверху плитой.

Вторую, на которую не хватило уже места, Азарь поднял и потащил к окну. А когда выглянул наружу, то обомлел.

* * *

В это же время нетопырь с мальчишками выбрались на поверхность. На горизонте из-за туч алыми всполохами пробивался рассвет.

Рёв чудовищ и взрывы на миг оглушили всех троих.

Они находились на отлогом выступе скалы почти на самом пике. Люди внизу отсюда казались меньше ногтя. Ветер дул с запада.

– Ты, значит, не с нами? – прорычал Фаул, глядя на отрока.

– Нет. Путь чист, я чувствую. Но вам надо поторапливаться.

Нетопырь кивнул. Он забросил Алишера на спину, а тот вцепился ему в шею мёртвой хваткой.

– Потише, малец, задушишь, – ухмыльнулся нетопырь. Взяв обеими руками мешок с книгами, он расправил крылья. – Ну, бывай что ли, парень. Спасибо, что вывел!

Нетопырь прыгнул вперёд и сразу же поймал поток ветра. Несколько раз взмахнул крыльями и полетел, подхваченный холодными струями.

Внизу медленно проплывали напряженные людьми и нежитью площади, развалины детинца и заваленные трупами предместья. Берег тоже был усеян телами, а также мелкими плотами и лодками, неясными издали механическими сооружениями и бог весть чем ещё.

Нетопырь вновь несколько раз взмахнул крыльями и прибавил ходу. Потом ещё. Кто-то бросил им вдогонку шаровую молнию, но она разорвалась, лишь немногим не долетев. Больше на крылана с мешком в руках и ребёнком на шее никто не обратил внимания – хватало других забот. Фаул никого не убивал, а значит, не создавал угрозы, и про него можно было забыть на время. Для храмовников сейчас главным являлось сохранение как можно большего количества своих братьев и сестёр.

Но Фаул, на всякий случай, поднялся выше и скрылся за тучами. Примерно решив, что миновали опасную черту, в коей ещё могли бы орудовать рытники, нетопырь спустился ниже и вперил взгляд в чёрную океанскую гладь.

Флотилия рива оказалась позади. Кое-где ещё виднелись отставшие плоты и лодчонки, брошенные ботики и даже канноэ, которые дрейфовали сейчас на открытом просторе. Там и сям брюхом кверху плавали разномастные чудовища, чуды и дивии люди.

Нетопырь поднял голову и огляделся. Примерно в половине морской версты стоял корабль, как будто с алыми парусами, но от усталости и расстояния Фаул мог и ошибиться.

Алишер, вися на шее, отчаянно цеплялся и барахтался, всё сильнее осложняя полёт. Фаул то и дело проваливался в воздушные ямы, и ему стоило больших трудов снова подняться выше и поймать воздушный поток. Проклятый кожаный мешок так и норовил выскользнуть из потных ладоней.

Им повезло. Ладя, действительно, была об алых парусах. Команда заметила Фаула и Алишера и высыпала на палубу. Десять бородачей самого разбойничьего вида, в рванине, но с булатными клинками, алебардами и шестопёрами приготовились к встрече.

Когда когти нетопыря ступили на тесовую палубу, мужики вскинули оружие, но пока не нападали.

Из толпы вышел долговязый белобрысый чуд и неприветливо произнёс:

– Мы ждали не вас.

Нетопырь слово в слово повторил слова, сказанные ему Азарем. Чуд обвёл присутствующих хмурым взглядом, а потом заговорил. Приказы сыпались из его уст, как жемчуг из мошны.

– Что ж, коли дядюшка Глум почивать изволил, стал быть, делать нам тут больше неча. Отчаливаем! Образину с мальцом накормить и выделить подвесной лежак! – Забрав у нетопыря мешок с книгами, атаман этих головорезов отдал его рыжему детине с заплетённой в косы бородой. – Это в трюм и приставить охрану. Ты! К рулю! Ты, сматываем снасти! Вы на вёсла быстро! Поднять паруса! Пошевеливайтесь,

засранцы! И так довольно штаны просиживали.

Ладья с алыми парусами во всю прыть убиралась подальше от Храмовых скал.

* * *

Тихий омут долго стоял и смотрел туда, где ещё долгое время маячила тёмная фигура нетопыря. Потом он закрыл глаза и глубоко вдохнул. Отрок не мог надышаться – запах свободы. Впервые за долгие годы он был свободен от всего. Его никоим образом не волновали крики и стоны, доносившиеся со всех сторон. Ни одна смерть не заставила бы его содрогнуться. Он широко распахнул руки, словно в надежде обнять весь мир. На лице сияла счастливая улыбка сумасшедшего, а в глазах блестели слёзы.

Отрок стоял на краю обрыва, ветер нещадно трепал его волосы и засаленные оборванные одежды. Парень улыбался.

А потом он сделал уверенный шаг и сорвался вниз. Всего за несколько мгновений он преодолел то громадное расстояние, что отделяло его от *земли* Храмовых скал. А ещё через миг сотни различных ног смешали то, что от него осталось, с внутренностями других существ.

Глава 8

Десять исторгателей душ со своими жезлами осторожно брели вдоль узких улочек храмовых предместий. Со всех сторон на них глядели пустыми глазницами окон разрушенные и полуобугленные дома. Несколько раз они чуть не направились на патруль конструтов или, как их успели прозвать храмовники, механикусов. Справедливо рассудив, что пусть с этими порождениями дедера разбираются рытники, исторгатели огибали конструкторы по широкой дуге и искали противника попроще – у кого всё-таки была душа.

С летучими змеями в небе было покончено, и большинство цепных псов Храма высыпало на улицы. Встречаясь с кем-нибудь из них, исторгатели сообщали, где в последний раз видели механикусов, и шли дальше. Некоторых чудовищ тоже обходили стороной, поскольку бестии не имели души тоже. По иным же храмовники щедро проходились жезлами. Каждый исторгатель душ пользовался заученным с самых ранних лет своего ученичества «Перечнем существ расы нечеловеческой, сиречь греховной, наделённых душой или зачатками оной».

У старой часовни под Угрюм-горой отряд наварвался на засаду дивных людей. Одноглазые разбойники прекрасно знали, чем им грозило даже беглое касание золотистого жезла, но несмотря на это, лиходеи под бранный гвалт разом на-

валились на храмовников. Шестеро нелюдей тут же упали на камни, следом ещё десять. Боевое искусство исторгателей чем-то едва уловимо напоминало работу копейщиков в каком-нибудь Лихоборе или Велеславле.

Пока самые лихие и отвязные отвлекали внимание храмовников на себя, остальные принялись обстреливать исторгателей из коротких луков. Десяток воинов Храма поредел очень быстро. Некоторых уложили врукопашную разбойники с прямыми родовскими саблями.

Остальные дивии люди с ликующими криками взвалили на руки смельчаков, победивших в лобовом столкновении исторгателей и понесли куда-то так, словно самое меньшее — они выиграли войну.

Над Храмовыми скалами низко стелился зловонный дым. Там и сям горели пожары, хотя, казалось бы, чему тут гореть, когда кругом одни голые камни? Шестилапые крабы, на спинах которых сидели хищные, жадные до человеческой крови водоросли, огромными клешнями расчищали дорогу. Следом по дубовым брёвнам чуды катили осадные машины, которым храмовники отбили колёса. За ними неспешно волочились те, у коих колёса ещё остались. Верхом на передвижных башнях с самой отборной руганью сидели дивии люди. Они гоготали на всю улицу и разбрасывали во все стороны зажжённые факелы, стрелы и бутылки с маслом, из которых торчали горящие пакли.

Миновав руины детинца, чуды принялись быстро разво-

рачивать машины и пристреливать их по главному храму. Дивии люди рассыпались по улицам и придались грабежу и разорению. Одноглазые разбойники искали всюду молоденьких монахинь, но женщины все давно попрятались или погибли, поэтому вошедшим в раж лиходеям вполне ужегодились и монахи, которых удавалось изловить.

Всюду бродили чудовища. Для них наступил великий пир. Будучи в большинстве своём падальщиками, бестии жадно набивали брюхо останками как храмовников, так и собственных сородичей.

Кое-где служители Храма ещё пытались стоять насмерть. То тут, то там, сбившись в кучу, стоя спина к спине, они отчаянно отбивались от нападающих со всех сторон тварей. Вооружены были кто чем: от простых кухонных половников до великолепных лихоборских мечей из чёрного булата. Монахи сражались отчаянно, никто не думал о себе. Каждый стремился к смерти, но при этом унести с собой на *тот свет* как можно большее количество врагов. Ибо что может быть почётнее, чем умереть, отстаивая сам Великий Храм?

Кое-где на улочках мелькали белые всполохи. Это рытники, разобравшись с летучими змеями, сосредоточились на неуязвимых для всех остальных конструктах. Механические доспехи пёрли на храмовников, невозмутимо орудуя двуручными мечами, обоюдоострыми глефами и узколезвыми алебардами. Механикусы не уставали, они шли и дрались в едином темпе, как заведённые.

Рытникам приходилось то и дело горохом рассыпаться по сторонам, и, выбиваясь из сил, жечь конструкты белыми лучами до той поры, пока калёная сталь их доспехов и механизма не обращалась в жидкость. Только в таком состоянии доспехи уже не могли собраться вновь.

Дело осложнялось ещё и тем, что механикусы не чувствовали боли. Их сил хватало, чтобы идти вперёд, даже если тебе в грудь методично бьёт белый луч, а сам ты плавишься заживо. Если слово «заживо» вообще было применимо к конструктам. Идти вперёд и при этом бить почти без промаха.

Летучие змеи порядком измотали рытников, их сил бы уже не хватило, чтобы расстрелять доспехи лучами издалека. Поэтому храмовникам приходилось держаться к своим целям ближе.

Некоторые цепные псы Храма разобрались, что если ударить в конструкт под определённым углом, то он разлетается на части. И пока эти части снова собираются в единый механизм, с ними гораздо проще расправиться. И их разбивали и плавил. Раскалённый добела металл тёк по брусчатке и медленно остывал, превращаясь в тротуары.

Но, несмотря ни на что, нет-нет да конструкту удавалось полоснуть железом кого-нибудь из рытников. Раненые, уставшие, они из последних сил пытались сражаться, причём иногда успевая прикрывать спины своим братьям других церковных специальностей, что плечом к плечу сейчас стояли за Храм.

Основные силы и людей, и чудовищ стягивались сейчас к главному храму. Основные, но не все. Мелкие стычки и средних размеров сражения разыгрывались на всей многоверстовой протяжённости горного хребта, называемого Храмовые скалы. На каменистых отлогих берегах среди трупов как людей, так и чудовищ, храмовники бились насмерть с водяными и болотниками. Зеленокожие, покрытые белыми волдырями и *гусиной* кожей, они чем-то едва уловимо напоминали людей. У каждого меж пальцев пролежала тонкая перепонка, а из копчика рос длинный подвижный хвост, заканчивающийся рыбьим плавником.

Рядом на обломках плотов, раздавленных драккарами и галерами, на самих морских посудинах и прямо в океане на узких лодках священнослужители бились с морскими тварями. Храмовники дрались короткими мечами гладиусами, оставшимися современным людям от далёких предков, даже имена которых были сокрыты во мраке веков. Местами помятые, но всё ещё острые бронзовые жала клинков легко погружались в плоть морских тварей, рубили им головы и плавники. Несколько человек управлялось с простыми гарпунами, как на рыбалке. И надо сказать, управлялось отлично. Пучина пенилась от брызг и крови.

Чуть дальше от берега, на самых подступах к предместьям, с походными носилками сновали туда-сюда семинаристы-первокурсники. Они отыскивали живых в свалке изуродованных тел и временно переносили их в едва уцелевшие

домишки храмовой черни. А там, неведомо как выжившие, молодые монахини наскоро оказывали первую помощь. Всего пять монахинь, но работали они сейчас за десятерых каждая.

Когда дивии люди грабили и убивали здесь всех без разбора, им удалось укрыться под грудami изуродованных тел. И отыскать кого-то живого в той свалке было бы поистине трудной задачей даже для одноглазых и одноногих разбойников. Двух девушек удалось отбить самим монахам.

Когда дивии люди растянули их на земле и сорвали рясу, священники напали сзади. Несколько уложили сразу. Потом началась драка. Выжило всего трое монахов. Израненные и усталые, они едва держались на ногах. Но именно они стали первыми, кто начал искать живых среди груд мёртвых тел и изуродованных конечностей.

В северном пределе Храма битва только начинала разгораться. Здесь чудовища начали прорыв позже всех, и у святых братьев было некоторое время подготовиться и дать отпор.

Из мешков с песком они соорудили невысокие валы, за которыми засели семинаристы с самострелами и луками. Случайных людей среди них не было – все из баронских, либо охотничьих семей из Бараа-Тору или Сатхаир Арда. По флангам встали священники с красными щитами, похожими на семечку подсолнечника. Тут же за щитами приготовились копейщики. Эти были настоящие воины из младшей дружи-

ны Мирограда – они прибыли в Храмовые скалы, чтобы приложиться святым мощам праведников и помолиться в уединении. Чуть поодаль в центре ждали своей очереди наёмники – люди без Родины, что ходили из города в город, продавая свой меч и свою удачу.

Первую волну чудовищ встретил густой залп из стрел и бельтов. Сделав всего несколько шагов по суше, монстры тотчас падали и больше не вставали. Но следом тянулись всё новые полчища. Они бестрепетно переступали через своих павших сородичей и шли дальше.

На баррикадах командовал десятник копейщиков. Он зорко следил, чтобы две линии стрелков вовремя сменяли друг друга, и пока одни давали залп, вторые заряжались. Учитывая, что времени для натяжения тетивы самострела требовалось больше, чем просто наложить стрелу на гуслу лука, стреляли в порядке – два залпа из луков, один из самострелов. И снова.

В распоряжении защитников Храма стрел и бельтов насчитывалось всего-ничего. Но даже благодаря им на берегу остался целый вал из мёртвых отвратительных туш.

Когда стрелы закончились, десятник скомандовал отступление. Щиты тут же сомкнулись вокруг лучников с наёмниками, и небольшой отряд начал медленно пятиться к предместьям.

Отнюдь не блещущие умом твари, тем не менее, стали заходить с тыла и брать отряд в кольцо.

Щитоносцы встали кругом. Продвигаться они никуда уже не могли, оказавшись прямо в центре бушующего моря чудовищ. Ужасные лисицы в два человеческих роста и с семью хвостами первыми бросились в атаку и напоролись на копья. Мохнатые пауки со скорпионьими жалами бросались прямо на пики, но прежде чем умереть, успевали ударить за стену щитов своим жалом.

Кому-то из наёмников удавалось срубить стремительно свистящую смерть, но нескольких ядовитые жала ударили прямо в голову. И не помогли клёпаные шлемы-шишаки.

Омерзительные богинки, похожие на женщин, но нагие с огромными головами, отвисшими грудями и большими животами кидались воинам под ноги и норовили поймать кого-нибудь непропорционально длинной многосуставчатой рукой. Их рубили наёмники и топтали стрелки.

Туда, куда не могли прорваться богинки, легко добирались тонкие и юркие волосни. Похожие на червей или гусениц, юркие, волосатые, в три руки толщиной, они проскальзывали в щель между сужающимися концами щитов и обвивались вокруг ног людей. Люди падали. С волоснями приходилось справляться, в основном, стрелкам при помощи засапожных ножей.

Наёмники отбивались от тех, кто лез сверху, миновав копья и щиты. Худые и низкорослые человечки, покрытые не то шерстью, не то колючками – караконджалы. Они ловко прыгали с копья на край щита и оставались там, точно неве-

сомые. И так же просто им отрубались руки и головы. Тут же, прямо по спинам остальных, карабкались чёрные, как ночь, с телами огромной собаки и головой лошади, стрыгари. Их чудовищные пасти с тонкими острыми зубами клацали едва ли не над самым ухом. Стройные рыжевласые кадильницы громили щиты каменными плетьюми.

Мохнатые, лысые, большие и маленькие, двуногие и многолапые создания не щадя живота своего лезли на вожака живую добычу.

Строй щитов, наконец, дал слабинку, и неотвратимой лавиной чудовища рванули в брешь и смяли последнее сопротивление людей.

Остальные с истошным рёвом пробирались вглубь Храмового острова. К центру, напрямик туда, где грозно возмался семью башнями главный храм.

Внезапно раздался бой набата. Он командовал отступление. Всем до единого служителям Храмовых скал надлежало немедленно прорываться к запасным кавернам, которые всё время битвы *уже* скрывали в себе тех, кто не мог держать оружие. Всем, даже рытникам.

Сбитые с толку храмовники начали отступление. Удивлённо оглядываясь, они видели, как толпы чудовищ, чудов, дивных людей пядь за пядью отвоёвывают и оскверняют святую землю, а им командуют отступление. Но воле Синода противиться глупо, ибо их действия продиктованы самим Господом.

Видя, как враг отступает, дивии люди дружно заорали и погнали храмовников ещё быстрее. Они развлекались, убивая одного за другим и оскверняя трупы. Ни один пергамент не выдержал бы описания, что творили эти существа с телами убитых священнослужителей.

Чуды продолжали осаждать главный храм по всем правилам военного искусства. Со звериным упорством они перетаскивали землю от детинца к храму, сооружая валы и укрепления. По периметру всех башен были устроены волчьи ямы и осадные ежи из отёсанных заострённых брёвен.

Сюда же со всех сторон тянулось всё разношёрстное воинство чудовищ. Шли все, включая даже раненых. Твари хромали, подволакивали за собой полуотрубленные конечности и истошно ревели. Скоро на главной площади было уже не протолкнуться.

В какой-то момент парадные двери главного храма распахнулись и изрыгнули из своих недр семерых монахов в заношенных балахонах с островерхими капюшонами рытников.

К этому времени на улицах не осталось больше ни одного живого священнослужителя, кроме этих семерых. Не откладывая в долгий ящик рытники бросились в атаку. И то, что они творили, заставило оцепенеть даже не обременённых умом чудовищ.

Рытники шли врукопашную.

То есть буквально они без всякого оружия с голыми ру-

ками врезались в ряды вооружённых самыми ужасными конечностями тварей и заработали во все стороны кулаками. Рытники шли вперёд, оставляя за собой просеку из мёртвых. Они разрывали надвое монстров, похожих на бревно с огромной пастью. Они точно чувствовали или знали, когда и как будет нанесён удар. Цепные псы Храмовых скал невероятно ловко уворачивались от летящих в них исполинских жал и клешней. Им даже не обязательно было видеть, что происходит, чтобы реагировать своевременно.

Каждый из этих семерых был способен не глядя, как бы между делом, поймать у самого уха стрелу, пущенную кем-нибудь из дивиих людей. И тут же вонзить эту же стрелу в глаз первому попавшемуся чудовищу.

На них нападали с саблями сзади, а они круто поворачивались в самый последний момент и подставляли под удар того, кто пытался убить их спереди. Изворачиваясь самым немыслимым образом, рытники умудрялись убивать врагов их же руками.

Не забывали эти чудо-воины и про магию. Белые лучи уже не раз показали себя сегодня с лучшей стороны. Поэтому только кто-то из рытников расправился с очередным безмянным монстром, оторвав ему жало, клешню или острый, как бритва, плавник, только огрел этим оружием кого-то рядом, как тут же из его ладони вырывался густой пучок света, который обращал пеплом каждого, кто окажется у него на пути.

Если у кого-то из рытников вдруг выдавалась пара свободных мгновений, он непременно складывал руки у груди в жесте молящегося, а потом резко разводил их в сторону. Меж ладонями возникала яркая белая шаровая молния, которая тотчас срывалась с места и разносила в кровавые ошметки сразу нескольких существ.

И всё вместе: рукопашная, боевое искусство рытников, их магия – сплеталось в невообразимый танец света и мрака, который грозил смертью всякому, кто оказался бы в его водовороте.

Если бы кто-то из людей вышел сейчас на площадь перед главным храмом, у него бы зарябило в глазах от резкой смены света и тени, мельтешения молний и стремительных пучков света, то и дело взлетающих вверх конечностей и льющейся всюду крови. Он наверняка бы поскользнулся и упал если не от крови, то наступив на ещё тёплые внутренности, бьющиеся в агонии тела или конечности. И уж наверняка его дыхание бы спёрло от нестерпимого тошнотворного запаха, что пропитал собой всё место сражения.

Но рытники были единственными людьми здесь. А их ничего из этого ничуть не трогало.

С нечеловеческой скоростью они вертелись волчками, их тела непостижимо изгибались, а всякие попытки чудовищ и представителей малых народов хоть как-то дотянуться до рытников, пропадали втуне. Псы Храма точно знали наперёд каждое движение, каждое направление и угол атаки. Словно

высшие силы отправили в мир семь человек с заранее внушённой им последовательностью действий, а потом бросили бесчисленные легионы оным людям на убой.

Лица рытников пылали яростью, они, как никогда, сейчас жаждали крови. И вместе с тем сражались крайне отрешённо. Воины Храма не всегда даже смотрели на создание, которое спустя мгновение умирало от их руки. Более того, горящий ненавистью взгляд был рассеян, храмовники смотрели, что называется «в никуда». Они не поворачивали головы, если удар приходился сбоку, лишь небрежно переводили его на другое существо, либо блокировали так жёстко, что bestия вполне могла расстаться с жизнью.

Пока рытники расправлялись с чудовищами в первых рядах, чуды и дивии люди тоже не теряли времени. Как только передвижные осадные башни добрались на более-менее приемлемое расстояние, дивии люди начали забрасывать главный храм всем, что могло гореть. В ход пошли стрелы, факелы, камни, обмотанные горящим тряпьем и даже подожжённый символ Храмовых скал – крест, заключённый в круг, который одноглазые разбойники сорвали с одной из часовен в предместьях.

Ожили осадные машины чудов, и вот уже в ровной скалистой породе башни главного храма появилась первая вмятина. Тотчас по стене протянулась густая сеть трещин. Ещё несколько каменных ядер, и трещины покрыли весь фасад. Третий залп разнёс стены двух верхних этажей в крошево.

Баллисты и мортиры тут же засыпали образовавшиеся прорехи огромными стрелами и глиняными ядрами с зажигательной жидкостью.

В проёмах замельтешили люди. Мокрыми тряпками и ушатами с водой они пытались справиться с разыгравшимися пожарами. Многие из них тут же пали жертвами следующих залпов.

В окнах и бойницах показались недавно отступившие рытники. Они вновь попытались применить свои смертоносные лучи, но битва вымотала их настолько, что белые вспышки если и достигали цели, то не обращали пеплом всё живое, а лишь обжигали кошмарных тварей. Дивии люди находились слишком далеко, и свет храмовой магии сейчас до них не мог дотянуться. Осознав это, одноглазые разбойники принялись богохульствовать и показывать монахам неприличные знаки. Чудов из-за их машин и вовсе не было видно.

Семеро воинов тем временем одолели насыпной кордон и уверенно шли прямо к осадным механизмам.

Чуды быстро разобрались в происходящем и, бросив всё, бегом бросились к берегу. Под нестройное улюлюканье, дивии люди расстреляли из луков и забросали камнями полдюжины беглецов.

Рытников на своих баррикадах они встретили храбро. Сшиблись с ними грудью и умерли, не уронив оружия.

Между тем трое цепных псов Храма уронили каменные башни одну за другой, чем передавили десятки различных

существ.

А потом случилось то, чего уже никто не ожидал. Большинство монстров продолжало слепо переть на своих врагов, бестрепетно погибая от их рук. Но вот некоторые вдруг осознали, что столкнулись с ужасным противником и повернули назад. С диким воем чудовища удирали.

Площадь перед главным храмом стремительно пустела. Часть созданий удирало восвояси, часть быстро уничтожалась рытниками. И Храмовые скалы воспряли духом. Там и сям вновь открывались двери, откуда выбегали немного отдохнувшие мужчины. Большинство из них в руках держало настоящие клинки, и только некоторые были вооружены чем попало, вроде железного штыря Азара.

Вернулись остальные рытники. С близкого расстояния их лучи прожигали бестий насквозь. Скоро людская армия сама собой организовалась в следующий порядок. Первыми шли семеро, которые принимали на себя основной удар. Точно коса оратая, они укладывали целые шеренги чудовищ – карающий меч церкви во всей своей красе и славе. Следом дрались обычные рытники, их боевое искусство и магия тоже творили чудеса. Хоть уставшие и изрядно потрёпанные, они всё ещё представляли собой грозную силу. Даже воины самых низших ступеней посвящения укладывали одного-двух чудовищ за раз. И замыкали обычные служки, часть из которых, правда, владела боевым исихазмом. Эти – простые священнослужащие – добивали тех, по кому не прошёлся молот

цепных псов Храма. Они же прикрывали фланг, правда, в этом уже не было нужды.

Люди уверенно гнали чудовищ прочь.

Последняя битва разыгралась на берегу. Когда отрезанным от океана громоздящимися друг на друга морскими посудинами бестиям ударили в спину. Отчаянно взыв, чудовища снова бросились в свою последнюю гибельную атаку.

Поддавшись боевому исступлению, славя Господа, священники бросились в бой так же, как до этого бросались дивии люди. Ошалев от крови, они сражались в тот момент так, что позавидовал бы любой ратник от Нефритовой скалы до Михды.

Некоторых монстров рытникам удалось загнать на обломки кораблей и сжечь вместе с вражеским флотом. Остальных, в конце концов, взяли в кольцо и перебили.

Бой был выигран.

Капелланы, дяки, подьячие, викарии, монахи, схимники, исихасты – словом, все, кто сражался с тварями честным оружием, воздели клинки к небу и закричали. Этот крик ликования громом прокатился над Храмовыми скалами. Люди исступлённо танцевали, как малые дети они показывали трупам неприличные жесты. Кто-то падал на колени и хватался за голову. Кто-то выл, задрав голову к небу.

Пошатываясь, к главному храму возвращались рытники. Они по своему обыкновению оставались молчаливы.

Семеро воинов, переломивших ход битвы, сидели на бе-

регу и печально следили за исполинским пожаром, охватившим некогда грозную флотилию Безумного рива.

Глава 9

Азарь собственными глазами видел, как семеро рытников без всякой помощи и поддержки расчистили площадь от мрачных созданий. Он надолго впал в оцепенение и едва не забыл избавиться от обломка пола в его руках.

Когда Храмовые скалы вышли на улицы для своей атаки, оцепенение немного спало. Ересиарх выбросил камень в окно, вроде даже кому-то на голову, но он не был уверен.

Медленно отойдя от окна, Азарь сел на холодный пол и взялся за голову.

За ним пришли сразу, как только закончилась битва на берегу. Ширкнул засов, и на пороге возник рытник в надвинутом на лицо капюшоне.

– Выходи! – коротко бросил он.

Азарь медленно поднялся и вышел.

Его привели в уже знакомую пыточную. Горн едва теплился. В пыточной за столом сидел Илия, комната освещалась несколькими свечами, стоявшими перед голосом Синода. В остальном помещении царил сумрак. Больше никого не было.

Голос Синода отдал какие-то распоряжения на ухо рытику, и тот, коротко кивнув, оставил Илию с Азарем наедине.

– Здравствуй, сударь мой, ересиарх, – глядя на короткое стило в своей руке, медленно проговорил Илия.

– И тебе не хворать, преподобный.

На этот раз Азарь не садился в *своё дробящее кресло*, а стоял перед священником, сложив руки спереди. Голос Синода нервно крутил писало между пальцами и не смотрел на ересиарха.

В исполинской печи едва слышно трещали поленья.

Молчали долго.

Потом Илия заговорил. Медленно, сквозь зубы.

– Признаться, мы все недооценивали твоё могущество, Азарь. Сегодня я попался на ту самую удочку, от которой надеялся уберечь Храмовые скалы. Я думал, что мы слишком размякли в этой спокойной жизни и сам не понял, как сильно пьян моей иллюзорной властью над тобой, – Илия усмехнулся. – Я ставил в укор Синоду, что мы проглядели становление целого ересиарха, а сам не заметил противника, которого ещё не было у Храмовых скал, а ведь он был прямо перед носом. М-да... и это стоило жизни сотням и тысячам наших братьев и сестёр. Хотя ты предупреждал. Ты говорил нам в лицо, чуть ли не прямым текстом, что весь Храм у тебя в руках, а мы пропустили это мимо ушей. Как ты там сказал? Я есть судья?

– Я лишь тот, кто я есть. Но я начало и конец, я есть царь, я есть раб. Я подсудный невольник, чья незавидная доля – судить всех и каждого, – Азарь дословно процитировал самого себя.

– Вот-вот, – мрачно покивал Илия.

Азарь ничего не ответил.

Снова помолчали.

– Ты сделал всё прекрасно, – продолжил Илия, разглядывая пламя свечи. – Красиво. Несколько дней ты глумился над Священным Синодом и разгуливал по Храму как у себя дома, а потом едва не пустил все Храмовые скалы на дно целиком. Я сделаю всё, чтобы эта история никогда не вышла за пределы наших стен, хотя и не слишком обольщаюсь на этот счёт. Но то, что здесь, среди нашего духовенства, ты уже стал легендой, это уже факт. Я бы сказал «притчей во языцех». Знаешь, как они тебя прозвали?

– Просвети меня, преподобный.

Азарь по-прежнему стоял перед столом прямо, держа ладонью ладонь перед собой.

– Вельзевул. Это одно из прозвищ дедера...

– Я знаю, что это, преподобный.

Илия покрутил головой и схватился за неё.

– Некоторые на полном серьёзе принимают тебя за воплощение дедера на земле и распространяют мысль, что наступил конец времён. И знаешь, мне трудно их винить. В какой-то момент я сам едва не поддался подобной ереси, ибо слишком многое указывает на твоё сходство с ним. Ты красив, говорят, монахини долго украдкой шептались о тебе, – Илия стал загибать пальцы, – ты до чёртиков наглый и самонадеянный тип. Я бы даже сказал, самовлюблённый. И твоя власть просто поразительна. Все эти тёмные легионы,

которым довелось сегодня испробовать крепость Храмовых скал... Да после твоего появления здесь в темницу отправились разом рытник не из последних ступеней и сам член Великого Синода! Есть от чего голове пойти кругом.

– Тогда почему ты всё-таки не поверил этому? – тихо, но твёрдо произнёс ересиарх.

– Ну, во-первых, мне не очень хочется верить, что отец лжи и порока смог бы вот так запросто взойти на святую землю и не сгореть живьём. Всё же Храмовые скалы были самым святым местом Горнего. До сего дня, – чуть подумав, добавил Илия. – Ну, и во-вторых, даже если ты и впрямь дедер, я верю, что конец времён ещё долго не настанет. Пророчество, опять же – доколе вечно и неприступно стоять Великому Храму...

– Дотоле нерушим буде свет истинной веры, – закончил за него Азарь. – И ты, Илия, веришь в эти сказки?

– Сказка – ложь, да в ней намёк... добрым молодцам урок, – впервые сегодня голос Синода посмотрел прямо в глаза ересиарху. – Но, как ты любишь говорить, вернёмся к нашим баранам. Я уже сказал, что ты провернул красивую комбинацию, вполне последовательную и логичную... За исключением одной детали, которую я никак не могу взять в толк... Почему ты остался, хотя мог преспокойно сбежать, воспользовавшись сутолокой? И никто бы тебя не поймал.

Азарь открыл было рот, но преподобный отец Илия его перебил.

– И не надо мне рассказывать, что заблудился в наших коридорах! – Илия навалился на стол. На лицо храмовника набежала уродливая тень. – Мы знаем, что ты искал двух мальчишек – тихих омутов, которых потом отпустил. Но почему ты не ушёл вместе с ними? У тебя было предостаточно времени с тех пор, как ты покинул свою келью и до той поры, когда мы одержали окончательную победу над твоим зверинцем.

Азарь развёл руками.

– Ты не поверишь, преподобный. Я остался, чтобы всё объяснить.

Глаза голоса Синода полезли на лоб. Казалось бы, он уже ждал от этого человека всего, что ещё могло удивить? Ан нет, ещё было чему подивиться.

– Значит, объясняй.

– Всё очень просто, – Азарь начал расхаживать перед столом преподобного взад и вперёд, – не буду скрывать, такой прорыв задумывался нами... Не планировался, Илия, а лишь задумывался, держался, так сказать, на крайний случай. На тот случай, если вам удастся схватить меня. И я действительно ждал, когда же за мной придут. Но ты своим предложением сбил меня с толку, преподобный.

Здесь ересиарх выразительно посмотрел в глаза Илие и всплеснул руками. Голос Синода оставался каменно спокоен.

– У меня было достаточно времени подумать, и я решил

принять твоё предложение. Во всяком случае, худой мир лучше доброй вражды. И помощь Храмовых скал мне сослужила бы отличную службу. Но тут Стародум-таки добрался сюда и начал свою атаку. Я надеюсь, ты понимаешь, Илия, что это было очень некстати?

– Допустим, – хмуро бросил святой отец. – Дальше.

– А дальше, – Азарь снова развёл руками, – что мне оставалось делать? У меня не было никакой возможности остановить рива и отправить его восвояси. Как только я узнал о нападении на остров, тотчас сообщил своему тюремщику, что можно избежать кровопролития. Кстати, какого дедера ты нарядил их, как рытников? Ты что думал, я не отличу настоящего воина от ряженого?

Илия хлопнул ладонью по столу. Подсвечники низко подпрыгнули, пламя свечей задрожало. Сделав несколько глубоких вдохов, голос Синода произнёс:

– Здесь пока ещё задаю вопросы я, сударь мой ересиарх. И ты вовсе не в том положении, чтобы вести себя как обычно.

Тихо открылась дверь, и в пыточную тенью скользнул рытник. Он навис над преподобным и что-то коротко бросил ему на ухо. Илия как-то едко усмехнулся и встал. Поправил рясу, пригладил пояс.

– Закончим наш разговор по дороге. Пошли.

Они вышли из пыточной вдвоём – рытник остался внутри и чем-то гремел.

– А не боишься, что я снова попытаюсь сбежать? – поин-

тересовался Азарь.

Илия пожал плечами.

– Я не так глуп, чтобы недооценивать тебя *настолько*, сударь мой ересиарх. Ты своими глазами видел наших цепных псов, как вы любите их называть, в деле. Едва ли ты решился бы на побег, зная, что все они теперь свободны и винят тебя в гибели своих друзей и близких.

– Но что, если я возьму тебя в заложники? – настаивал Азарь.

– Было бы просто прекрасно! – живо отозвался преподобный. – Я бы отнюдь не стал бороться за свою жизнь. Я пал бы как мученик, а после меня, может, даже канонизировали бы. Ну а ты всё равно не ушёл бы от своей участи.

– А если у меня снова припрятан козырь в рукаве?

– Твой козырь мы уже перепрятали. Но не думай, ты ещё увидишь Гааталию. Так что там с твоими объяснениями?

Азарь сжал ладони в кулак – Гааталия ещё жив.

– Ну и вот, – невозмутимо продолжал ересиарх, – я сказал вам, что могу остановить бессмысленное кровопролитие, а вы в очередной раз поступили по-своему. Вы упустили драгоценные минуты, если не часы. Время в камере, знаешь, течёт очень странным образом. Никогда нельзя знать наверняка, сколько же его прошло.

– Если ты стремишься остановить кровопролитие, зачем сбежал, когда тебя, наконец, повели ко мне?

– Ну, во-первых, один из моих тюремщиков посулился

мне спустить шкуру живьём. Не самое бодрящее начало, – резонно заметил Азарь. – А во-вторых, пока мы с тобой обменивались бы любезностями, чёрт-те что могло бы произойти.

– В таком случае, почему же ты не бросился сразу к Безумному риву, а начал бестолковую свару с моими засадами и погоню за тихими омутами?

Они шли всё теми же душными коридорами. Всюду, куда ни кинь взгляд, проходили глубокие трещины, валялись обломки стен и потолков. Однако все переходы уже были хорошо освещены. Все каганцы исправно горели, а между ними в довесок пылали факелы.

Тут и там куда-то бежали храмовники. Что-то тащили, кого-то вели. Работы им теперь хватит надолго – убрать трупы и рассортировать, избавиться от вражьих и похоронить своих, восстанавливать Храм и прочее.

– Мальчишки мне были нужны, – пожал плечами Азарь. – Когда бы ещё выпала возможность умыкнуть их?

– Допустим, – с нажимом произнёс Илия. – Дальше.

– А что дальше? Дальше, как только у меня появилась возможность, я дал приказ всем существам разворачиваться, и они повернули. А ваши люди, вероятно, решили, что это им своей доблестью удалось обратить монстров в бегство? – усмехнулся ересиарх.

– Это уже не твоего ума дело.

Какое-то время они шли молча. Азарь озибался по сторо-

нам и напрягал зрение, на всякий случай запоминая дорогу.

– Не утруждайся, – съязвил Илия. – Этим путём тебе не пройти.

Азарь то и дело ловил на себе разъярённые взгляды. Если бы не святейший отец Илия, на ересиарха сейчас набросились бы все от мала до велика и разорвали в клочья.

Узник криво ухмылялся и хитро заглядывал каждому в глаза, как бы говоря: *«Где же теперь ваше смирение и добродетель? Подставляйте левую щёку!»*

Коридоры раздавались вширь, становились светлее. Их стены всё чаще покрывались облицовкой и чем дальше, тем дороже был камень. Потолки становились всё выше, их уже подпирали высокие колонны – каменные столбы, образованные при слиянии сталактитов и сталагмитов. По стенам и потолкам тянулись фрески. Тысячи святых с неприязнью взирали на виновника сегодняшнего кошмара.

– А где ты научился так драться? – нарушил молчание голос Синода. – Я думал, умные и образованные люди вроде тебя этим не блещут.

– Твоя правда, преподобный, не блещут. И я бы не блистал и даже не расстраивался бы. Знаешь, я из неревских племён, а у нас в обычае в четыре года садить мальчика на коня. К семи годам мы уже обязаны сносно стрелять из лука, а к десяти – держать меч. Но мой папаша был... садист. Лихоборский боярин, сотник старшей дружины, он не мог себе позволить, чтобы его сын уступал в боевом умении хоть кому-нибудь.

Думаю, в глубине души он видел меня не просто витязем, а удельным князем. Поэтому вместо детства у меня была учёба. Когда остальные мальчишки, даже дети черни, лазали по чужим дворам за яблоками, я читал жития святых в подлиннике. Когда все шли купаться, я учился исчислению. Когда все ещё спали в своих колыбелях, я постигал воинскую науку. Меч, лук, самострел, защита и нападение с щитом...

– Может, тебя пожалеть?

Азарь усмехнулся.

– Себя пожалей, преподобный. В смутные времена тебе достались Храмовые скалы.

Они прошли в просторное помещение с витыми позолоченными колоннами и такой же позолоченной лепниной. На стенах и потолках разные деяния святых отцов церкви. Вот Игемон Лунглисский побеждает копьём змея, вот Аарон Рыжебородый приводит в лоно церкви язычников Бараа-Тору, а вот и всем известный подвиг Селига Блаженного, когда он в одиночку с одним крестом вышел против людоедов-варваров, напавших на храм в Сатхаир Арде.

В помещении рядами стояли лавки со спинками, обращённые «лицом» к округлой мраморной балюстраде. По углам покоились высокие кованые подсвечники, на стенах висели каганцы, кое-где стяги с косыми крестами, заключёнными в круг.

Подчинившись жесту Илии, Азарь прошёл в первые ряды и облокотился на балюстраду. Снизу он видел просторный

двор. Прямые белые линии чертили прямиком на каменном полу строгие геометрические фигуры. По бокам на двор наступали часовни, монашеские кельи и другие каменные постройки, о назначении которых ересиарх не имел ни малейшего понятия.

– Здесь высшее духовенство Храмовых скал и отцы-настоятели семинарии принимают экзамен у тех, кого потом всю оставшуюся жизнь будут называть рытником, – охотно пояснил Илия. Он вальяжно сел рядом с ересиархом и закинул ногу на ногу.

Внизу собирались люди в островерхих капюшонах. Они заходили нестройным шагом, толпой, а потом рассредоточивались по квадратам и треугольникам, подчиняясь странной, лишь им понятной закономерности.

Один рытник остался в центре, когда все остальные уже заняли свои места. И когда он сбросил с лица капюшон, Азарь до боли вцепился в поручень балюстрады.

Это был Гааталия.

– Здесь же, – между тем невозмутимо продолжал голос Синода, – отступники предстают перед судом тех, кого они предали. Если это рытник, то и судить будут его братья. По их обычаю.

По вискам Азаря скатился пот.

Гааталия стоял посреди толпы, в которой сейчас находилось никак не меньше сорока цепных псов Храмовых скал. Ученик Азаря держался прямо и хмуро смотрел на братьев

по цеху. Он что-то сказал им – ересиарх не смог расслышать что – и рытники кинулись в бой.

Илия с кривой улыбкой победителя следил, как последняя краска спадает с лица надменного ересиарха. Как его рот раскрывается в беззвучном крике, а потом он стискивает зубы. Как в бессильной ярости сжимаются кулаки. На скулах твердеют желваки.

Азарь не видел, что за его спиной собрался уже весь Синод. Вцепившись в поручень, он боялся оторвать взгляд от Гааталии.

Рытники нападали на него то вместе, то поодиночке. Отступник дрался, сыпля ударами по всем направлениям. В ход шло не только боевое искусство рытников, но всё, чему Гааталия учился с младенчества. Вспомнилось его увлечение кулачным боем, потешные бои. Вспоминалось всё, что он знал о своих братьях и их слабых сторонах. Гааталия падал ниц, делал подсечки и обманные финты. От иных его ударов храмовники разлетались, точно палки для игры в «городки». Ногой он бил одного, а рукой отбивался от другого. От невероятной скорости некоторые движения казались смазанными.

Короткие вспышки белых лучей слепили глаза. Азарю никогда бы не пришло в голову, что их, оказывается, можно блокировать. Гааталия выставлял перед собой куполообразный щит, о который разбивались магические атаки его противников. Но, судя по всему, долго держать его было невоз-

можно. Поскольку, отразив одну магическую атаку, отступник тут же сворачивал щит и выдавал несколько коротких вспышек в разные направления.

В какой-то момент отверженному рытнику удалось вырваться из окружения и встать спиной к стене. Теперь все его противники находились спереди и частично с боков. Перебегая из стороны в сторону, воин гонял за собой толпу рытников, как в детских салках.

Азарь видел, как на самом пределе своих возможностей, Гааталия выставял левой рукой щит, правой бил в кого-то лучом и тут же пинком в грудь опрокидывал на спину кого-то из храмовников.

– Ты ответишь мне за это, Илия, – сквозь зубы процедил Азарь.

– Смотри, сударь мой ересиарх, – хмыкнул между тем голос Синода. – Смотри. Это ты привёл его в Храмовые скалы. А ведь он мог сейчас мирно сеять хлеб где-нибудь в предместьях Тигарьска.

Тем временем храмовникам снова удалось оттеснить Гааталию от стены и окружить. Фигура отступника исчезла от взглядов зрителей за спинами его палачей.

– Останови это! – заорал Азарь. – Что тебе надо, мать твою? Я ведь согласился на все твои условия! Что тебе ещё надо? Говори, проклятый святоша!

Ересиарх бросился на Илию, но его ловко перехватили два дюжих молодца. Один с перевязанным лицом. Рана была

совсем свежая – сегодняшняя. Азаря угостили несколькими увесистыми тумачами и бросили на балюстраду. Узник сцепил зубы и зарычал. Храмовники держали его руки за спиной, не давая пошевелиться.

Внезапно камень на дворе задымился, по нему пошли концентрические круги из того места, где оставался Гааталия. Даже в смотровой ложе, где находился Азарь и члены Синода, сильно ощущалась вибрация. Круги становились всё плотнее, а потом под ногами рытников точно взорвался огромный золотистый блин. Он разошёлся от центра и погас у самых стен. Те рытники, что находились в задних рядах, оказались отброшены на двадцать локтей назад. У первых же рядов по щиколотку начисто срезало ноги. Покалеченные рытники безмолвно повалились в лужи собственной крови.

Из центра кровавого круга медленно поднялся Гааталия. Его балахон был изодран в клочья. Левое плечо сожжено до кости. Лицо распухло и превратилось в один сплошной синяк.

Уцелевшие рытники оттащивали раненых товарищей. Гааталия истошно заорал и прижал правую руку к груди. Отступник оказался в центре бушующего белого вихря, закручивающегося так, что образовывалось некое подобие сферы. Вокруг сферы крест-накрест вращались вокруг своей оси два белёсых световых кольца.

Азаря бросило в жар – да это же сам символ Храмовых скал во плоти.

Гааталия резко сел на одно колено, сфера исчезла, а диски сорвались со своих мест и полетели один вперёд, второй назад. Храмовники попытались блокировать их, но диски разрезали напополам несколько рытников, разнесли часовню и ещё одну каменную постройку, на поверку оказавшуюся амбаром.

Настала очередь Синода побелеть. С мест повскакивали даже отцы-настоятели рытников и тут же принялись удивлённо перешёптываться и указывать на Гааталию. Илия вцепился в балюстраду и не менее ошарашенно, чем все остальные, включая Азаря, смотрел вниз.

Отлучённый от церкви и приговорённый к смерти рытник прихрамывая пошёл вперёд. Правой рукой он поддерживал левую. Псы Храма, к которым он шёл, осенили себя священным знаменiem и попятились.

Но остальные ударили в спину всей совокупной мощью своей магии.

Азарь видел, как лопается кожа на спине его ученика, как обращаются углями его мышцы и сухожилия. Гааталия упал. Но в следующее же мгновение упёрся здоровой рукой в каменный пол и попытался подняться.

– Ты отобрал у меня лучшего рытника за всю историю Храмовых скал, – поражённо вымолвил Илия.

Тарахтя железной повозкой, на ристалище вышли пятеро храмовых служек. Они привезли камни. Уцелевшие рытники подошли к кузову и каждый нагрёб себе охапку. Когда они

обернулись, искалеченный Гааталия уже поднялся на одно колено.

Полетел первый камень. Он пришёл в здоровое плечо. Отступник пошатнулся, но упёрся правой рукой в колено. Ещё десяток камней пришлось как раз по голым костям его спины. Гааталия истошно заорал, но нашёл в себе силы стать прямо.

Азаря трясло. Его ученик, лучший из лучших и самый верный, погибал на его глазах не в честном бою, какого был достоин, его забивали камнями, как бешеную дворнягу.

Гааталие долго удавалось оставаться на ногах. Он не упал даже, когда ему первый раз прилетело в голову. Но в конце концов и его силы оказались небеспредельны. Храмовники продолжали забрасывать *предателя*, даже когда рытник упал, как подкошенный.

Когда на останки некогда сильнейшего рытника было тошно смотреть, один из воинов с островерхими капюшонами подошёл ближе, произвёл какие-то манипуляции с телом, а потом посмотрел на Илию и подал тому знак, скрестив руки перед лицом.

– Вот так, сударь мой ересиарх, – задумчиво проговорил преподобный. – Вот так.

Потом он подал знак державшим Азаря храмовникам и пошёл вперёд. Те подобрались и потащили узника следом.

Его вернули в пыточную. Здесь всё изменилось. Стены, пол и потолок снова покрывали символы: пента-, гекса- и

октограммы. Азаря приковали к его излюбленному креслу с механизмом для дробления костей.

Перед ним за столы расселся весь Синод в полном составе. За спиной деловито раскладывали инструменты спекуляторы.

Двое подпалачиков от души начали бить ересиарха. Когда закончили, лицо Азаря распухло, из носа, рта и ушей сочилась кровь, а рот почти не закрывался.

Илия сложил руки в замок и заговорил.

– Следствие по твоему делу, Азарь, подошло к концу. Учитывая всё, что ты тут устроил, высший и непогрешимый суд Горнего принял решение судить тебя немедленно, пока ты ещё чего-нибудь не натворил. Хоть ты и признал все свои прегрешения, это не может считаться смягчающим обстоятельством, поскольку ты не раскаялся ни на йоту. Более того, ты виновен в том кошмаре, который свалился сегодня на Храмовые скалы.

Азарь надрывно засмеялся и получил несколько ударов в голову. Он сплюнул кровь и произнёс:

– Нет, это вы виновны в этом... вы... прита... вы притащили меня сюда.

– Время разговоров закончено, Азарь.

Илия дал подпалачикам отмашку, и они снова принялись бить ересиарха. Били долго, растягивая удовольствие. Потом голос Синода так же – жестом остановил избиение.

– Поэтому, – невозмутимо продолжал он, глядя в глаза

узнику, – завтра в полдень ересиарх по имени Азарь будет сожжён в очистительном пламени принародно. Но сначала он простоит несколько часов у позорного столба, чтобы всяк желающий мог ударить его или плюнуть. Но и это ещё не всё. Часть своего наказания ты начнёшь отбывать прямо сейчас.

По команде преподобного подпалачики принялись поворачивать вентили на руках и ногах ересиарха. Азарь застонал. В это время сзади спекуляторы прижигали его раскалённым добела железом.

Азарь не смог сдержать крика и забился в истерике.

Палачи остановились. Азарь безумно рычал, как раненый зверь. Низкий узкоплечий подпалачик разорвал на нём балахон, второй прижёг под левой ключицей раскалённым клеймом. Ересиарх снова заорал. Раздался запах палёной кожи. Когда заплечных дел мастер убрал клеймо, на его месте окутанный дымом сиял символ Храмовых скал – крест, заключённый в круг.

Азаря освободили из кресла. Безвольным мешком он скатился и упал на октограмму, усыпанную символами, от одного вида которых страх пробирал до нутра. Ересиарх всё ещё находился в сознании. Он судорожно дышал и временами конвульсивно подёргивался.

Кто-то из спекуляторов пнул его под рёбра. Азарь медленно согнулся пополам, но его тут же оторвали от пола и поставили на колени. Чтобы узник не упал, его держали под руки.

Азарю хватило сил поднять голову и посмотреть на Си-

нод.

– В чём дело, Илия? Я согласился на все условия, отправил всех чудищ назад так быстро, как только смог! Чего тебе ещё надо?

– Правосудия, – жёстко произнёс Илия.

Ересиарха растянули на дыбе-ложе – деревянном столе на ножках, к которому кандалами пристегнули руки и ноги узника. Справа стоял небольшой вертикальный барабан, как у речных мельниц. Спекулятор начал его медленно прокручивать.

Руки и ноги ересиарха медленно поползли в противоположные стороны. Все его жилы и мускулы натянулись. Азарь сцепил зубы. Сверху навели некое подобие «журавля», какой обычно стоял в неревских племенах у колодца. Только у этого приспособления сверху была стальная воронка, через которую на узника тонкой струйкой полилось раскалённое масло.

Азарь ворочался и шипел.

– О каких условиях идёт речь? – как бы между делом поинтересовался Захария. Его маленькие глазки неотрывно следили за пыткой. Иногда он облизывал губы.

– Всё о тех же, – пожал плечами отец Илия, – он выдаёт нам своих поделльников, раскаивается в грехах, а мы сохраняем ему жизнь и даём шанс искупить. На рудниках, например, или чернью в самих Храмовых скалах. Но какие сделки могут быть после сегодняшнего? – Илия медленно повер-

нулся и многозначительно посмотрел в глаза святому отцу. Захария поспешно отвернулся.

Между тем Азаря продолжали растягивать. Натяжение дошло до того предела, когда узник не мог пошевелиться даже совсем чуть-чуть без риска разорвать себе связки и сухожилия. Сверху капало масло. Подпалачики ножами вырезали на боках Азаря какие-то символы.

Ересиарх уже не мог кричать – его лёгкие хватил спазм, и раздавались только конвульсивные хрипы. Глаза закатились.

Спекуляторы ослабили давление. Самый высокий в кожаном фартуке и такой же кожаной маске подошёл к разложенному и двумя пальцами обследовал грудь. А потом с размаху всадил в неё серебряную трубку.

Азарь резко вздохнул и принялся судорожно хватать ртом воздух, будто едва не задохнулся.

Ему дали время, прежде чем пытка повторилась. Воронку с маслом убрали, и на какое-то время по животу и груди Азаря разгулялся простой пастуший хлыст, но его быстро сменила двенадцатихвостая ламия с заострёнными крючками на концах. После каждого удара крюки разрывали плоть ересиарха и целыми кусками вырывали кожу с мясом. Механизм дыбы продолжал вытягивать конечности узника до разрывов мышц и связок, до вырывания из сустава.

Нечеловеческий крик резал уши.

Подали позднюю вечерю, и Священный Синод приступил к трапезе.

Между тем ересиарха отвязали и пристегнули к жаровне. Подпалачики вполголоса переговаривались и смеялись, раздувая мехами огонь под железной решёткой. Запахло палёной кожей.

Азарь больше не мог кричать, из его лёгких только раздавались слабые стоны и хрипы.

Члены Синода внимательно следили за пыткой, то и дело что-то записывая на тонких листах пергамента. Между делом они успевали говорить о насущных делах и планах на ближайшее будущее. Главным вопросом, конечно, был – как разбираться с последствиями нападения Безумного рива.

Илия слушал их вполуха и мрачно думал о чём-то своём.

Потянуло приятным запахом жареного мяса.

– Довольно! – приказал голос Синода.

Азаря сняли с решётки и вновь привязали к креслу. Голова безжизненно болталась на груди, руки и ноги висели, как плети. Кажется, ересиарх был без сознания. Его окатили из ведра холодной водой, но это не помогло.

В дело вступили рытники. Они окурили узника травами и несколько раз прошлись острой иглой по одним им ведомым точкам на кончиках пальцев, бороде, носе, межбровье и темени.

Азарь медленно открыл глаза.

– С возвращением! – желчно поздоровался Илия.

Азаря качало, он не проронил ни слова. Затуманенный взгляд смотрел в переносицу преподобного. И было в этом

взгляде что-то, что заставило Илию подавиться вином.

Откашлявшись в кулак, голос Синода заговорил.

– Что ж, сударь мой ересиарх, – Илия сплёл пальцы между собой и положил на них голову, – как мы все давно заметили, вы отличаетесь прекрасным лицом. Наверняка в миру у вас не было отбоя от девиц. Что ж, Священный Синод хочет так же отдать дань вашему прекрасному лику и познакомить с нашей «девой». – Илия сделал ударение на слове «нашей».

Ересиарха затолкали в саркофаг в виде женщины. Внутренние стенки «девы» были утыканы шипами разной длины и окружности. Шипы располагались таким образом, чтобы не задеть жизненно важных органов пытаемого, однако причинить максимальные страдания.

Когда закрывалась крышка, изнутри донёсся глухой стон.

Азаря пытали ещё несколько часов. Четыре раза он лишился сознания, и всякий раз рытникам удавалось привести его в чувства, и пытки продолжались. К утру, когда члены Великого Синода окончательно утомились, для Азаря всё закончилось.

Храмовники стали медленно покидать пыточную.

Ересиарх свободно лежал на дыбе без сил.

Когда остались только спекуляторы и Илия, голос Синода потребовал, чтобы их с приговорённым ненадолго оставили наедине. Как только за палачами закрылась дверь, Илия поспешил к ересиарху и убедился, что тот находится без сознания. Тогда он достал из-за пазухи небольшой свёрток и ку-

сочек мела.

Свёрток лёг рядом с Азарем – дожидаться своего часа, а мелом Илия поверх старых символов и гексаграмм принялся чертить новые.

...Когда утреннее солнце оказалось между рассветом и полуднем, рытники выволокли на площадь перед главным храмом обезображенное, почти бесчувственное тело. Его привязали к столбу, установленному здесь ещё в то время, когда только начиналась пытка ересиарха.

Никто не узнал бы в этом искалеченном человеке того заносчивого типа, чьё появление так взволновало всех в Храмовых скалах. Особенно впечатлительных молодых монахинь. Его лицо представляло сплошное кровавое месиво. Остатки одежды пропитались кровью и вместе с коркой и сукровицей прилипли к ранам. Человек не мог стоять из-за переломанных ног и разорванных сухожилий, поэтому его пришлось накрепко привязать к столбу.

С самого появления смертника у столба к лобному месту начал стекаться народ. Одни шли плюнуть ему в глаза и призвать на его голову все муки дедеровой кузницы. Другие шли бросить в проклятого еретика комок грязи или мелкий камень. Иные же просто поглазеть.

К человеку были приставлены двое рытников, в обязанность которым вменялось следить, чтобы храмовники не убили его раньше времени.

Ровно в полдень к народу вышел Илия. Он поднял руки

вверх, а потом поклонился.

– Братья и сестры! – разнеслось над лобным местом. – Вчерашний день запомнится нам днём великой скорби! Мы потеряли многих близких, а некоторые даже родных. Ничто и никогда не вернёт нам их, не уймёт горечь утраты! Но мы отнюдь не должны их жалеть! Не смейте этого делать, говорю я вам! Все павшие, без исключения, отныне и присно будут пировать за одним столом с самим Господом в хлябях небесных. Ибо пали они смертью мучеников от руки тьмы! Они не покорились ей, больше того, они отстояли наш с вами Великий Храм! Это на их костях и крови будет стоять и дальше величие единственно истинной веры! Сегодня я объявляю день скорби и поминовения. Но прежде, чем мы смиренно предадимся предстоящим делам; прежде, чем окончательно наденем траур, мы должны закончить одно важное дело! – Илия указал пальцем на ересиарха. – Вы видите его? Видите это существо, которое по недомыслию называлось когда-то человеком? О нет, пусть его бранный облик не обманет слабых духом! Мы должны видеть в нём руку тьмы, что привела сюда – в Великий Храм всех этих богопротивных существ! Он сознался во всех своих злодеяниях и будет сожжён сейчас здесь на ваших глазах. И пусть это очистительное пламя послужит для вас хоть мизерным утешением. Гордитесь, братья, ибо сегодня мы, хоть и уплатив непомерную цену, но избавляем наш Горний от этого величайшего из преступников!

Толпа загудела и хлынула к ересиарху. Однако рытники сумели быстро усмирить их и отбросить на значительное расстояние.

Из главного храма вышло трое спекуляторов с зажжёнными факелами. Они трижды обошли ересиарха кругом, а потом подожгли хворост под его ногами. Раздался крик и чудовищные стенания. Они тут же потонули в шуме ликующей толпы.

Проклятый ересиарх горел.

Арей

Арей по прозвищу Элефант проснулся в своей избе и поначалу даже не понял, где он. Его невероятно штормило, голова шла кругом, и временами накатывали позывы рвоты. Потребовалось много времени только для того, чтобы сосредоточить зрение на покрытом копотью потолке и осознать своё положение. Слух Арея был чрезвычайно остр в тот миг. Он слышал собственное хриплое дыхание и возмущенно стучавшую в висках кровь. Когда мужик моргал, ему даже показалось, что он слышит, как скрипят его веки.

Кругом царил беспорядок. У полатей, на столе, под столом среди грязной и битой посуды валялось безобразное тряпье. Элефант никогда бы не смог вспомнить, чьи это вещи. На деревянном полу кусками лежала глина.

Арей выругался и кое-как сел, отчего пьяницу сильно по-

вело в сторону. Но чудовищная, просто дедеровская жажда, которая и отняла его от сладостного забытья, была сильнее дурноты. Элефант точно помнил, что где-то в сених должна стоять бочка с колодезной водой. Наверняка, со вчерашнего там что-то да осталось. Когда Арей почти уже встал, кто-то заботливо подал ему полную ладью холодной воды.

Разбираться, кто это, было некогда. Мужик трясущимися руками схватил ладью и принялся пить. Пил до тех пор, пока не осушил её полностью. Но когда он отставил посудину и взглянул на того, кто её подал, затрясло ещё больше.

Незнакомец был ростом под потолок, и это притом, что он сидел. Сидел, закинув одну тощую ногу на другую и положив затянутые в перчатки руки на колени. Серый долгополый кафтан был застёгнут по самый воротник, из-под которого выглядывал красный вязаный шарф, скрывавший половину лица. На глаза была надвинута соломенная шляпа.

– Здравствуй, Арей, – вкрадчиво произнёс незнакомец. – Тяжко с перепоя?

– Бывало и хуже, – буркнул Элефант. Он исподлобья глядел на загадочное существо пустым мутным взглядом.

– Я смотрю, мой вид не слишком пугает тебя. Видно, ты и впрямь куда как храбр. Иные, впервые встречаясь со мной, мочились в штаны и заикались от крупной дрожи.

– Срать я на тебя хотел, – проревел Арей. Пьянчуга всё ещё смотрел в глаза непрошеному гостю, и от него не укрылось, как на короткое мгновение вполне человеческие зрач-

ки незнакомца разделились на два вертикальных.

Не в силах терпеть больше головную боль, Элефант снова лёг и положил руку на лоб.

– Чего пришёл? – прохрипел он.

– Не надоело корчить из себя кусок дерьма? – в свою очередь сказал пришелец. – Престало ли тебе – Арею Элефанту, избороздившему мир от Мошуарских островов до Михды, гнить в этой лачуге и заливать глотку дешёвым пойлом? Про твою удачу и ныне ходят легенды. В самых разных уголках Горнего можно встретить человека, слыхавшего об Арее Элефанте. Ты ведь сидел за одним столом с халифом Саахада, а конунг Сатхаир Арда называл тебя своим братом.

– Заткнись, мать твою за ногу! – поморщился Арей. – Получше тебя всё это знаю. Или говори напрямик, или проваливай на хрен!

– Что ж, будь по-твоему, – хмыкнул незнакомец и положил на стол два меча-акинака. Они были очень старыми, с затёртыми кожаными рукоятями и тусклыми клинками. Слегка удлинённые – на два пальца – ручки свидетельствовали, что мечи предназначались для боя одного против многих, чтобы было удобно вращать клинки и при надобности быстро передавать из руки в руку. На огниве, сплетаясь между собой, бежали различные варианты знака волка. Всё указывало на то, что мечи когда-то принадлежали лютичу.

Но о представителях этого племени уже несколько веков ничего не было слышно. Народ считался вымершим. Их пря-

мые потомки – ривы, изменили волчий знак на рысь и взяли на вооружение обычные неревские мечи с короткой рукоятью, дугообразным огнивом и удлинённым клинком. Мечи-акинаки лютичей кое-где ещё можно было купить по знакомству, но наткнуться на пару – большая удача. Каким-то образом народ волкодлаков умудрился прихватить с собой в небытие и своё оружие.

Рассматривая клинки, Арей приподнялся и беззвучно шевелил губами. В глазах горел странный, таинственный огонёк, которого у пьянчуги ещё никто и никогда не видел.

– Мне нужно, чтобы ты взял эти мечи и, наконец, покорился предназначению, от которого всю жизнь бежал, – медленно произнесло существо. Затянутые в перчатки ладони сжались в кулаки. – Своих предков нужно чтить, а ты спустил их наследие в выгребную яму. Твои великие деды, Арей, наверняка сгорают от стыда в прекрасных чертогах. Уж они не опускались до пьянок со всякой швалью. Ты возьмишь мечи и отправишься на восток за Арапейское нагорье. Придёшь туда и объединишь разрозненные ватаги пёсеглавцев в один народ. Я хочу, чтобы они вспомнили, чьими потомками являются!

– Ривы тоже потомки лютичей, – безразлично заметил Элефант, – причём более близкие. И живут совсем неподалёку, зачем гнать меня чёрт-те куда?

– Это не твоего ума дело! – фыркнуло создание, и его зрачки на короткое время снова раздвоились.

– Это не деловой разговор, – страдальчески щурясь, заметил Арей. Он всё ещё лежал и держал голову обеими руками, словно она вот-вот грозила свалиться. – Вы мне на хрен не нужны, вам нужен я. Так что или мы говорим, как взрослые... гм... в общем, как взрослый и серьёзный человек и незнамо кто, или проваливай на хрен.

– Ошибаешься, – прорычал незнакомец, – мы-то тебе нужны гораздо больше. Ривы, – гость снова фыркнул и после некоторого молчания произнёс терпеливо, как для ребёнка: – почти сформировавшийся самостоятельный народ, занявший своё особенное место в мироустройстве Горнего. Их признают, у них есть свои ремёсла, некоторые довольно неповторимые. Ведь тебе известно, что вырники Храмовых скал до сих пор не могут сравниться с ривами в ремесле истребления чудовищ. На чём ривы неплохо зарабатывают. Их жизнь, возможно, и не хороша, но она стабильна и размеренна; ривам нет смысла что-то менять – они себя нашли. Чего нельзя сказать о пёсеглавцах. Мало того, что им не удалось сохранить человеческий облик, так ещё пришлось долгое время скитаться и прятаться от людей, пока, наконец, не появились их знаменитые боевые ватаги. А после того как ривы и вырники начали охотиться на них, как на монстров, несчастные были вынуждены уйти далеко за Арапейское нагорье. Пёсеглавцы оказались словно выброшены из общечеловеческой мировой сферы. Местности, на коих они живут, не пригодны ни для животноводства, ни для земледе-

лия. Они просто вынуждены хватать крохи с огромного стола всех остальных народов. Им нечего терять, поэтому нам нужны именно пёсглавцы. И лучше тебя их не объединит никто.

– Потому что я последний...

– Да, именно поэтому.

– Хорошо, – тихо проговорил Арей Элефант, – допустим, я это сделаю... что взамен?

Пьяница сам не знал почему, но ему вдруг показалось, что существо улыбнулось.

– Ты всё-таки не утратил купеческой хватки, Арей Элефант. Это прекрасно. Потому как для того чтобы объединить разбойничье племя, тебе потребуется всё красноречие и умение всучить покупателю товар, даже если тому он не нужен...

– Ну так, что взамен?

– А взамен, друг мой, – существо сделало эффектную паузу, а потом резко произнесло: – мы вернём тебе семью.

Арей резко сел и, чтобы не упасть, быстро ухватился за края полатей.

– Бреешь!

– Нет, Арей, мы не обманываем, мы не жрецы Храмовых скал. Мы заключаем сделку. И если наш товарищ точно исполняет свои обязанности, мы выполняем свои. Точно. Не верь глупым сказкам, что говорят, будто мы извращаем обещанное. Ну и, в конце концов, когда ты закончишь дело, на-

род пёсглавцев будет страшной силой, ты всегда сможешь обратить его против нас.

– Против вас? Кто же вы?

Зрачки существа вновь стали раздвоенными и вертикальными, только на этот раз незнакомец оставил всё как есть. А потом, чеканя каждое слово, он произнёс:

– Я есть князь мира сего, имя мне Легион.

Арея бил озноб. Он уже не чувствовал похмелья, он вообще ничего не чувствовал. Медленно, точно во сне, он приблизился к столу и взял в руки меч. Кончиком ногтя провёл по лезвию.

– Недавно заточен...

– Последний раз точильный камень касался клинка шестьсот лет назад, – уточнило существо. – Когда-то эти мечи принадлежали некому лютичу по имени Волк...

– Тому самому Волку?

– Да! Тому самому Волку, что в одиночку вышел против борина. Тому самому Волку, про которого сложена дурацкая слезливая баллада о его любви к заморской чародейке. Трудно было отыскать эти мечи, но тебе могли подойти только они. Легендарные клинки для легендарного человека.

Арей снова попробовал остроту клинка и подушечкой большого пальца скользнул по символам на огниве.

– Я согласен, – кивнул он.

Глава 10

Работа в Храмовых скалах велась чуть не круглыми сутками. Полных четыре дня ушло только на то, чтобы избавиться от трупов чудовищ и похоронить павших товарищей. Большинство построек и зданий нуждалось в реконструкции или возведении с чистого листа.

В Великом Храме был объявлен траур, по случаю которого всем паломникам и прихожанам временно отказали в приёме. Каждый вечер после тяжкого труда священнослужители всех рангов вместе с чернью собирались в часовнях и церквях храмового хребта, чтобы отслужить молебен. Одни церкви служили за упокой, другие – сорокоуст, третьи – поминания усопших. Все зеркала острова скрывались под шторами, полотенцами и прочей тканью.

Синод тоже работал почти без продыху. Слишком много неотложных вопросов требовалось решить. Слишком многим найти новый кров. А на носу наступали холода. Студёные ветры всё чаще завывали над пиками скал и меж хребтами. Кроме того, многие амбары и склады, включая продовольственные, были разрушены или разграблены. Поэтому Священный Синод поспешно издал вынужденный указ об увеличении церковной десятины для всего правоверного мира. Святые отцы искренне надеялись, убеждая друг друга и себя, что это мера вынужденная и в следующем году будет

отменена. Но слова святейшего Захарии, как бы небрежно обронённые им во время заседания, подтачивали душу не хуже червя. А сказал он ни много ни мало следующее: *«Нет ничего более постоянного, чем временное»*.

Кроме работы Илие не давали спать мысли. После появления в Храмовых скалах ересиарха и кровавого нападения Безумного рива, что-то в жителях острова неуловимо изменилось. Вчера ещё смиренные послухи сегодня возводили хулу на самого Азаря и иже с ним. Многие вдруг стали нервными и раздражительными. Теперь отцам-наставителям приходилось тратить усилия больше обычного, чтобы привести учеников к должному смирению и послушанию. По ночам то и дело с криком просыпались монашки. Плохо спали и дети, в основном принадлежащие к черни.

Однажды, возвращаясь с заседания к себе в светёлку, Илия застал под дверью семерых рытников. Тех самых, которые разбили войско рива. Рытники казались уставшими и осунувшимися. Каждый был мрачнее тучи.

Илия поздоровался с ними и спешно отпер ключом двери светёлки. Когда все семеро вошли, голос Синода запер за ними дверь снова на ключ – чтоб никто не помешал.

Сев в кресло, Илия облокотился на серое сукно стола и обвёл присутствующих хмурым взглядом.

– Поздорову вам, господа. Сдаётся мне, вести у вас не ахти какие... Что ещё случилось?

Рытники переглянулись. Заговорил первый. Он скинул

капюшон со скуластого жёсткого лица и подался чуть вперёд.

– И тебе здравствовать, святой отче! – остальные молча поклонились в пояс. – Дело мы к тебе имеем... необычное...

– Да чего уж, – махнул рукой второй. Он был ниже и худее. – Греховное дело, сказать прямо.

Илия удивлённо поднял брови и навалился на локтях вперёд.

– Слушаю, милостивые государи.

Однако рытники мялись, как мальчишки, и не смели вымолвить ни слова. Наконец, первый решился.

– Мы хотим просить у Священного Синода смерти. Но сначала решили прийти именно к тебе.

Глаза преподобного полезли на лоб. От неожиданности Илия аж привстал.

– Я не ослышался, милостивые государи?

– Мы согласны на любую смерть, угодную Священному Синоду, – развёл руками четвёртый. – Хоть предстать перед судом братьев, как Гааталия, хоть на костёр, как ересиарх, хоть под пытки и кнуты спекуляторов.

Илия снова сел и взялся за голову.

– Воистину смутные времена настали, прав был ересиарх, – отрицательно покрутив головой, точно не желая верить своим ушам, вымолвил святой отец. – Уж если семеро наших лучших воинов, наша надежда и опора пожелали себе смерти...

– Дозволено ли будет объяснить, святой отец? – мрачно

поинтересовался первый.

– Да уж постарайтесь.

Рытники переглянулись.

– Я скажу, раз уж начал, – обронил первый, а остальные закивали. – Седмицу назад нам пришлось пить кровь наших братьев и сестёр. Нам в кожу втирали их прах. Их мучили, истязали и убивали на наших глазах, чтобы отдать нам их силу и жизнь. Ты бы хотел жить после этого, святой отче?

Илия опустил голову и крепко задумался. Он молчал. Молчали и рытники, терпеливо дожидаясь решения. Потом преподобный медленно, подбирая слова, заговорил.

– Понял я вас, мужики. Тяжкое бремя выпало на вашу долю, но дело непростое. Обмозговать надобно... Да и в жизни вашей я не властен. Вот какмы поступим. Я освобождаю вас на время от всех обязанностей. Отдохните, ребята, в грехах покайтесь, на исповедь сходите, перед алтарями постоит. А я подумаю над вашей бедой.

– Только думай скорее, отче, – хмуро вымолвил самый высокий из всех.

Илия задумчиво покивал и отпустил всех семерых с миром. Как только за ними закрылась дверь, преподобный отец глубоко вздохнул и, заложив руки за спину, подошёл к окну. Его хмурый взгляд скользил по низким осенним тучам, кое-где касавшимся острых шпилей Храмовых скал.

Но побыть наедине со своими мыслями ему не дали.

В дверь осторожно постучали. Илия разрешил войти, и

пред ним предстали двое. Один долговязый и худой, а второй, как водится, низкий и пузатый. Оба в простых домотканых рясах с капюшонами. Пузатый держал под мышкой внушительную стопку пергамента.

Илия вернулся за стол и сложил ладони в замок. На его вопрос, с чем пожаловали, толстяк положил на стол пергамент, а длинный медленно произнёс.

– Смиранные рабы Господа Генрикс и Якуб хотят предложить на суд святому отцу наш десятилетний труд.

Илия взял в руки пергамент и вслух прочёл:

– *Malleus Maleficarum*. Молот ведьм? Это что?

– Это лекарство, – вкрадчиво произнёс тощий монах (Илия про себя решил, что это Генрикс). – Мир поразила чума.

– Ведьмы? – иронично поинтересовался голос Синода.

– Ведьмы! – нимало не смутившись, выпалил Якуб. – И ведьмаки, конечно. Мы считаем этот труд необходимым и злободневным.

– Святой отец, – вновь заговорил Генрикс, – как-то не принято у нас говорить о том, что произошло, как будто и не было ничего. Только хмурые все и злые ходим... Но истина такова, что многие праведные и даже святые люди погибли от рук злобных тварей. В этом есть частица и нашей вины, святой отец.

– Нашей? – брови Илии полезли на лоб.

– С вашего позволения, *нашей*, святой отец, – твёрдо под-

твердил Якуб.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Илия.

– Мы с братом Якубом уверены, – начал тощий (и преподобный голос Синода едва заметно крякнул от самодовольства – угадал, кто есть кто), – мы считаем, что церковь проглядела такое поистине величайшее собрание нечисти.

– Ну, то есть, – поддержал друга Якуб, – они же не сразу откуда-то взялись в таком количестве. Стало быть, где-то собирались, как-то добирались до места сбора.

– И кто-то всё это дело координировал, – добавил Генрикс.

– Ну, положим, кто всё это координировал ясно и так. Что вы предлагаете, братья? И как эта книжка, – Илия ткнул указательным пальцем в исписанный пергамент, – нам поможет?

– Мы предлагаем выжечь калёным железом самое зерно ереси и колдовства, – глядя прямо в глаза преподобному, вымолвил Генрикс. – Мы предлагаем Священному Синоду, в вашем лице, преподобный отец Илия, посмотреть правде в глаза и покориться неизбежному.

– Мы предлагаем ввести во всех государствах правоверного Горнего святую инквизицию, – пояснил пузатый Якуб. Илия молчал, предоставив говорить святым братьям. Но взгляд его не предвещал ничего хорошего.

– Нет никакого сомнения, – тем временем продолжал Генрикс, – что во всех переправах и сношениях с нечистым

Безумному риву помогали ведьмы и колдуны. Да и сами ривы, по чести сказать, – он положил руку на сердце, – недалеко от малефиков, сиречь зловредителей и колдователей ушли.

– Поэтому мы считаем необходимым, – продолжал толстяк, – и единственно верным в сложившихся условиях, начать борьбу с ересью и колдовством самыми жёсткими методами. Время разговоров кончилось. Они первые начали эту войну, и мы обязаны дать им достойный ответ.

– А книга наша, – вернулся к предмету разговора длинный, – руководство для всех священнослужителей, мирян и даже будущих инквизиторов по поиску малефиков и порядку проведения судов над ними. А также содержит в себе наиболее полный и точный перечень всех самых распространённых малефиций.

– Сиречь злодеяний, – пояснил Якуб.

– Вы понимаете, что предлагаете довольно радикальные меры? – осторожно поинтересовался Илия.

Святые братья кивнули.

– А что вы думаете на тот счёт, что в деревнях, например, жители лечатся у оных малефиков? Известно ли вам, что мелкому ведовству и гаданиям с малолетства матери учат своих дочерей? Прекрасно зная, как церковь относится к подобным деяниям.

– В нашей книге содержится исчерпывающее объяснение, почему ведьм терпеть нельзя, и прилагается список их злодеяний. Нужно лишь просветить народы на сей счёт.

– Кроме того, – хитро прищурился Якуб, – имущество тех, кто будет признан в колдовстве и злодеяниях, должно быть списано в пользу церкви. Для уменьшения его вины перед Богом, конечно же. И десятую часть от одного имущества отдать тому, кто выдал малефика. Мы уверены, это существенно подстегнёт честных граждан.

– Равно, как и нечестных, – произнёс Илия.

– Вот поэтому, – развёл руки Генрикс, – на подобных процессах должны присутствовать не только инквизиторы, но также органы светской власти, местный епископ, и каждому обвиняемому будет положен адвокат дедера для защиты. Виновные понесут заслуженное наказание только после самого тщательного расследования.

– Ибо зло слишком высоко задрало голову, преподобный отец, – мрачно обронил Якуб.

Илия на некоторое время задумался, а потом медленно заговорил:

– Я благодарю вас, братья, за ваше рвение.

Генрикс и Якуб смиренно поклонились.

– Но прежде, чем дать вам какой-то ответ, я должен подробно изучить ваш труд.

– Мы полагаемся на вашу мудрость, – поклонился Якуб.

Святые братья молча удалились, а Илия смотрел на рукопись так, словно перед ним был клубок из самых отвратительных гадов, каких только способно породить человеческое воображение.

Быстро убрав «Молот ведьм» в ящик стола, голос Синода запер его на ключ и огляделся по сторонам, словно боялся, что кто-то заметит. Потом он осенил себя священным знамением и вышел из кабинета.

В отличие от предыдущего голоса – преподобного отца Элестара, который утопал в делах внутри своей светлицы, почти не покидая её; Илия взял себе за правило больше ходить по Храмовым скалам. Это позволяло держать у себя в руках многие полезные сведения, не прибегая к услугам разного рода прознатчиков и наушников. Кроме того, подчинённые должны видеть своего предводителя. Его дела должны вершиться прямо у них на глазах, и тогда ни у кого не возникнет соблазна оспорить его право на главенство.

Между тем Илия миновал просторную галерею с высокими потолками, испещрёнными фресками. Он шёл, заткнув левую ладонь за пояс, а второй мотая из стороны в сторону. Встречные кланялись ему каждый соответственно своему рангу. Челядь гнула спину чуть не до колен, простые священнослужители в пояс, отцы-настоятели семинарии прижимали руку к сердцу и кланялись на уровень груди. Если встречался кто-то из Синода, то приветствовал преподобного просто кивком головы.

Илия кивал им всем в ответ.

Преподобный отец оставил позади галереи главного храма, площадь перед ним, несколько часовен и третий корпус семинарии. Почти под самыми воротами детинца он

свернул и дошёл до невысокого насыпного холма с квадратной дверью у подножья. Илия вошёл и спустился по широким каменным ступеням. Лестница вилась вокруг кирпичного столба и уходила далеко вниз, почти ниже уровня моря. Вдоль деревянных перил, каждый десять локтей, чуть слышно потрескивали факелы.

Голос Синода прошёл по узкому коридору с низкими потолками, освещаемому тусклыми лампадками. Потом он попал в просторный грот, откуда вело несколько пещер. Нырнув в среднюю, Илия снова спускался вниз.

Теперь мимо него пролетали широкие деревянные двери, проёмы для которых выдалбливались прямо в пещерах. Одни двери заперты накрепко, и за ними можно было услышать что угодно – от монотонного хора молитвословов до звонкого лязга железа.

Некоторые двери широко распахивали свой зев, и в щель прохожий мог видеть людей в серых грубых балахонах и островерхих капюшонах за спиной. В одних помещениях люди сидели за рядами столов и внимали наставлениям седовласого старца у навощённой доски, висевшей на стене или поставленной на треножник, – как в обычной семинарии. В иных отнорках пещеры храмовые послухи проходили полосу препятствий из раскачивающихся из стороны в сторону кожаных мешков с песком, маятников, на концах которых крепились лезвия или дубинки с шипами, и прочим вращающимся реквизитом, который враз мог лишить неосторож-

ного человека жизни. В третьих – голых по пояс мужчин испытывали огнём. В четвёртых учили долго находиться под водой. В пятых пронзали насквозь различным оружием, поучая терпеть боль.

Периодически святому отцу встречались полуобнажённые послухи, строем бегущие куда-то.

Выйдя из пещеры, Илия оказался в просторном каменном тупике, из которого вела одна дверь. С двух сторон от двери стояли крепкие дубовые лавки.

Илия вошёл без стука и громко захлопнул за собой дверь. Трое отцов-настоятелей – Евтифрон, Саддок и Йегахонон – подняли головы. Старцы сидели за незатейливыми дубовыми столами на узких лавках и скрупулёзно что-то писали на тонких листах пергамента. Сама келья отнюдь не была большой, но вмещала в себя три стеллажа с книгами, столы, расставленные покоем¹, увесистый сундук – справа от двери и круглую вешалку для верхней одежды. Под высоким потолком и на стенах висели канделябры со множеством свечей. Кроме того, свечи стояли в подсвечниках прямо на столах и на сундуке.

Отцы-настоятели рытников вопросительно посмотрели на голос Синода.

– Чем заняты, милостивые государи? – без приветствия жёстко поинтересовался Илия.

– Работаем, – коротко ответил Евтифрон.

¹ Аналог русской буквы «П».

Илия сел на край стола и с интересом взглянул на пергамент отца-настоятеля. Тот пододвинул бумаги к голосу Синода и с вызовом подбоченился.

– Почему-то я всегда думал, – Илия задумчиво почесал переносицу, – что отцы-настоятели рытников чему-то учат этих самых рытников.

– На это есть отцы-наставители, – мрачно ответил Садок. – Я думал, святейшему отцу Илие это известно.

– Да, про таких святых братьев я тоже слышал, – покивал Илия. – Тогда зачем, собственно, нужны вы? Какой от вас толк?

– Я что-то не пойму, Илия, – Евтифрон угрожающе встал, – мы чем-то прогневали Священный Синод? Что это за балаган? Кому, как не тебе, знать, в чём состоит наша работа? Ты как-никак семь лет прослужил в нашей канцелярии, пока тебя не перевели в главный храм, а затем в Синод.

– Ты прав, святейший Евтифрон, до определённого дня я тоже пребывал в слепой уверенности, что многое знаю о вашей работе. И даже полагал, что вы не зря вкушаете свой хлеб. Ровно до того дня, когда ересиархов выкормыш показал вашим великим воинам кузькину мать.

– Осмелюсь напомнить, – выпалил Йегахонон, – что наши рытники всё-таки победили.

Илия картинно рассмеялся.

– Пятьдесят воинов Храма кое-как справились с одним приспешником Азаря! Нам очень повезло, государи мои, что

во время набега Безумного рива, Гааталия оставался в темнице. Уж не знаю, отчего ему не удалось оттуда выбраться, боюсь, тогда никакой обряд Ронаха нам бы не помог. Кому из вас хотя бы отдалённо известно, как Гааталия сделал это? – Илия встал и обвёл всех троих тяжёлым взглядом.

Конечно, все понимали, что голос Синода имеет ввиду несколько последних ударов отступника, которые повергли в шок всех без исключения священнослужащих.

– Увы, Гааталия продемонстрировал в ту роковую ночь нечто новое, – честно признался Саддок. – Ни один рытник не обучался подобному и, соответственно, не способен на такое. И Гааталия унёс в могилу секрет своей магии. Но мы разберёмся, Илия.

– Да уж постарайтесь, – хмыкнул преподобный. – На это у вас ровно неделя. Если через седмицу вы не покажете мне как минимум двух рытников, способных на такую магию...

– То, что? – вскинулся Евтифрон.

– То это будет значить, что вы стали слишком стары для этого места.

Илия несколько раз постучал указательным пальцем по столу и вышел. Отцы-настоятели проводили его испепеляющими взглядами.

Глава 11

Илия читал «Молот ведьм» пять дней. Постоянные дела не давали ему толком углубиться в чтение, а книга эта требовала самого тщательного изучения. И когда голос Синода с ней закончил, даже у него на голове волосы встали дыбом от того, сколько глупых домыслов и бредовых суеверий умудрились уместить туда бесноватые Якуб и Генрикс. Разумеется, «Молот» содержал в себе и изрядную долю истины. Как человек, много лет прослуживший в тайной канцелярии рытников, Илия не понаслышке знал о ведьмах с колдунами и тех методах, что воины Храма применяли к ним. И мог отделить одно от другого.

Перед мысленным взором преподобного отца запылали костры инквизиции. Он даже примерно смог прикинуть, сколько на самом деле безвинных, но подходящих под описание ведьм из книги, людей пойдут на аутодафе. Где-то задней мыслью, тайком даже от себя, голос Синода подсчитал и прибыль для церкви от всех этих процессов. Подсчитал и тут же отнёс эту мысль, как заведомо греховную.

Очевидно, Генрикс и Якуб, действительно, преследовали благородную цель искоренения ереси и недопущения зла, но зашли они явно слишком далеко. Иные их излияния по поводу малефиций, то есть злодеяний, вызывали у Илии откровенный смех. Как то, например, склонение женатых и замуж-

них людей к плотским утехам. Илия не первый день топтал землю и прекрасно знал, что для этого никаких ведьм или бесов не требовалось. Чего только стоил один Захария, который любил полакомиться новыми симпатичными послушницами. Едва ли он каждую ночь подвергался злокозненному колдовству.

В чём-то подобном по настоянию Синода обвинялся и приснопамятный Азарь. Для чего было вводить в дело это глупое и смешное обвинение, Илия не понимал до сих пор. Особенно если учесть, что реальных грехов и преступлений у Азаря было предостаточно.

Кстати, о ересиархе. То, что предлагали бесноватые святые братья, чем-то очень отдалённо напоминало предложение самого Илии Азарю. Но если преподобный предлагал ересиарху выдавать нескольких человек и с некой периодичностью, то костры инквизиции грозили ежедневными жертвами. Десятками жертв. Особенно если подкрепить эти процессы «Молотом ведьм». И Азарь бы выдавал виновных по всем статьям, кто уже совершенно точно запятнал себя служением еретическому учению. А здесь поди разберись, кто правда ведьма, а на ком навет? Да и будут ли разбираться на самом деле? Учитывая последнее условие святых братьев – всё имущество уличённого в малефициях списывается в пользу церкви, а десятая часть его отходит тому, кто предал ведьму в руки инквизиции.

Так до конца и не определившись, что делать с опасной

книгой, Илия сунул её в заплечную котомку и покинул свою келью.

Жил Илия вместе с остальными служителями Храмовых скал. Его келья не отличалась ни богатым убранством, ни большими размерами, чем у какого-нибудь заштатного дьячка.

По сути, Илия был единственным членом Священного Синода, кто остался в своей самой первой келье, куда его поселили ещё до окончания семинарии, предпочтя её просторным палатам с лепниной и фресками. По слухам, например, в одной из комнат, принадлежащих святому отцу Иерониму, стоял небольшой фонтан.

Илия знал об этом. Как знал и о многом другом. В его бедняцкой келье был целый тайник, где содержались бумаги. Опасные бумаги. За каждую из которых он легко мог бы расстаться с головой. Сейчас в Храмовых скалах ждало слишком много неотложных дел. Но как только с ними будет покончено, Илия всерьёз возьмётся за всех недобросовестных и злоупотребляющих своим положением священников. Сперва нужно вымести сор из избы, а потом уже принимать за двор. И быть может, «Молот ведьм» окажется бесполезен и здесь.

Жилые кельи находились на севере от главного храма, почти за всеми важными постройками. И путь от кельи до рабочих покоев занимал у Илии в среднем чуть больше часа. За это время преподобный успевал свидеться со многими

простыми служками, а с некоторыми и переброситься парой слов.

В тот день Илия пребывал в скверном расположении духа. Не останавливаясь для разговора хоть с кем-нибудь, неподобный отец дошёл до главного храма и нырнул в зев распахнутых настежь двустворчатых дверей.

На девятом этаже третьей из семи башен главного храма заседал Синод. Все члены уже были на своих местах и ожидали только Илию. Комнаты, где работали высшие чины Храмовых скал, назывались столами. Каждый стол заведовал своим направлением: чёрный – челядью, кашевой – продовольствием и питанием, был и тайный, что ведал разного рода прознатчиками, наушниками, лазутчиками и даже рытниками. Синод относился к большому столу.

Большой стол располагался в просторном трёхкомнатном помещении с высокими сводчатыми потолками, усыпанными фресками. Своды подпирались изящными колоннами с лепниной, на стенах висели иконы в богатых золочёных рамках. Высокие стрельчатые окна давали много света, но кроме них с потолков свисали тяжёлые золотые канделябры, усыпанные сотнями свечей. К стенам тулились лампадки и каганцы на треножниках. Вдоль боковых стен тянулись высокие стеллажи, заставленные внушительными фолиантами в кожаных переплётах. Сами члены Синода восседали на резных стульях, обитых красным бархатом, за круглым столом красного дерева с зелёным сукном в середине.

Илия вошёл хмурый и поздоровался со всеми только кивком. Сев на своё место между Захарией и святейшим Мелехом, он бросил котомку перед собой и сложил ладони в замок.

– Извините за опоздание, господа, – сказал Илия. – Я работал до поздней ночи, но увы, плоть слаба. Под утро меня сморил крепкий и беспробудный сон. Вы что-то уже начали обсуждать?

– Будет вам, преподобный Илия, – отмахнулся рыхлый Алеф, сидевший напротив голоса Синода. Алеф вальяжно потирал пепельную окладистую бороду и будто бы вообще мало интересовался всем происходящим: – Вы опоздали всего-ничего.

– И, тем не менее, мы обсуждали кое-что невероятно важное, – произнёс Нахор, в упор глядя на Илию, и поправил изящное пенсне на орлином носу.

– Я весь внимание, господа, – виновато развёл руками Илия.

К нему повернулся сидящий слева Мелех и, натянув потуже на голову капюшон, заговорил глухим, почти загробным голосом.

– Это всё Сота.

– Мироградский князь? – удивился Илия. И отметил про себя, что что-то слишком часто он в последнее время стал удивляться.

Мелех кивнул и продолжил.

– Мирोगрад развязал войну одновременно с Одоленем и Тигарьском.

– На что он надеется? – не удержался Илия.

– Учитывая его недавнюю авантюру с Лихобором, то видимо, на что-то надеется, – невозмутимо ответил Мелех. – Но для нас это стало бы безделицей, если бы не одно «но»...

– Мирोगрад отказался уплачивать в этом году церковную десятину, – Захария в ярости сжал в кулак изящные пальцы. И, давась от злости, докончил: – Именно сейчас, когда эти деньги необходимы для восстановления Храмовых скал.

– Однако, – протянул голос Синода. – Но ведь мы можем наложить на них епитимию и временно отлучить Мирोगрад от церкви. Крестьяне испугаются.

– Это же Сота! – воздел очи горе Захария. – Кто знает, какотреагирует этот дедеров сын? Не удивлюсь, если через пару лет в его княжестве снова запахнет язычеством.

– Да, но мы пока ещё Храмовые скалы! – упорствовал Илия. – В наших руках вся духовная власть от Нефритовых Скал до Стрижени. Одно наше слово – и Мирोगрад окажется в экономической блокаде. Да чего уж там, многие государства и так уже не хотят иметь с Сотой никаких дел. Нам нужно только правильно этим воспользоваться.

– Ты не дослушал, – мрачно обронил Мелех. – Вина Соты отнюдь не в том, что он отказался платить, а в том, что он создал прецедент. Точно не известно, но некоторые факты указывают на то, что мироградец как-то узнал о набеге на

Храм, который едва не стал фатальным для нас. И, видимо, о наших тяжких потерях.

– Хочешь сказать, – подобрался Илия, – что этот проходимец так обнаглел, потому что уверен в своей безнаказанности?

– Безнаказанность рождает беззаконие, – развёл руками Фарра.

– Думает, у нас много дел, и до него не дотянемся, – прошипел Захария.

– И ведь прав, каналья, – меланхолично заметил, поглаживая бороду, Алеф. А потом заметил тяжёлые взгляды Синода и пояснил: – Сами посудите, где Храмовые скалы, а где Мироград? Особенно учитывая, *скольких* мы потеряли неполных две недели назад. Скольких рытников забрал с собой на тот свет Безумный рив, и сколько отправились следом за Гааталией. Наши дома разрушены, а склады разграблены или сожжены. А зима близко, вот тут вот, други мои, – Алеф постучал себя по носу. – Нам нужно чем-то кормить людей, куда-то их расселять и чем-то греть. Посмотрите правде в глаза, святые братья, на данный момент нам, действительно, не до Мирогграда.

– К сожалению, но святейший Алеф может быть прав, – произнёс Нахор. В его пенсне мрачно отразились огоньки каганцев. – Мы сами отказали в паломничестве этим сезоном. Через кого подать весть на материк? Наш флот сожжён вместе с флотом рива.

– Я абсолютно уверен, – жёстко произнёс Илия, проживая Нахора взглядом, – что на всех Храмовых скалах можно отыскать одну посудину, способную перевести небольшой отряд моряков. Или хотя бы подлежащую ремонту.

– Преподобному голосу Синода виднее, – поклонился Нахор, – ведь на ваших плечах лежит бремя расчистки и восстановления Храмовых скал.

– Вот именно, – с нажимом произнёс Илия. – Давайте не раздувать трагедию из ничего.

– Из ничего ли? – вкрадчиво произнёс горбатый карлик Яфет.

– Есть что-то ещё? – на всякий случай уточнил Илия.

– Конечно, мой родной! – панибратски воскликнул Яфет, но юродивому многое прощалось в Храмовых скалах. – Сатхаир Ард попросил временно отсрочить им выплату десятины ввиду увеличения суммы налога. Разбойники с Мошуарских островов разграбили все церкви в предместьях Бараа-Тору.

– Напоминает танцы на костях, – заметил Захария.

– Но мы ещё живы, – возразил Мелех.

Синод ударился в полемику. Кабинет утонул в горячих спорах и выкриках.

Илия медленно встал и подошёл к окну. Снаружи священники сменили рясы и балахоны на безрукавки и прорубались вниз – в ещё девственную скалу, внутри которой скоро расступятся узкие коридоры и монашеские жилые кельи, скла-

ды и кухни. Но камень, хоть и надёжный материал, но далеко не быстрый в обработке. Поэтому трудолюбивые, как муравьи, храмовники длинной цепью тянули с берегов доски и столбы. Дерево бралось с уцелевших кораблей ривской флотилии. А далеко, на северном берегу, уже строились исполинские леса и почти верфи. По особому указу Илии спустя несколько дней там начнут восстанавливать парусные ладьи, чтобы вернуть Храмовым скалам возможность сообщения с большой землёй.

Голос Синода не слушал своих братьев. Он расхаживал, заложив руки за спину, от одного окна к другому. Измеряя шагами расстояние между ними, Илия что-то неразборчиво бубнил себе под нос. Иногда он останавливался и как бы беззвучно спрашивал себя о чём-то.

– Господа, а что такого, собственно, случилось? Господа? – слово держал короткостриженный Хеттура с лицом добрейшего из добряков. «Дева» в пыточной была его изобретением. – Не понимаю, чего все так переполошились? Ну, отказался Сота платить, что в этом фатального? Как будто кто-то ожидал от этого мерзавца чего-то хорошего. Разбойники? Они всегда кого-то грабят. А отсрочку Сатхаир Арду и впрямь можно дать, что здесь такого? Нам ведь, главное, получить эти деньги, верно?

– Нет, неверно! – наконец, подал голос Илия. Он подошёл и упёрся руками о стол прямо напротив Хеттуры. – Если святейшие братья не против, я бы хотел ответить на все ваши

вопросы, святейший Хеттура.

Никто не был против.

– Начну с конца, – начал Илия. – Эти деньги нам нужны не послезавтра, не сегодня, и даже не вчера. Хочу напомнить святейшему Хеттуре, что Храмовые скалы – это не зелёные луга. За всю историю тут травинки не выросло, кроме плесени и мха. А как справедливо заметил Алеф, близятся холода. И нам нужно чем-то кормить людей и как-то обогревать их на этом продуваемом всеми ветрами острове.

– Что касается разбойников, – всё громче продолжал голос Синода. – Безусловно, они грабили всегда и всех. Всех, кроме церквей! Поскольку знали, что рытники отыщут их след даже в дедеровой кузнице. Даже ушкуйники уже не дерзят подобным. А Сота... Сота – это вообще отдельный случай. Мы можем много препираться о том, кто и чего мог ожидать от него, но Мелех прав – он создал прецедент. Донельзя паршивенький прецедент, доложу я вам, государи мои, – Илия покрутил перед своим лицом пятернёй. – Сатхаир Ард, да бог с ним, в конце концов, он единственный пока попросил об отсрочке. Но он просил! – голос Синода сделал ударение на слове «просил». – А Сота поставил нас перед фактом, что в этом году десятины от него не дождёмся. И рано или поздно об этом станет известно, государи мои. А то, что сделал один, когда-нибудь осмелится повторить другой.

Илия замолчал. Алеф было открыл рот, чтобы что-то сказать, но голос Синода остановил его.

– Прости меня, святейший брат, но я не закончил. Знаете, я вырос в предместьях Великого Новиграда. То ещё место было, доложу я вам. Там царила только одна власть – власть силы. Никакой местный староста или дозорный не сказал бы слово поперёк вольных. Так называли себя преступники, что подмяли под себя всю округу. Но ведь никто не рождается таким бандитом. Я своими глазами наблюдал, как простые весёлые мальчишки превращались в настоящих шакалов. Сначала они просто не выполняют своих обещаний. По мелочи, как бы не хотели обидеть. Им спускают. Потом они нарушают порядок. Слегка, что и говорить не стоит. Отчего смелеют. Потом задирают тебя, эдак шутя, не всерьёз. Но ты молчишь – шутка же. Их удары крепчают, но ты по-прежнему молчишь, ведь всё начиналось с шутки. Всё ещё не веришь. А дальше каждый из вас становится для них лишь дичью. Они охотятся на вас, гонят, как зверя, и упиваются вашим страхом. Вы пытаетесь их усмирить, говорите с ними, но время разговоров давно прошло. Они годами вырабатывают в себе способность охотиться на людей всегда, когда угодно. Но мы-то не учимся им противостоять, мы всё ещё говорим с ними...

– Вы, Илия, что-то уже заговорили, как Азарь, – поддел его Нахор.

– Азарь, конечно, редкостный мерзавец, – голос Синода выпрямился и пошёл к своему месту. – Но собеседником был превосходным. Прискорбно, что такой ум пошёл по пу-

ти ереси.

– Ещё и лучшего рытника у нас забрал, каналья! – поддакнул Алеф и снова развалился на стуле.

Илия наградил его хмурым взглядом и поднял со стола котомку.

– Я просто хотел сказать всем этим, уважаемый Нахор, что всё великое начинается с малого. Сегодня Сота в ультимативной форме отказался платить дань, а завтра так поступят все неревы разом. К тому же, он как бы намекает нам, что в своём горе мы сделались беззащитны. Никаким почтением к нашим павшим товарищам тут не пахнет. Поэтому, если Мировград не только не сочувствует нашему горю, а решил вдруг нажиться на нём... Я считаю, милостивые государи, что он должен разделить его! – грянул Илия. Так громко, что все вздрогнули.

Голос Синода обвёл всех тяжёлым взглядом и веско обронил.

– Я предлагаю в государствах, отвернувшихся от нас в час скорби, пока у Храмовых скал ещё сохраняется какая-то власть, ввести священную инквизицию.

Повисло молчание.

А потом Синод взорвался ропотом. Шумели так, будто на совете присутствовало не двенадцать человек, а все сто.

Илия поднял руку. Все умолкли.

– Наша боль станет их болью. Более того, так в умах мирян мы снова поставим себя выше правителей. Возможно,

со временем сами правители смогут быть подсудны инквизиции. А чтобы ускорить этот процесс и предать ему невиданный доселе размах, я предлагаю вот эту книгу. — Илия достал из котомки «Молот ведьм» и грохнул его на стол. — Изучите, господа.

Члены Священного Синода после беглого пролистывания принялись передавать роковой трактат по кругу. Кто-то цокал и качал головой, кто-то удивлённо поднимал брови, кто-то откровенно хватался за голову.

Илия смотрел на всё горящим взглядом. Его грудь порывисто вздымалась, а самого преподобного бил озноб. Неосознанно он сжал кулаки и расправил грудь, как будто собирался лично намять бока всякому, кто рискнёт послушаться воли Храмовых скал.

— И помните, господа. Доколе вечно и неприступно стоять Великому Храму, дотолé нерушим буде свет истинной веры. Храм зашатался.

Илия круто развернулся и покинул Большой стол. Дверь за его спиной громко захлопнулась.

Повисло молчание.

Члены Синода хмуро уставились на рукопись.

Глава 12

Сон был тяжёлым. Его рвали на части химеры разных миров. Неясные, полуразмытые образы, тени, привидения. Изломанные в крике лица. Висящие вниз головой на косых крестах люди. Высокие, подпирающие сводами небо зиккураты, куда целыми вереницами тянутся угрюмые невольники. Жертвенники из неизвестного белого камня, от которых по узким желобкам стекает кровь.

Тут же людей гнали на убой крепкие надсмотрщики в золотистых килтах и бармах. Каждый из них держал в руках короткое золотое копьё, усыпанное на конце рубинами и сапфирами.

Странные, наводящие неясный, безотчётный ужас иероглифы на жёлтых стенах.

Смрадный чад факелов.

Одетые так же, как и надсмотрщики, только с рубинами, алмазами и топазами на узких бармах жрецы. На головах они носили цилиндрические, расширяющиеся кверху головные уборы с тонкой золотистой змейкой спереди. Жрецы вдохновенно читают что-то из громадных чёрных книг, лежащих на позолоченных кафедрах.

Огонь, стоны. Снова какие-то лица, искажённые беззвучным криком. Снова кресты. Крылатые исполинские существа кружат в небе. Молнии бьют в дымящийся песок. Ка-

тятся вниз по ступеням зиккурата тела. В неистовой молитве на колени падают верующие.

Распятые вниз головой люди захлёбываются в собственной крови.

У белого жертвенника пирует он... Нет, не он, а Он – царственный андрогин. Существо без пола или обоих полов разом. Он смеётся, размазывая кулаком по губам густую кровь. Перед ним на жертвеннике корчатся люди. Андрогин пожирает их живьём.

В небе кружат крылатые.

Рушатся зиккураты. Вместе с обломками камней и драгоценной утвари вниз летят люди.

Андрогин смеётся.

Бескрайние поля распятых людей. Умершие от обезвоживания верующие навеки застыли в рабелепных позах.

Андрогин ест. Смеётся и ест.

Нет, не андрогин... Чудовищно смеётся... заливисто, безумно... смеётся... кажется... Да! Это нетопырь! Нетопырь по имени Фаул истерично смеётся и продолжает набивать утробу живыми людьми.

Исступлённо стучат барабаны. Барабанщиков будто бы быют конвульсии. На толстых чёрных губах проступает кровавая пена.

Нетопырь отнимает от губ кубок с кровью, и его голос громовыми раскатами сотрясает землю. Нетопырь говорит: *«Именем святой инквизиции!»*

...От власти ужасных видений его отняли тёплые женские руки. Девушка была красива, очень красива. На круглом ухоженном лице испугано хлопали пушистыми ресницами огромные зелёные глаза. Пухлые влажные губы что-то говорили, но в ушах стоял только звон.

Попытка повернуть набок голову отдалась дедеровской головной болью и рябью перед глазами. Мышцы шеи тоже изрядно болели. Кажется, где-то надорвалась корка от затвердевшей крови, и тонкая горячая струйка побежала за шиворот.

– Господи, очнулся! – наконец удалось услышать девушку. Её глаза стали ещё больше, а тонкие изящные ладони закрыли рот, будто девица боялась закричать. – Кто-нибудь, сюда! Позовите Валигора!

Подошёл мужчина, седобородый, с насупленными густыми бровями. Он внимательно посмотрел в глаза, а потом спросил:

– Ну, ты как? Если ты слышишь меня и понимаешь, то кивни. Или хотя бы закрой глаза.

Кивнуть не удалось. Должно быть, всё, на что ещё способны были мышцы шеи, ушло на первый поворот головы в сторону. Поэтому пришлось зажмуриться. Медленно – даже веки повиновались с трудом.

– Хорошо, – хмыкнул мужчина. – Меня зовут Валигор, я знахарь на судне «Ярый жеребец». Это вот, – мужчина указал на девушку, которая разбудила *его* от кошмара, – Цве-

тана. Она всё это время была твоей сиделкой. А пробыл ты в беспамятстве без малого две седмицы. Я уж, грешным делом, подумывал добить тебя, чтоб не мучился. А ты вон, молодец, крепкий оказался. Судно у нас купеческое. Сейчас мы плывём на побережье Шонь Рю. Тебя подобрали в Храмовых скалах, когда нам отказали там в пристанище. Ты что-то помнишь? Можешь назвать хоть своё имя?

Он хотел было сказать Азарь, но непослушные губы едва разомкнулись, и не вышло издать даже хрипа.

– Понятно, – почесал бороду Валигор и дал знак кому-то у изголовья Азаря. Тотчас голову ересиарха приподняли мягкие заботливые руки, а знахарь поднёс к губам берестяной стакан с горячим ароматным отваром. – Пей, мил человек, это поможет тебе восстановить силы. Не бойся, ничего колдовского, просто отвар из ромашки, иван-чая и липы. А знатная заварушка у вас там, однако, была, – вслух рассуждал Валигор, пока Азарь пил. – Удивительно, как ты ещё уцелел, когда из морских глубин вышли чудища. Ты что-нибудь помнишь?

Азарь тотчас напрягся и пристально посмотрел на знахаря.

– Вижу, что помнишь. Как сил наберёшься, расскажешь. Очень любопытно, знаешь ли, узнать из первых уст обо всём, что было. Но рытники, конечно, это сила... Втроём победить целую армию нежити, при этом не допустив даже до самих предместий – просто невероятно. Настоящие чудеса Господ-

ни, — знахарь восхищённо зацокал языком. — А ты, должно быть, был среди паломников, когда начался прорыв?

Азарь счёл разумным утвердительно сомкнуть веки.

— Вот страху-то, наверно, было, — покивал сам себе Валигор. — Если я правильно понял, как мне объясняли святые отцы, ты был из тех гостей Храмовых скал, кто первыми попал под удар. Настоящее чудо, что ты выжил! Несмотря ни на что, — знахарь легонько хлопнул Азаря по плечу, и ересиарх весь сжался, зажмурился и едва слышно захрипел. — Прости, парень. Но это ничего, если больно, стал быть, жив ещё. И землю-мать ещё потопчешь. В рубaxe, считай, родился. Отдыхай, набирайся сил. Дорога ещё дальняя, успеем обо всём обговорить.

Знахарь забрал пустой стакан и быстрым гулким шагом удалился. Цветана принялась протирать лицо ересиарха влажной холодной тряпкой.

Силы возвращались к нему до невозможности медленно. Ещё несколько дней Азарь не мог даже сесть самостоятельно, не говоря уже о том, чтобы встать с узкой парусины подвесного лежака. Нужду справлял при помощи Цветаны в приплюснутое кованое судно. Девушка ухаживала за ним, как родная мать. Кормила с ложки, помогала облегчиться, протирала раны и меняла повязки.

Оказывается, на теле Азаря практически не осталось живого места. Он с ног до головы, как михдинская мумия, был закручен в длинные узкие полотнища. Руки и ноги отказы-

вались подчиняться три дня после того, как ересиарх пришёл в себя. Спустя тридни, он смог медленно сгибать конечности в локтях и коленях. О том, чтобы поднять их, не шло речи. Контроль над стопами и кистями начал возвращаться и того позже, когда Азарь мог уже самостоятельно, хоть и кособоко, садиться – спустя ещё две недели их плаванья.

Моряки «Ярого жеребца» сторонились его. Никто, кроме Цветаны и Валигора, не обмолвился с Азарем и парой слов до тех пор, пока не пристали к небольшим мостикам местечка Цьюок в Шонь Рю. Тогда потихоньку маявшиися от скуки во время торга морские волки нет-нет да стали осторожно перебрасываться с Азарем шуткой-другой.

Ересиарх к тому времени уже вполне сносно говорил. Затруднения в произнесении слов всё ещё случались, но, по крайней мере, он мог поддержать разговор.

Первое время знахарь пытался вызнать у больного подробности нашествия чудовищ на Храмовые скалы, но очень быстро оставил эту затею. Не зная, что команде и самому Валигору наплели про него храмовники, ересиарх боялся взболтнуть лишнего, поэтому старательно делал вид, что ему очень тяжело даются воспоминания того дня. Азарь закатывал глаза, начинал чаще дышать, конвульсивно сжимал кулаки и иногда изображал нервный тик.

Всё это ещё сильнее убеждало знахаря, что несчастному пришлось пройти в тот день через все круги дедеровой кузницы. И в общем, он отнюдь не далёк был от истины.

Насколько удалось понять Азарю из разговоров с врачом, священники придумали следующую историю. Азарь был одним из некоторого числа паломников, пришедших в Храмовые скалы снискать благодати. Но стоило им высадиться на берег, как из океанской пучины прямо на сушу посыпали ужасные создания. Монстры убивали самым зверским образом каждого, кому выпадало несчастье попасться им на пути. А потом, как по волшебству, появилось трое рытников — как в сказках — и они в одиночку разбили все чудовищные рати, даже не подпустив их к людским поселениям.

В целом история неплохая и в известной мере реалистичная. Давно ведомо, что если хочешь сделать свою ложь более правдивой, в неё нужно вплести некоторую толику истины. Про полное уничтожение предместий и детинца, атаки на главный храм, тысячи погибших священнослужителей, заградительные отряды и даже смерти многих цепных псов Храма, разумеется, никто не обмолвился и полсловом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.